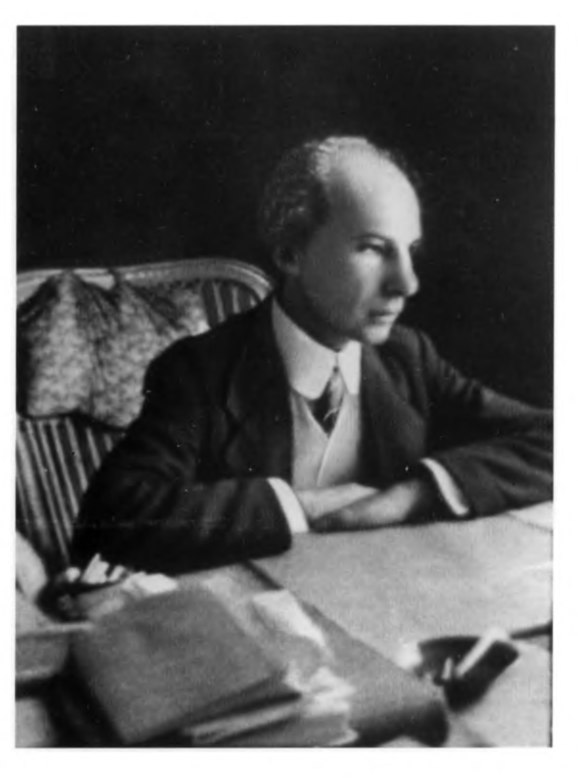
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ



Андрей Белый

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Собрание стихотворений 1914

Издание подготовил
А. В. ЛАВРОВ

МОСКВА "НАУКА"
1997

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
"ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ"

Д.С. Лихачев (почетный председатель), *В.Е. Багно*,
Н.И. Балашов (заместитель председателя), *В.Э. Вацуро*,
М.Л. Гаспаров, *А.Л. Гришунин*, *Н.Я. Дьяконова*,
Б.Ф. Егоров (председатель), *А.В. Лавров*,
А.Д. Михайлов, *И.Г. Птушкина* (ученый секретарь),
И.М. Стеблин-Каменский, *С.О. Шмидт*

Ответственный редактор
Н.А. БОГОМОЛОВ

ТП–97–II–N175
ISBN 5-02-011281-X

© А.В. Лавров, статья, примечания, 1997
© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Литературные памятники" (разработка, оформление) 1948 (год основания), 1997

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩

Предпринимая издание своих стихотворений, автор мог руководствоваться двумя мотивами напечатания или распределения. Во-первых: он мог руководствоваться принципом распределения по отделам, объединенным той или иной руководящей темой. Такое распределение имеет смысл в пределах одного сборника. Подбирать же стихотворения по темам и вытягивать тему на протяжении 14 лет в "*Собрании стихотворений*" не имеет смысла. Автор поэтому расположил свои стихотворения в хронологическом порядке, за исключением стихотворения "Шутка". Хронологический порядок предполагает не столько эстетический критерий, сколько историко-литературный. Видна эволюция тем, интересующих автора.

При составлении "*Собрания стихотворений*" автор руководствовался не художественными достоинствами стихов; поэтому он оставил много формально слабых стихотворений в том виде, в каком они первоначально вошли в три сборника автора: "*Золото в лазури*", "*Пепел*" и "*Урна*"; иные из этих стихотворений характеризуют идейные искания и переживания автора несравненно ярче, нежели другие стихотворения (напр⟨имер⟩, эпохи

"*Урны*" и "*Пепла*"). Так 1/2 отдела "Золото в лазури" и все стихотворения 1900–1902 года (за немногими исключениями) автор бы изъял; но тогда определенная полоса поэтического развития автора не нашла бы себе места в таком "*избранном*" собрании стихотворений. К первому тому автор присоединил юношеский отрывок из ненаписанной мистерии "Пришедший", как дающий ключ к пониманию ряда стихотворений (напр⟨имер⟩, "Не тот", "Мания", "Вечный зов" и т.д.).

Что касается переделки стихотворений, то автор переделывал лишь те из стихов, в которых были кричащие несовершенства техники при всей симптоматичности самих стихотворений.

В заключение автор должен сказать, что считает "*Собрание стихотворений*" завершенным поэтическим этапом. Для него остаются в силе слова предисловия к третьему сборнику стихов: «Я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "я"... Еще "*Золото в лазури*" далеко от меня... в будущем...» (Предисловие к "*Урне*").

Автор

Арлесгейм, 21 июля н.ст. 1914 г.

ТОМ ПЕРВЫЙ

⟨1901 год⟩

ЗАКАТ

Бледнокрасный, весенний закат догорел.
Искрометной росою блистала трава.
На тебя я так грустно смотрел.
Говорил неземные слова.

Замерла ты, уйдя в бесконечный простор.
Я все понял. Я знал, что расстанемся мы.
Мне казалось – твой тающий взор
Видел призрак далекой зимы.

Замолчала… А там степь цвела красотой.
Все, синея, сливалось с лазурью вдали.
Вдоль заката тоскливой мечтой
Догоревшие тучки легли.

Ты, вставая, сказала мне: "Призрак… обман…"
Я поник головой. Навсегда замолчал.
И холодный, вечерний туман
Над сырыми лугами вставал.

Ты ушла от меня. Между нами года.
Нас с тобой навсегда разлучили они.
Почему же тебя, как тогда,
Я люблю в эти серые дни?

Москва

ОДИН

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
У окна.

Ветер. Никнет, споря,
Ряд седых берез.
Много было горя…
Много слез…

И встает невольно
Скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно…
Я один.

Москва

ПРИЗЫВ

Памяти М.С. Соловьева

Призывно грустный шум ветров
Звучит, как голос откровений.
От покосившихся крестов
На белый снег ложатся тени.

И облако знакомых грез
Летит беззвучно с вестью милой.
Блестя сквозь ряд седых берез,
Лампада светит над могилой

Пунцово-красным огоньком.
Под ослепительной луною
Часовня белая, как днем,
Горит серебряной главою.

Там... далеко... среди равнин
Старинный дуб в тяжелой муке
Стоит затерян и один,
Как часовой, подъявший руки.

Там, далеко... в полях шумит
И гонит снег ночная вьюга...
И мнится – в тишине звучит
Давно забытый голос друга.

Старинный дуб порой вздохнет
С каким-то тягостным надрывом...
И затрепещет, и заснет
Среди полей глухим порывом.

Москва

* * *

Сомненье, как луна, взошло опять,
И помысл злой
Стоит, как тать, –
Осенней мглой.

Над тополем, и в небе, и в воде
Горит кровавый рог.
О, где Ты, где, –
О, где Ты – Бог?

Откройся нам, священное дитя…
О, долго ль ждать,
Шутить, грустя,
И умирать?

Над тополем погас кровавый рог.
В тумане Назарет.
Великий Бог!..
Ответа нет…

Москва

* * *

Венки засохли, и тоги – смяты…
Дрожащий светоч едва мерцает.
Бежим куда-то, тоской объяты,
И кто-то, грустный, во мрак взывает.

Приют роскошный – волшебств обитель, –
Где восхищались мы знаньем новым, –
Спалил нежданно разящий мститель
В час полуночи мечом багровым.

И вот бежим мы, бежим, как тати,
Во тьме кромешной, куда – не знаем,
Тихонько ропщем, перечисляем
Недостающих, отсталых братий.

Серебряный-Колодезь

СВЯЩЕННЫЕ ДНИ

Порывы метели суровы и резки.
Ужасная тайна в душе шевелится.

Задерни, мой брат, у окна занавески:
А то будто Вечность в окошко глядится.

В окне дерева то грустят о разлуке
На фоне небес неизменно свинцовом,

То грозно шумят о Пришествии Новом,
Простерши свои суховатые руки.

Куда нам девать свою немощь, о братья?
Куда нас порывы влекут буревые?

Бескровные губы лепечут заклятья.
Священна тоска в эти дни роковые.

Москва

ВОЗМЕЗДИЕ

1

Пусть вокруг свищет ветер сердитый,
Облака проползают у ног.
Я блуждаю в горах, – позабытый,
В тишине замолчавший пророк.

Горький вздох полусонного кедра.
Грустный шепот: "Неси же свой крест..."
Черный бархат истыкан так щедро
Бесконечностью огненных звезд.

Великан, запахнувшийся в тучу,
Как утес мне грозится из мглы.
Я осилю – все выси, все кручи.
Надо мной – облака и орлы.

2

И все выше, все выше всхожу я.
И все легче, все легче дышать.
Непогода, волнуя, бунтуя,
Начинает протяжно рыдать.

Но взываю, взволнованный, дикий:
"Иммануил грядет! С нами Бог!"
И – оттуда, где хаос великий, –
Раздается озлобленный вздох.

И над каменной, мшистой стремниной
Я встаю… Еще день не настал:
Слишком рано я встал над низиной
И в беззорные ночи воззвал.

Знаю всё: разорвут ураганы,
Грозовые охватят огни…
Я беззвучно взираю в туманы, –
Раздираю одежды свои.

3

Там… в низинах… ждут с верой денницу.
Жизнь мрачна и печальна, как гроб.
Облеките меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб.

Острым тернием лоб увенчайте!
Обманул я вас песнью своей.
Распинайте меня, распинайте.
Знаю – жаждете крови моей.

На кресте пригвожден… Умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: "Я знаю…"
Поцелуем смыкает глаза.

Ах, я знаю – средь образов горных
Пропадет сиротливой мечтой,
Лишь умру, – стая вóронов черных,
Что кружилась всю жизнь надо мной.

Пригвожденный к кресту, умираю.
На щеках застывает слеза.
Кто-то, Милый, мне шепчет: "Я знаю…"
Поцелуем смыкает глаза.

4

Черный бархат, усеянный щедро
Миллионами огненных звезд.
Сонный вздох одинокого кедра.
Тишина и безлюдье окрест.

Москва

ЖИЗНЬ

1

Сияя перстами, заря рассветала
Над морем, как ясный рубин.
Крылатая шхуна вдали утопала.
Мелькали зубцы белых льдин.

Душа молодая просила обмана.
Слеза нам туманила взор.
Бесстрашно отчалил средь хлопьев тумана
От берега с песней помор.

Мы сдвинули чаши, наполнив до краю
Душистым, янтарным вином.
Мы плакали молча, о чем, я не знаю.
Нам весело было вдвоем.

2

Года проходили... Угрозой седою
Полярная ночь шла на нас.
Мы тихо прощались с холодной зарею
В вечерний, тоскующий час.

Крылатая шхуна в туман утопала,
Качаясь меж водных равнин.
Знакомым пятном равнодушно сияла
Стена наплывающих льдин...

Старушка, ты робко на друга взглянула, –
Согбенный, я был пред тобой.
Ты, прошлое вспомнив, тихонько вздохнула,
Поникла седой головой.

3

Я глухо промолвил: "Наполним же чаши...
Пусть сердце забьется опять...
Не мы, так другие, так правнуки наши
Зарю будут с песней встречать...

Пускай же охватит нас тьмы бесконечность –
Сжимается сердце твое?
Не бойся: засветит суровая Вечность
Полярное пламя свое!.."

Знакомую песню вдали затянули.
Снежинки мелькали кругом...
Друг другу в глаза мы с улыбкой взглянули...
Наполнили чашу вином.

Серебряный-Колодезь

УТЕШЕНИЕ

Скрипит под санями сверкающий снег.
Как внятен собак замирающий бег.

Как льдины на море, сияя, трещат...
На льдинах, как тени, медведи сидят...

Хандру и унынье, товарищ, забудь!
Полярное пламя не даст нам уснуть...

Вспомянем, вспомянем былую весну...
Прислушайся – скальды поют старину...

Их голос воинственный дик и суров...
Их шлемы пернатые там, меж снегов,

Зажженные светом ночи ледяной...
Бесследно уходят на север родной.

Москва

ОПЯТЬ ОДИН

Опять – один. Тоскую безнадежно.
Виденья прежних дней –
В волне теней...

Отчетливей, ясней
Ловлю полет годин.
Грядущее мятежно.

Опять – один.
Тоскую безнадежно.

Что было, то – прошло:
Все – время унесло.
Тому, кто пил из кубка огневого,
Не избежать безмолвия ночного.

Уста мои огонь кровавый жжет...
Вдали – над тополями –
Горит огнями
Серп – среди вершин...
Туман спустился низко.

Один, один...
А смерть – так близко.

Москва

1902 ГОД

ВЕЛИКАН

"Поздно уж, милая, поздно... усни:
Это – обман...
Может быть, выпадут лучшие дни.

Мы не увидим их... Поздно... усни...
Это – обман..."

Ветер холодный призывно шумит,
Холодно нам...
Кто-то, огромный, в тумане бежит...

Тихо смеется. Рукою манит.
Кто это там?

Сел за рекою. Седой бородой
Нам закивал
И – запахнулся в туман голубой.

Призрак – холодный, бездомный, ночной...
Вот он пропал.

Сонные волны бегут на реке...
Месяц встает...
Ветер холодный шумит в тростнике...

Кто-то, бездомный, поет вдалеке,
Сонный поет.

"Нет – никого... Мы – в тени, мы – одни...
Тихий туман –
Стелется там... Мы – одни, мы – в тени.

Поздно уж, милая, поздно. Усни.
Это – обман".

Москва

СКАЗКА

Средь туманного дня,
Созерцая минувшие грезы,
Близ лесного ручья
Великан отдыхал у березы.

Над печальной страной
Протянулись ненастные тучи.
Бесприютной главой
Он прижался к березе плакучей.

Горевал исполин.
Меж бровями роились кручины.
Он кричал, что один
Он проходит в немые годины.

Облака разнесли
Этот жалобный крик великана.
Говорили вдали:
"Это ветер шумит средь тумана".

Проходили века...
Разражались старинные грозы.
По щекам старика
Покатились алмазные слезы.

ДЕТИ

Бедные дети устали:
Сладко заснули.
Сонные тополи в дали
Горько вздохнули.

Ветер занес их туманом
Мертвенно-бледным.
Месяц взлетел над туманом
Блеском победным.

Там – великан одинокий,
Низко согнувшись,
Шествовал к цели далекой,
В плащ запахнувшись.

Робко по облаку крался,
В месяц влюбленный…
Как его плащ развевался,
Ветром взметенный!

Дети, проснитесь!.. Уснули?..
Абрис могучий,
Вдруг набежав, затянули
Бледные тучи.

Москва

КЕНТАВР

Был страшен и холоден сумрак ночной,
Когда тебя встретил я, брат дорогой.
В отчаянье грозном я розы срывал
И в чаще сосновой призывно кричал:
"О где ты, кентавр, мой исчезнувший брат, –
С тобой, лишь с тобою я встретиться рад!..
Напрасен призыв одичалой души:
Ведь ты не придешь из сосновой глуши".

И тени сгустились... И тени прошли...
Блеснуло кровавое пламя вдали...
Со светочем кто-то на слезы бежал,
Копытами землю сырую взрывал.
Лукаво подмигивал. Взором блеснул
И длинные руки ко мне протянул:
"Здорово, товарищ... Я слышал твой зов...
К тебе я примчался из бездны веков".

Страданье былое, как сон, пронеслось.
Над лесом огнистое солнце зажглось.
Меж старых камней засиял ручеек.
Из красной гвоздики надел я венок.
Веселый кентавр средь лазурного дня
Дождем незабудок осыпал меня.

Весь день старый в золоте солнца играл,
Зеленые ветви рукой раздвигал,
А ночью туманной простился со мной
И с факелом красным ушел в мир иной.
Я счастья не мог позабыть своего:
Все слышал раскатистый хохот его.

Серебряный-Колодезь

БИТВА КЕНТАВРОВ

Холодная буря шумит.
Проносится ревом победным.
Зарница беззвучно дрожит
Мерцаньем серебряно-бледным.

И вижу – в молчанье немом
Сквозь зелень лепечущих лавров
На выступе мшистом, крутом
Немой поединок кентавров.

Один у обрыва упал
На грунте кровавом, изрытом;
Над ним победитель заржал
И бьет его мощным копытом.

Под ним серебрится река;
И волны летят по стремнинам;
Он хлещет крутые бока
И спину хвостом лошадиным.

Он поднял обломок скалы,
Поросший цветами и мохом…
И – нет ничего среди мглы…
И – ветер проносится вздохом.

*

Кругом только капли стучат.
Вздыхаешь об утре лазурном.
И слышишь, как лавры шумят
В веселье неслыханно бурном.

Москва

ПЕСНЬ КЕНТАВРА

Над речкой кентавр полусонный поет.
Мечтательным взором кого-то зовет.
На лире играет. И струны звенят.
В безумных глазах будто искры горят.
В морщинах чела притаилась гроза.
На бледных щеках застывает слеза.
Вдали – точно Вечность. Все то же вдали.
Туманы синеют. Леса залегли.
Уснет и проснется порыв буревой,
И кто-то заблещет, бездонно-немой.

Над речкой кентавр полусонный стоит.
В тревоге главу опустил и молчит.
Мечтатель со дна приподнялся реки,
Раздвинув дрожащей рукой тростники.
И шепчет чуть слышно: "Я понял тебя…
Тоскую, как ты, я. Тоскую, любя…
Безумно люблю и зову, но кого?
Не вижу, как ты, пред собой никого.
Учитель, учитель, мы оба в тоске –
Бездомные волны на шумной реке…
Как ты, одинок я. Ты робок, как я.
Учитель, учитель! Я понял тебя…"
Уснул и проснулся порыв буревой.
В волнах захлебнулся мечтатель речной.
Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза.
На бледных щеках застывает слеза.

Над речкой кентавр возмущенный зовет.
Уставшую землю копытами бьет.
Он вытянул шею. Он лиру разбил.
Он руки в безумстве своем заломил.
И крик его – дикое ржанье коня.
И взор его – бездна тоски и огня.
В волнах набегающих машет рукой
Двойник, опрокинутый вниз головой.

Москва

УТРО

1

Грядой пурпурной
Проходят облачка всё той же сменой.
В них дышит пламень.
Отхлынет прочь волна, разбившись бурной
Шипучей пеной
О камень.

Из чащи вышедший погреться, фавн лесной,
Смешной
И бородатый,
Копытом бьет
На валуне.
Поет
В волынку гимн весне,
Наморщив лоб рогатый.

У ног его вздохнет
Волна и моется.
Он вдаль бросает взгляды.
То плечи, то рука играющей наяды
Меж волн блеснет
И скроется…

Москва

2

В небе туча горит янтарем.
Мглой курится.
На туманном утесе забила крылом
Белоснежная птица.

Водяная поет.
Волоса распускает.
Скоро солнце взойдет
И она, будто сказка, растает.

И невольно грустит.
И в алмазах ресницы.
Кто-то, милый, кричит.
Это голос восторженной птицы.

Над морскими сапфирами рыбьим хвостом
Старец старый трясет, грозовой и сердитый.
Скоро весь он рассеется призрачным сном,
Желторозовой пеной покрытый.

Солнце тучу перстом
Огнезарным пронзило.
И опять серебристым крылом
Эта птица забила.

Москва

ГНОМ

1

Вихрь северный злился,
А гном запоздалый
В лесу приютился,
Надвинув колпак яркоалый.

Роптал он: "За что же
Убитый ненастьем,
О Боже,
Умру – не помянут участьем!"

Чредою тягучей
Года протекали.
Морщинились тучи.
И ливни хлестали.

Все ждал, не повеет ли счастьем.
Склонился усталый.
Качался с участьем
Колпак яркоалый.

2

Не слышно зловещего грома.
Ненастье прошло – пролетело.
Лицо постаревшего гнома
В слезах заревых огневело.

Сказал он: "Довольно, довольно..."
В лучах борода серебрилась.
Сказал – засмеялся невольно,
Улыбкой лицо просветилось.

И вот вдоль заросшей дороги
Неслась песнь старинного гнома:
"Несите меня, мои ноги,
Д о м о й, заждались меня д о м а".

Так пел он, смеясь сам с собою.
Лист вспыхнул сияньем червонца.
Блеснуло прощальной каймою
Зеркальное золото солнца.

Москва

ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ

Ты опять со мной:
Пришла из бездны времен.
Страшна мне разлука с тобой.

"Мой друг, это только был сон.
Ты заснул среди дня,
Согретый теплом.
Не слышал меня.
Рыдал о былом".

Я видел, что ты умерла
И в саване белом лежишь.
Кругом только мгла,
Только тишь.
Бил себя в грудь:
"Не воскреснешь ли ты?"
Свистал ветер: "Забудь,
Забудь мечты..."

Забыл твой взгляд.
Видел гроб парчевой.
Казалось, в крышку стучат
Ослабевшей рукой.

Проснулся – весна
В лазури дня.
Весна.
Ты, как прежде, глядишь на меня.

Москва

УЖ ЭТОТ СОН МНЕ СНИЛСЯ

На бледнобелый мрамор мы склонились
И отдыхали после долгой бури.
Обрывки туч косматых проносились.
Сияли пьяные куски лазури.
В заливе волны жемчугом разбились.

Ты грезила. Прохладой отдувало
Сквозное золото волос душистых.
В волнах далеких солнце утопало.
В слезах вечерних, бледнозолотистых,
Твое лицо искрилось и сияло.

Мы плакали от радости с тобою,
К несбыточному счастию проснувшись.
Среди лазури огненной бедою
Опять к нам шел скелет, блестя косою,
В малиновую тогу запахнувшись.

Опять пришел он. Над тобой склонился.
Опять схватил тебя рукой костлявой.
Тут ряд годов передо мной открылся...
Я закричал: "Уж этот сон мне снился!.."
Скелет веселый мне кивнул лукаво.

И ты опять пошла за ним в молчанье.
За холм скрываясь, на меня взглянула,
Сказав: "Прощай, до нового свиданья..."
И лишь коса в звенящем трепетанье
Из-за холма, как молния, блеснула.

У ног моих вал жемчугом разбился.
Сияло море пьяное лазури.
Туманный клок в лазури проносился.
На беднобелый мрамор я склонился
И горевал, прося грозы и бури.

Да, этот сон когда-то мне уж снился.

Москва

Я – ЭТО ТЫ

Янтарный луч озолотил пещеры...
Я узнаю тебя, мой друг старинный!
Пусть между нами ряд столетий длинный,
В моей душе так много детской веры.

Из тьмы идешь, смеясь: "Опять свобода,
Опять весна, и та же радость снится..."
Суровый гном, весь в огненном, у входа
В бессильной злобе на тебя косится.

Вот мы стоим, друг друг улыбаясь...
Мы смущены всё тем же тихим зовом.
С тревожным визгом ласточки, купаясь,
В эфире тонут беднобирюзовом.

О, этот крик из бездн, всегда родимый.
О друг, молчи, не говори со мною!..
Я вспомнил вновь завет ненарушимый,
Волной омыт воздушно-голубою...

Вскочил, ногой стуча о крышку гроба,
Кровавый карлик с мертвенным лицом:
"Все улетит... Все пронесется сном...
Вернетесь вы в свои могилы оба!.."

И я очнулся... Старые мечтанья!..
Бесцелен сон о пробужденье новом.
Бесцельно жду какого-то свиданья.
Касатки тонут в небе бирюзовом.

Москва

ПИР

Поставил вина изумрудного кубки.
Накрыл я приборы. Мой стол разукрашен.

Беспечно сижу на сосновом обрубке.
Уставился в золото облачных башен.

Я чую поблизости поступь гиганта...
На пир пригласил горбуна музыканта:

Присевши на кочку, с хохочущей злостью
Он бьет в барабан пожелтевшею костью.

На мшистой лужайке танцуют скелеты –
На мшистой лужайке танцуют свой танец...

Деревья листвой золотою одеты;
Меж листьев сверкает закатный багрянец.

Пришел, разорвав огневой горизонт,
Над лысиною распустивши свой зонт, –

Огромный детина: и – сел на обрубок;
И – тянет вина изумрудного кубок.

Москва

ВЕЧНОСТЬ

Шумит, шумит знакомым перезвоном
Далекий зов, из Вечности возникший.
Безмирнобледная, увитая хитоном
Воздушночерным, с головой поникшей
И с урной на плечах, глухим порывом
Она скользит бесстрашно над обрывом.

Поток вспененный мчится
Серебряной каймой.
И ей все то же снится
Над бездной роковой.
Провалы, кручи, гроты
Недвижимы, как сон.
Суровые пролеты
Тоскующих времен.

Все ближе голос Вечности сердитой...
Оцепенев, с улыбкою безбурной,
С душой больной над жизнию разбитой –
Над старой, опрокинутою урной –
Она стоит у пропасти туманной
Виденьем черным, сказкою обманной.

Москва

ВЕЧЕР

Тучек янтарных гряда золотая
В небе застыла, и дня не вернуть.
Ты настрадалась: усни, дорогая...
Вечер спустился. В тумане наш путь.

Пламенем желтым сквозь ветви магнолий
Ярко пылает священный обет.
Тают в душе многолетние боли,
Точно звезды пролетающий след.

Горе далекое тучею бурной
К утру надвинется. Ветром пахнет.
Отблеск зарницы лилово-пурпурной
Вспыхнет на небе и грустно заснет.

Здесь отдохнем мы. Луна огневая
Не озарит наш затерянный путь.
Ты настрадалась, моя дорогая.
Вечер спускается. Время уснуть.

Москва

МИРОВАЯ ДУША

Пронесясь
Ветерком,
Ты зелень чуть тронешь...

Ты пахнешь
Холодком
И смеясь
Вмиг
В лазури утонешь...
Улетишь на крыльях стрекозовых...

С гвоздик
Малиновых,
С бледнорозовых
Кашек –
Ты рубиновых
Гонишь
Букашек.

Серебряный-Колодезь

СМЕХ

Все тот же раскинулся свод
Над нами лазурно-безмирный,
И тот же на сердце растет
Восторг одиночества пирный.

Опять золотое вино
На склоне небес потухает
И грудь мою слово одно
Знакомою грустью сжимает.

Опять заражаюсь мечтой,
Печалью восторженно-пьяной...
Вдали горизонт золотой
Подернулся дымкой багряной.

Смеюсь – и мой смех серебрист;
И плачу сквозь смех поневоле.
Зачем этот воздух лучист?
Зачем светозарен... до боли?

Москва

ВЕСНА

В весенние волны зари
Зардели кресты колоколен,
Гори, мое сердце, гори:
Опять я свободен и волен!

Опять посылает мне даль
Вздыхающий, тающий отдых:
Свою голубую эмаль,
Свой кроткий пурпуровый воздух;

И – первую, легкую тень,
И – ласточек легкие визги;
Опять отрясает сирень
Лучистые, чистые брызги.

1902–1914. Москва

* * *

Поет облетающий лес
Нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
Протянута шкура гепарда.

Не веришь, что ясен так день,
Что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
Тревожно.

Венок возложил я, любя,
Из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
Смотрю зачарованный снами.

И мнится – я этой мечтой
Всю бездну восторга измерю.
Ты скажешь – восторг тот святой...
Не верю!

Поет облетающий лес
Нам голосом старого барда.
На склоне воздушных небес
Сожженная шкура гепарда.

Москва

* * *

Шатаясь, склоняется колос.
Прохладой вечерней пахнет.
Вдали замирающий голос
В безвременье грустно зовет.

Зовет неумолчно, невнятно
В далекий, воздушный чертог.
А тучек скользящие пятна
Над нивой плывут на восток.

Закат полосою багряной
Бледнеет вдали за горой.
Шумит в лучезарности пьяной
Вкруг нас океан золотой.

И мир, догорая, пирует,
И мир славословит Отца,
А ветер – ласкает, целует.
Целует меня без конца.

ГОЛОС

Я шел домой согбенный и усталый,
Главу склонив.
Я различал далекий, запоздалый,
Родной призыв.

Звучало мне: "Развеется кручина
В краю твоем..."
Я вдаль смотрел: тянулась паутина
На голубом –

Из золотых, из лучезарных ниток...
Звучало мне:
"И времена свиваются, как свиток...
И всё во сне...

Для чистых слез, для радости духовной,
Для бытия,
Мой падший сын, мой сын единокровный,
Зову тебя..."

Так я стоял счастливый, безответный.
Из пыльных туч
Над далью нив вознесся златоцветный,
Янтарный луч.

Серебряный-Колодезь

ЗАКАТ

Даль – без конца. Качается лениво,
Шумит овес.
И сердце ждет опять нетерпеливо
Все тех же грез.

В печали бледной, виннозолотистой,
Закрывшись тучей
И окаймив дугой ее огнистой,
Сребристожгучей, –

Садится солнце краснозолотое...
И вновь летит
Вдоль желтых нив волнение святое,
Овсом шумит:

"Душа, смирись: средь пира золотого
Скончался день.
И на полях туманного былого
Ложится тень.

Уставший мир в покое засыпает,
И впереди
Весны давно никто не ожидает.
И ты – не жди.

Нет ничего... И ничего не будет...
И ты умрешь...
Исчезнет мир, и Бог его забудет.
Чего ж ты ждешь?"

Огромный шар, склонясь, горит над нивой
Багрянцем роз.
Ложится тень. Качается лениво,
Шумит овес.

ОДИН

Один, один... Средь гор... Ищу Тебя...
В холодных облаках бреду бесцельно.
Душа моя
Скорбит смертельно.

Вонзивши жезл, стою на высоте.
Хоть и смеюсь, а на душе так больно.
Смеюсь мечте
Своей невольно.

О, как тяжел венец мой золотой!
Как я устал!.. Но даль – пылает.
Во тьме ночной
Мой рог взывает.

Я был меж вас. Луч солнца золотил
Причудливые тучи в яркой дали.
Я вас будил,
Но вы дремали.

Я был меж вас с печалью неземной.
Мои слова повсюду раздавались.
Й надо мной
Вы все смеялись.

И я ушел. И я – среди вершин.
Один – один... Жду знамений нежданных.
Один, один
Средь бурь туманных.

Всё, как в огне. И жду, и жду – Тебя...
И руку простираю я бесцельно.
Душа моя
Скорбит смертельно.

Москва

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Дорогой памяти М.С. Соловьева

Задохлись мы средь суеты базарной.
И голос твой нас звал –
Из городов в закат красноянтарный,
С годами вырастал.

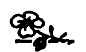
Разнообразные, бессмысленные касты
Причли тебя к своим.
Непонятый, надорванный угас ты
Над подвигом своим.

Пусть вьюги снежные венок с твоей могилы
С протяжным стоном рвут.
Лазурные таинственные силы
Над родиной – взойдут.

Окончилась метель. Молчат немые гро́бы.
Тиха ночная мгла.
Восторгом вьюга белые сугробы
На гро́бы намела.

Кресты, кресты... Свет сумерочный, шаткий,
Пунцовый... Свет – дрожит...
Спокойно почивай: огонь твоей лампадки
Нам сумрак озарит.

Москва



1903 ГОД

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Сияет роса на листочках.
И солнце над прудом горит.
Красавица с мушкой на щечках,
Как пышная роза, сидит.

Любезная сердцу картина!
Вся в белых, сквозных кружевах
Мечтает под звук клавесина...
Горит в золотистых лучах

Под вешнею лаской фортуны
И хмелью обвитый карниз,
И стены. Прекрасный и юный
Пред нею склонился маркиз

В привычно заученной роли,
В волнисто-седом парике,
В лазурно-атласном камзоле,
С малиновой розой в руке.

"Я вас обожаю, кузина!
Извольте цветок сей принять..."
Смеется под звук клавесина,
И хочет кузину обнять.

Уже вдоль газонов росистых
Туман бледно-белый ползет.
В волнах фиолетово-мглистых
Луна золотая плывет.

Москва

МЕНУЭТ

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценною тростью,
Стоит у беседки.

На белом атласе сапфиры.
На дочках – кисейные шарфы.

Подули зефиры –
Воздушный аккорд
Эоловой арфы.

Любезен, но горд,
Готовит изящный сонет
Старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
Надев треуголку на белый парик.

Вот... негры вдали показались –
все в красном – лакеи...
Вот... блеск этих золотом шитых кафтанов.
Идут в глубь аллеи
По старому парку.
Под шепот алмазных фонтанов
Проходят сквозь арку.

Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку.

Москва

ПРОЩАНИЕ

Красавец Огюст,
На стол уронив табакерку,
Задев этажерку,
Обнявши подругу за талью, склонился на бюст.

"Вы – радости, кои
Фортуна несла – далеки!.."

На клумбах левкои.
Над ними кружат мотыльки.

"Прости, мое щастье:
Уйдет твой Огюст..."

Взирает на них без участья
Холодный и мраморный бюст.
На бюсте сем глянец...

"Ах, щастье верну!..
Коль будет противник, его, как гишпанец,
С отвагою, шпагой проткну...
Ответишь в день оный,
Коль, сердце, забудешь меня".

Сверкают попоны
Лихого коня.

Вот свистнул по воздуху хлыстик.
Помчался
И вдаль улетел.
И к листику листик
Прижался:
То хладный зефир прошумел.

"Ах, где ты, гишпанец мой храбрый?
Ах, где ты, Огюст?"
Забыта лежит табакерка...
Приходят зажечь канделябры...

В огнях этажерка
И мраморный бюст.

Москва

ПОЛУНОЩНИЦЫ

На столике зеркало, пудра, флаконы,
Что держат в руках купидоны,
Белила,
Румяна...

Затянута туго корсетом,
В кисейном девица в ладоши забила,
Вертясь пред своим туалетом:
"Ушла... И так рано!..
Заснет и уж нас не разгонит...
Ах, котик!.."

И к котику клонит
Свой носик и ротик...

Щебечет другая
Нежнее картинки:
"Ma chère, дорогая –
Сережки, корсажи, ботинки!.."
"Уедем в Париж мы...
Там спросим о ценах..."

Блистают
Им свечи.
Мелькают
На стена́х
Их фижмы
И букли, и плечи...

"Мы молоды были...
Мы тоже мечтали,
Но кости заныли,
Прощайте!.." –
Старушка графиня сказала им басом...

И все восклицали:
"Нет, вы погадайте..."
И все приседали,
Шуршали атласом...
"Ведь вас обучал Калиостро..."

– "Ну, карты давайте..."
Графиня гадает, и голос звучит ее трубный,
Очами сверкает так остро:
"Вот трефы, вот бубны..."

На стенах портреты...
Столпились девицы с ужимками кошки.
Звенят их браслеты,
Горят их сережки...
Трясется чепец и колышутся лопасти кофты
И голос звучит ее трубный:
"Беги женихов ты...
Любовь тебя свяжет и сетью опутает вервий.
Гаси сантимента сердечного жар ты...
Опять те же карты:
Вот бубны,
Вот черви..."

Вопросы... Ответы...
И слушают чутко...
Взирают со стен равнодушно портреты...
Зажегся взор шустрый...
Темно в переходах
И жутко...

И в залах на сводах
Погашены люстры...
И в горнице тени трепещут...

Серебряный-Колодезь

ОПАЛА

Блестящие ходят персоны,
Повсюду фаянс и фарфор,
Расписаны нежно плафоны,
Музы́ка приветствует с хор.

А в окнах для взора угодный,
Прилежно разбитый цветник.
В своем кабинете дородный
И статный сидит временщик.

В расшитом камзоле, при шпаге,
В андреевском ордене он.
Придворный, принесший бумаги,
Отвесил глубокий поклон, –

Приветливый, ясный, речистый,
Отдавшийся важным делам.
Сановник платочек душистый
Кусает, прижавши к устам.

Докладам внимает он мудро.
Вдруг перстнем ударил о стол.
И с буклей посыпалась пудра
На золотом шитый камзол.

"Для вас, государь мой, не тайна,
Что можете вы нострадать:
И вот я прошу чрезвычайно
Сию неисправность изъять..."

Лицо утонуло средь кружев.
Кричит, раскрасневшись: "Ну что ж!..
Татищев, Шувалов, Бестужев –
У нас есть немало вельмож –

Коль вы не исправны, законы
Блюсти я доверю другим...
Повсюду, повсюду препоны
Моим начинаньям благим!.."

И, гневно поднявшись, отваги
Исполненный, быстро исчез.
Блеснул его перстень и шпаги
Украшенный пышно эфес.

Идет побледневший придворный...
Напудренный щеголь в лорнет
Глядит – любопытный, притворный:
"Что с вами? Лица на вас нет...

В опале?.. Назначен Бестужев?"
Главу опустил – и молчит.
Вкруг море камзолов и кружев,
Волнуясь, докучно шумит.

Блестящие ходят персоны,
Музы́ка приветствует с хор,
Окраскою нежной плафоны
Ласкают пресыщенный взор.

Москва

ПРОМЕНАД

Красотка летит вдоль аллеи
В карете своей золоченой.
Стоят на запятках лакеи
В чулках и в ливрее зеленой.

На кружевах бархатной робы
Всё ценные камни сияют.
И знатные очень особы
Пред ней треуголку снимают.

Карета запряжена цугом...
У лошади в челке эгрэтка.
В карете испытанным другом
С ней рядом уселась левретка.

На лошади взмыленно снежной
Красавец наездник промчался;
Он, ветку акации нежной
Сорвав на скаку, улыбался.

Стрельнул в нее взором нескромно...
В час тайно условленной встречи,
Напудренно-бледный и томный, –
Шепнул ей любовные речи...

В восторге сидит онемелом...
Карета на запад катится...
На фоне небес бледно-белом
Светящийся пурпур струится.

Ей грезится жар поцелуя...
Вдали очертаньем неясным
Стоит неподвижно статуя,
Охвачена заревом красным.

Серебряный-Колодезь

ССОРА

Заплели косицы змейкой
Графа старого две дочки.
Поливая клумбы, лейкой
Воду черпают из бочки.

Вот садятся на скамейку,
Подобрав жеманно юбки,
На песок поставив лейку
И сложив сердечком губки.

Но лишь скроется в окошке
Образ строгий гувернантки, –
Возникают перебранки
И друг другу кажут рожки.

Замелькали юбки, ножки,
Кудри, сглаженные гребнем...
Утрамбованы дорожки
Мелким гравием и щебнем.

Всюду жизнь и трепет вешний,
Дух идет от лепесточков,
От голубеньких цветочков,
От белеющей черешни.

И в разгаре перебранки
Языки друг другу кажут...
Строгий возглас гувернантки:
"Злые дети, вас накажут!.."

Вечер. Дом, газон, кусточек
Тонут в полосах тумана.
"Стонет сизый голубочек" –
Льется звонкое сопрано.

И субтильные девицы,
Подобрав жеманно юбки,
Как нахохленные птицы
В дом идут, надувши губки.

Москва

ВОСПОМИНАНИЕ

Задумчивый вид:
Сквозь ветви сирени
Сухая известка блестит
Запущенных барских строений.

Всё те же стоят у ворот
Чугунные тумбы.
И нынешний год
Всё так же разбитые клумбы.

На старом балкончике хмель
По ветру качается сонный,
Да шмель
Жужжит у колонны.

Весна.
На кресле протертом из ситца
Старушка глядит из окна.
Ей молодость снится.

Все помнит себя молодой –
Как цветиком ясным, лилейным
Гуляла весной
Вся в белом, в кисейном.

Он шел позади,
Шепча комплименты.
Пылали в груди
Ее сантименты.

Садилась, стыдясь,
Она вон за те клавикорды.
Ей в очи, смеясь,
Глядел он счастливый и гордый.

Зарей потянуло в окно.
Вздохнула старушка:
"Все это уж было давно!.."
Стенная кукушка,

Хрипя,
Кричала.
А время, грустя,
Над домом бежало, бежало...

Задумчивый хмель
Качался, как сонный,
Да бархатный шмель
Жужжал у колонны.

Москва

НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ

1

Мелькают прохожие, санки...
Идет обыватель из лавки
Весь бритый, старинной осанки...
Должно быть, военный в отставке.
Калошей стучит по панели,
Мальчишкам мигает со смехом
В своей необъятной шинели,
Отделанной выцветшим мехом.

2

Он всюду, где жизнь, – и намедни
Я встретил его у обедни.
По церкви ходил он с тарелкой...
Деньгою позвякивал мелкой...
Все знают: про замысел вражий
Он мастер рассказывать страсти...
Дьячки с ним дружатся – и даже
Квартальные Пресненской части.

3

Холодная, зимняя вьюга.
Безрадостно-темные дали.
Ищу незнакомого друга,
Исполненный вечной печали...
Вот яростно с крыши железной
Рукав серебристый взметнулся,
Как будто для жалобы слезной
Незримый в хаосе проснулся, –
Как будто далекие трубы...

Оставленный всеми, как инок,
Стоит он средь бледных снежинок,
Подняв воротник своей шубы...

4

Как часто средь белой метели,
Детей провожая со смехом,
Бродил он в старинной шинели,
Отделанной выцветшим мехом...

Москва

ВЕСНА

Все подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
Подоткнувшись, ворчливая Фекла,
Нависая над улицей с риском,
Протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настежь – и крик, разговоры,
И цветочный качается стебель,
И выходят на двор полотеры
Босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
Умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца
Пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса всё синей и синей.
Облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор,
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
С громом ввозит тяжелые балки.

Москва

НА ПРЕЧИСТЕНКЕ

Солнце жжет. Вдоль тротуара
Под эскортом пепиньерок
Вот идет за парой пара
Бледных, хмурых пансионерок.

Цепью вытянулись длинной,
Идут медленно и чинно –
В скромных, черненьких ботинках,
В снежнобелых пелеринках...

Шляпки круглые, простые,
Заплетенные косицы –
Точно все не молодые,
Точно старые девицы.

Глазки вылупили глупо,
Спины вытянули прямо.
Взглядом мертвым, как у трупа,
Смотрит классная их дама.

"Mademoiselle Nadine, tenez vous
Droit..."* И хмурит брови строже.
Внемлет скучному напеву
Обернувшийся прохожий...

Покачает головою,
Удивленно улыбаясь...
Пансион ползет, змеею
Между улиц извиваясь.

Москва

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
"Ах, где вы – любезные предки?"

Из каменных трещин торчат
Проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
Над домом шумят.

* "Мадемуазель Надин, держитесь прямо..." (*франц.*) – *Ред.*

И лист за листом,
Тоскуя о неге вчерашней,
Кружится под тусклым окном
Разрушенной башни.

Как стерся изогнутый серп
Средь нежно белеющих лилий –
Облупленный герб
Дворянских фамилий.

Былое, как дым...
И жалко.
Охрипшая галка
Глумится над горем моим.

Посмотришь в окно –
Часы из фарфора с китайцем.
В углу полотно
С углем нарисованным зайцем.

Старинная мебель в пыли,
Да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали –
Равнины, равнины.

Среди многоверстных равнин
Скирды золотистого хлеба.
И небо...
Один.

Внимаешь с тоской,
Обвеянный жизнию давней,
Как шепчется ветер с листвой,
Как хлопает сорванной ставней.

Серебряный-Колодезь

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

* * *

Прошумит ветерок
Белоствольной березой;
Колыхается грустный венок
Дребезжащей, фарфоровой розой.

Черных ласточек лёт,
Воздух веющий, сладкий...
С легким треском мигнет
Огонечек лампадки.

Ты не умер – нет, нет!
Мы увидимся вскоре...
Не замоет потоками лет
Мое тихое горе.

Над могильным холмом
Из-за веток сирени
Своим белым лицом
Тихо клонится гений.

Серебряный-Колодезь

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ М.С. и О.М. СОЛОВЬЕВЫХ

Могилу их украсили венками.
Вокруг без шапок мы в тоске стояли.
Восторг снегов, крутящийся над нами,
В седую Вечность вихри прогоняли.

Последний взмах бряцавшего кадила.
Последний вздох туманно-снежной бури.
Вершину ель мечтательно склонила
В просвете ослепительной лазури.

Москва

ОТОШЕДШЕМУ ДРУГУ

1

Запламенел за дальним перелеском
Янтарнокрасным золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Вился дымок из хат.

Садились мы, и – что-то, полный смысла,
Ты вычислял, склонившись над пеньком.
И – нить плелась. И – складывались числа.
И – сумерки дышали холодком.

Ты говорил: "Летящие монады
В эóнных вóлнах плещущих времен, –
Не существуем мы; и мы – громады,
Где в мире мир трепещущий зажжен".

"В нас – рой миров. Вокруг – миры роятся.
Мы станем – мир. Над миром встанем мы.
Безмерные вселенные глядятся
В незрячих чувств бунтующие тьмы".

"Незрячих чувств поверженные боги, –
Мы восстаем в чертоге мировом".
И я молчал. И кто-то при дороге
Из сумерок качался огоньком.

Твои глаза и радостно, и нежно
Из-под очков глядели на меня.
И там, и там – над нивой безбережной –
Лазурилась пучина бытия,

И чуть светил за дальним перелеском
Зеленоватым золотом закат.
Кузнечики назойливые треском
Кидали в нас. Стелился дым от хат.

2

Цветут цветы над тихою могилой.
Сомкнулся тихо светлой жизни круг.
Какою-то неодолимой силой
Меня к тебе приковывает, друг!

Все из твоих отворенных оконец
Гляжу я в сад... "*Одно, навек одно...*"*
И проливает солнечный червонец
Мне пламенное на руку пятно.

* Стих Вл. С. Соловьева.

И веяньем проносится: "Мы – боги,
Идущие сквозь рой миров, – туда,
Где блещет солнце в яркие чертоги,
Где – óблака пурпурная гряда"...

Серебряный-Колодезь – Арлесгейм.
1903–1914 г.

* * *

И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим.

Лицо суровое чернеет из киота
Да потемневшая с веками позолота.

Забил поток лучей расплавленных в окно...
Все просветилося, все солнцем зажжено.

И "Свете Тихий" с клиросов воззвали,
И лики золотом пунцовым запылали.

Восторгом солнечным зажженный, иерей,
Повитый ладаном, выходит из дверей.

Серебряный-Колодезь

СВ. СЕРАФИМ

Плачем ли тайно в скорбях,
Грудь ли тоскою теснима –
В ясно-немых небесах
Мы узнаем Серафима.

"Что с тобой, радость моя, –
Радость моя?.."

Смотрит на нас
Ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
В снежнокисейном.

Бледно-лазурный атлас
Тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
В уши нам дует:

"Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!.."
С высей ложится на нас
Отблеск лазоревый.

Легче дышать
После таинственных знамений.
Светит его благодать
Тучкою алого пламéни.

Серебряный-Колодезь

ВСТРЕЧА

Я – в свисте врéменных потоков,
Мой черный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
О тайне неба вопиющих.

Иду вперед я быстрым шагом.
И вот – утес... И вы стоите
В венце из звезд упорным магом,
С улыбкой вещею глядите.

У ног веков нестройный рокот,
Катясь, бунтует в вечном сне.
И голос ваш – орлиный клекот –
Растет в холодной вышине.

В венце огня над царством скуки,
Над временем вознесены –
Застывший маг, сложивший руки,
Пророк безвременной весны.

Москва

ПОЭТ

Бальмонту

О, поэт, – говори
О неслышном полете столетий:
Голубые восторги твои
Ловят дети.

Ты "для всех и – ничей..."*
Там, борясь с упадающим мраком,
Твоих песен ручей
Чуть сверкает серебряным знаком.

Говори: о безумьи миров,
Завертевшихся в танцах;
О смеющейся грусти веков,
О пьянящих багрянцах.

* Стих Бальмонта.

Говори
О полете столетий.
Голубые восторги твои
Ловят дети.

Москва

СМЕРТЬ

Гряда облачков
Проходит, как волны событий,
Как ясно-немых жемчугов
Далекие нити.

На небо вернусь
Средь ясного часа.
Опять завернусь
В кусок голубого атласа.

Закатом блесну,
Горя в светомирных порфирах.
Опять утону
В эфиры.

Вас будут терзать
Вселенские бури,
Но буду я спать
В лазури.

Когда, заблистав, как снега,
Вновь тучки на вас понесутся,
Когда жемчуга
Прольются, –

Воздушным лицом
Слечу я на братий,
И забудутся сном
Среди облачно-бледных объятий.

Серебряный-Колодезь

* * *

Ты не понят людьми.
Отлетела беспечность.
Ты глаза к небесам подними:
Над тобой бирюзовая Вечность.

Над тобою она:
И – ласкает беззвучно...
И – омытая светом весна,
И – над ухом звенит однозвучно:

"Над тобою Она...
Поцелует беззвучно".

И – все то же кругом.
Ты – свободный, могучий.
О, и – смейся, и – плачь: в голубом
Рассыпаются тучи.

Огневой полосой
Догорает закат: он – не нужен,
Как над матовобледной росой
Встанет нитка жемчужин.

Москва

ВЕЧЕР

В золотистой дали
Облака, как рубины;
Как рубины, взошли, –
Как тяжелые красные льдины.

Но зеркальную гладь
Пелена из туманов закрыла,
И душа неземную печать
Тех огней сохранила.

И, закрытые тьмой,
Горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: "Океан голубой
Еще с нами, о братья!"

Не боялись луны,
Прожигающей темные сети.
Улыбались – священной весны
Всё задумчиво-грустные дети.

Древний хаос, как встарь,
В душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
Озаряла нас отсветом красным.

Кто-то руку воздел:
Утопал в ликовании мира.
И заластился к нам
Голубеющий бархат эфира.

Москва

ВЕЧНОСТЬ

Дымы седые... Туман бесконечности...
Гул, прозвучавший в веках.
Образ возлюбленной – Вечности –
Встретил меня на горах –

В жизни загубленной
Образ возлюбленной,
Образ возлюбленной – Вечности
С лотосом белым в руках.

Там она стоит,
Там – передо мной,
Смехом говорит,
Манит в мир иной;
День за днем летит.
Время – облак рой.

Слышу – призывы желанные,
Вижу – задумчивый взгляд.
Полосы солнечных струй, златотканные,
В облачной стае горят.

В облак клонимся мы
Ледяной и туманный;
Но сквозь вопли зимы –
Голос милый, желанный:
"Не жалей... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом..."
Мы былое окинули взглядом,
Но его – не вернуть...

Наш серебряный путь
Закипел водопадом...

Ах, и зло, и добро
Тихо тают в ее поцелуях.
Серебро, серебро
Звонко прядает в струях.

Захлебнулась тоска;
Пеной брызжет печаль:
Утонули века
В лучесветную даль.

Жизни не жаль
Мне загубленной:
Смотрит в туман бесконечности
Образ возлюбленной,
Образ возлюбленной –
– Вечности.

Москва

СЕРЕНАДА

Ты опять у окна, вся доверившись
снам, появилась...
Бирюза, бирюза –
Заливает окрестность...
Дорогая, –
Луна – заревая слеза –
Где-то там – в неизвестность
Скатилась.

Беспечальных, седых жемчугов
Поцелуй, о, пойми ты!
Меж кустов, и лугов, и цветов
Струй
Зеркальных узоры разлиты.

Не тоскуй, –
Грусть уйми ты!

Дорогая, –
О пусть
Стая белых, немых лебедей
Меж росистых
Ветвей
На струях серебристых
Застыла:
Одинокая грусть их туманом покрыла.

От тоски
В жажде снов
Нежно крыльями плещут.
Меж цветов
Светляки
Изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
На струях, точно льдина.
Это – семь лебедей,
Это – семь лебедей Лоэнгрина.

Лебедей –
Лоэнгрина.

Москва

ПРЕДАНЬЕ

1

Он был пророк.
Она – сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
Горела розами в закатном фимиаме.

Под дугами его бровей
Сияли взгляды
Пламенносвятые.
Струились завитки кудрей –
Вина каскады
Пеннозолотые.

Как облачко, закрывшее лазурь,
С пролетами лазури
И с пепельной каймой –
Предтеча бурь –
Ее лицо, застывшее без бури,
Волос омытое волной.

Сквозь грозы
И напасти
Стремились, и была в чертах печальных
Нега.
Из багряницы роз многострадальных
Страсти
Творили розы
Снега.

К потокам Стикса приближались.
Их ветер нежил, белыми шелками
Вея, –

Розовые зори просветлялись
Жемчугами –
Умирали, ласково бледнея.

2

На башнях дальних облаков
Ложились мягко аметисты.
У каменистых берегов
Челнок качался золотистый.

Диск солнца грузно ниспадал,
Меж тем как плакала сибилла.
Средь изумрудов мягко стлал
Столбы червонные берилла.

Он ей сказал: "Любовью смерть
И смертью страсти победивший,
Я уплыву, и вновь на твердь
Сойду, как бог, свой лик явивший".

Сибилла грустно замерла,
Откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.

Но что их грусть перед судьбой!
Подул зефир, надулся парус,
Помчался челн и за собой
Рассыпал огненный стеклярус.

3

Тянулись дни. Он плыл и плыл.
От берегов далеких Стикса,
Всплывая тихо, месяц стыл
Обломком матовым оникса.

Чертя причудливый узор,
Лазурью нежною сквозили
Стрекозы бледные. И взор
Хрустальным кружевом повили.

Вспенял крылатый, легкий челн
Водоворот фонтанно-белый.
То здесь, то там средь ясных волн
Качался лебедь онемелый.

И пряди длинные кудрей,
И бледнопепельные складки
Его плаща среди зыбей
Крутил в пространствах ветер шаткий.

4

И била времени волна.
Прошли года. Под сенью храма
Она состарилась одна
В столбах лазурных фимиама.

Порой, украсивши главу
Венком из трав благоуханных,
Народ к иному божеству
Звала в глаголах несказанных.

В закатный час, покинув храм,
Навстречу богу шли сибиллы.
По беломраморным щекам
Струились крупные бериллы.

И было небо вновь пьяно
Улыбкой брачною закатов.
И рдело золотом оно
И темным пурпуром гранатов.

5

Забыт теперь, разрушен храм.
И у дорической колонны,
Струя священный фимиам,
Блестит росой шиповник сонный.

Забыт алтарь. И заплетен
Уж виноградом диким мрамор.
И вот навеки иссечен
Старинный лозунг: "Sanctus amor".

И то, что было, не прошло...
Я там стоял оцепенелый.
Глядясь в дрожащее стекло,
Качался лебедь сонный, белый.

И солнца диск почил в огнях.
Плясали бешено на влаге, –
На хризолитовых струях
Молниеносные зигзаги.

"Вернись наш бог", – молился я,
И вдалеке белелся парус.
И кто-то, грустный, у руля
Рассыпал огненный стеклярус.

Москва

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Она улыбнулась, а иглы мучительных терний
Ей голову сжали горячим, колючим венцом –
Сквозь боль улыбнулась, в эфир отлетая вечерний...
Сидит – улыбнулась... бескровно-туманным лицом.

Вдали – бирюзовость... А ветер тоскующий гонит
Листы, потускневшие в медленно гаснущий час.
Жених побледнел. В фиолетовом трауре тонет,
С невесты не сводит осенних, задумчивых глаз.

Над ними пространства: пространства лазурны и чисты.
Тихонько ей шепчет: "Моя дорогая, усни...
Закатится время. Промчатся, как лист золотистый,
Последние в мире, безвременьем смытые дни".

Склонился – и в воздухе ясном звучат поцелуи.
Она улыбнулась, закрыла глаза, чуть дыша.
Над ними лазурней сверкнули последние струи,
Над ними помчались последние листья, шурша.

Серебряный-Колодезь

ВОСПОМИНАНИЕ

Мы с тобой молчали, опираясь
На седые мраморные урны.
Тучкой срезан и в волнах купаясь,
Снова падал в Вечность диск пурпурный,

Красных звезд изысканные ткани
Начертав на водных хризолитах,
Озаряя каменные грани
На могильных, мхом одетых, плитах.

Кто-то вновь, знакомый, на Пегасе
С песней милой в высях быстро мчался:
В голубом, темнеющем атласе
Снежным облачком, купаясь, расплывался.

Будто арф эоловых стенанья
Прозвучали: это были
Вихревые трепетанья
Золотых, звенящих крылий.

Москва

ВОЛШЕБНЫЙ КОРОЛЬ

1

Волшебный король показался
На снежной вершине...

Обнялся
Он с нежною дочкой своей.

– "На нашем воздушном дельфине –
В сапфиры эфиров
Скорей!"

А в воздухе –
                    плещутся –

синие стаи сапфиров...
А в воздухе –
                    плещутся –

                                        стаи холодных зыбей...
А в воздухе –
                    рыбы мерцают –

дельфины...
А воздух –
                в них дышит, колышет –

    все тише и тише...
– "Ну, дочка, садись
К дельфину
На золотистую спину..."

И в воздухе ясном блистая,
Дельфин
Полетел –
                – Над миром, над миром
                  По синим эфирам.

Под ними их замок, завешенный синим эфиром,
В тумане тускнел.

2

Вот красные яхонты грянули в волны сапфира
От красного солнца;
И красные яхонты грянули свистом по лопастям
Красной порфиры,
Истаяв,
В летящем, –
В кипящем, –
Снегу горностая,
И тая
В пространстве далеком,
Короною черпает их из пространства
волшебник;
И дочери током
– кипящим,
горящим –

К ногам высыпает он красные яхонты.

И в блеске огнистом –
Она.
В короне,
В серебряно-бледном хитоне –
Она;
В дыму бирюзовом,
В перловом,
Седом серебре...
Лукавость во взгляде;
И огненных рыжих кудрей
За нею по ветру несутся и рвутся
Атласные пряди...

В лебедя смелого,
Белого,
В воздухе схваченным красным рубином
Бросает.

Летят по туманному городу.
Король усмехается в бороду:

– "Возлюбим
Высоты великих стремлений:
Полеты
Вселенских волнений!"

Глубиннее глуби...
И ширятся шири.

Над нею склонился: "Пора тебе, дочка, уснуть..."
– "Куда мы?" – чуть шепчет она,
побледневши...
– "Далеко, за перистой тучкой,
Промчавшись,
Увидим наш путь..."
Они присмирели,
Обнявшись.

Туманный обрывок на них наплывает
И тает,
Под ними повиснувши в мглистом
Пространстве.

И звезды мерцают в огнистом
Убранстве.

Серебряный-Колодезь

ВОЗВРАТ

1

Я вознесен, судьбе своей покорный.
Над головой – полет столетий быстрый.
Привольно мне в моей пещере горной.
Лазурь, темнея, рассыпает искры.

Мои друзья упали с выси звездной.
Забыв меня, они живут в низинах.
Кровавый факел я зажег над бездной.
Звездою дальней блещет на вершинах.

Я позову теперь к вершинам брата.
Пусть зазвучат им дальние намеки.
Мой гном, мой гном, – возьми трубу возврата.
И гном трубит, надув худые щеки.

Вино волшебств отстояно... Мы – маги –
Мы знаем: сон – полет столетий быстрый.
Подай им кубок: кубок пирной влаги,
В котором блещут золотые искры.

Трубою машет. Плащ его зеленый
Полощется над бездною туманной.
Все – кончилось... Мой гном, мой гном ученый,
Столетия оборвались нежданно...

Погасло время... Родина, приемли!
Труби, труба... Летят, гласят призывы –
Взрывают грудь: так сотрясают земли
Глухие, вулканические взрывы.

Уже грядет из стран ночных, туманных
Род скованный, род, полоненный змием...
Цветами, гном, осыпь гостей желанных,
Зеленый плащ под ноги расстели им...

Шепну тебе: из стран обетованных
В долину скорби суждено уйти им.

2

Подножие – зеркальная вершина;
Столы пылают золотом червонца;
В сосудах ценных – мировые вина;
Вот тут – лазурь, а там – напиток солнца.

Протянутый, блистающий мой посох
Так странно ярок, странно светозарен...
Старинный пир на блещущих откосах –
Шар солнечный, огромен и янтарен!

В пустую тьму взлетают ароматы
Воскуренных и ладанов, и нардов:
Я – облеченный в красные закаты,
Как в шкуру полосатых леопардов, –

Им говорю: "Вселенные несутся –
Пируйте вы..." Журча, как поцелуи,
Журчащие, ласкающие струи
Из согнутого рога в кубки льются.

Над головой – пустынные высоты,
Внизу – таинственно окаменели скаты,
Таинственны таинственные гроты,
Таинственно клокочут водопады.

Венчая пир, с улыбкой роковою
Вкруг излучая трепет светозарный, –
Мой верный гном несет над головою
На круглом блюде солнца шар янтарный!

Настоянные на звезде лазури
Терзают груди радостью рыданий;
Но световые, солнечные бури
И пламень пурпуров – спалят гортани.

3

В очах блеснул огонь звериной страсти.
С налитыми, кровавыми челами
Разорванные солнечные части
Сосут дрожаще-жадными губами.

Иной, окончив солнечное блюдо,
За лишний кус ведет шумливо торги.
На льду огнисто-блещущею грудой
Отобразился образ диких оргий.

Я стал пред светочами: тенью длинной
Легла на них моей одежды лопасть.
Над головою Вечностью старинной,
Бездоннотемной, разверзалась пропасть.

И долго ждал я алчущего брата –
В толпе зверей искал высот намеки...
Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата!
И гном трубит, надув худые щеки.

Идите прочь!.. И ужасом безумным
Объятые, спускаются в провалы.
Сорвавши плащ, в негодованье шумном
Мой верный гном им вслед бросает скалы.

Лазурь, темнея, рассыпает искры...
Ряд льдистых круч блестит грядой узорной.
Я вновь один в своей пещере горной.
Над головой полет столетий быстрый.

Москва – Арлесгейм

НА ГОРАХ

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод.
У меня на горах
Очистительный холод.

Вот ко мне на утес
Притащился горбун седовласый.
Мне в подарок принес
Из подземных теплиц ананасы.

Он в малиново-ярком плясал,
Прославляя лазурь.
Бородою взметал
Вихрь метельно-серебряных бурь.

Голосил
Низким басом.
В небеса запустил
Ананасом.

И дугу описав,
Озаряя окрестность,
Ананас ниспадал, просияв,
В неизвестность,

Золотую росу
Излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
"Это – диск пламезарного солнца..."

Низвергались, звеня,
Омывали утесы
Золотые фонтаны огня –
Хрусталя
Заалевшего росы.

Я в бокалы вина нацедил
И, подкравшися боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком.

Москва

ПРИГВОЖДЕННЫЙ УЖАС

Давно я здесь в лесу – искатель счастья.
В душе моей столетние печали.
Я весь исполнен ужасом ненастья.
На холм взошел, чтоб лучше видеть дали.

Глядит с руин в пурпурном карлик вещий
С худым лицом, обросшим белым мохом.
Торчит изломом горб его зловещий.
Сложив уста, он ветру вторит вздохом.

Так горестно, так жалобно взывает:
"Усни мечтатель жалкий – поздно, поздно..."
Вампир пищит, как ласточка, шныряет
Вокруг него безжизненно и грозно.

Ревут вершины в ликованье бурном.
Погасли в тучах горние пожары.
Горбун торчит во мгле пятном пурпурным.
На горб к нему уселся филин старый...

Молился я... И сердце билось, билось.
С вампирным карлом бой казался труден...
Был час четвертый. Небо просветилось.
И горизонт стал бледно-изумруден.

Я заклинал, и верил я заклятью.
Молил творца о счастии безбурном.
Увидел вдруг – к высокому распятью
Был пригвожден седой вампир в пурпурном.

Я возопил восторженно и страстно:
"Заря, заря!.. Вновь ужас обессилен!"
И мне внимал распятый безучастно.
Вцепившись в крест, заплакал старый филин.

Москва

ГРОЗА НА ЗАКАТЕ

Вижу на западе волны я
Облачно-грозных твердынь.
Вижу – мгновенная молния
Блещет над далью пустынь.
Грохот небесного молота.
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
В небе опять разлилось.
Плачу и жду несказанного,
Плачу в порывах безмирных.
Образ колосса туманного
Блещет в зарницах сапфирных.
Держит лампаду пурпурную.
Машет венцом он зубчатым.
Ветер одежду лазурную
Рвет очертаньем крылатым.
Молньи рубинно-сапфирные.
Грохот тяжелого молота.
Волны лазури эфирные.
Море вечернего золота.

Москва

ВЕЛИКАН

В час зари на небосклоне,
Скрывши лик хитоном белым,
Он стоит в своей короне
Замком грозно-онемелым.

Солнце сядет. Все притихнет.
Он пойдет – глухой, сердитый:
Ветром – дунет, гневом – вспыхнет,
Стаями огней увитый, –

Изумруднозолотистых,
Фиолетовопурпурных...
И верхи дубов ветвистых
Зашумят в движеньях бурных.

Не успев нас сжечь огнями,
Оглушить громовым ревом,
Разорвется облаками
В небе темнобирюзовом.

Серебряный-Колодезь

БИТВА

В лазури проходит толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-белый.
Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Порою товарищ, всплеснув мировыми руками,
Бессильно шатается, дружеских ищет объятий;
Порою, закрывшись от стрел дымовыми плащами,
Над телом склоняются медленно гибнущих братий!..

. . . .

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки
– и нет их... Пронизанный тканью червонных пожаров,
Плывет многобашенный город, туманно-далекий.

Серебряный-Колодезь

ПОЕДИНОК

1

Из дали грозной Тор воинственный
Грохочет в тучах.
Пронес огонь – огонь таинственный –
На сизых кручах.

Согбенный викинг встал над скатами,
Над темным бором,
Горел сияющими латами
И спорил с Тором.

Бродил по облачному городу,
Трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
Он Тору – богу.

И ухнул Тор громовым молотом
По латам медным,
Обсыпав шлем пернатый золотом
Воздушнобледным.

Вот что-то огненное бросится
В клоки тумана.
Вдали Валькирия проносится
В клоках тумана.

На бедрах острый меч нащупала.
С протяжным криком
Помчалась с облачного купола,
Сияя ликом.

2

Ослепший викинг встал над скалами,
Спаленный богом.
Трубит печально над провалами
Он длинным рогом.

Сердитый Тор за белым глетчером
Укрылся в туче.
Леса пылают ясным вечером
На дальней круче.

Извивы лапчатого пламени,
Танцуя, блещут:
Клоки разорванного знамени
Так в небо плещут.

Москва

СТАРИННЫЙ ДРУГ

1

Старинный друг, к тебе я возвращался,
Весь поседев от вековых скитаний.
Ко мне ты шел: в твоей простертой длани
Качались светочи... Ты – улыбался...

Раскинутая, чистая порфира
Светила бледнобирюзовым миром...
Ты – говорил, ты – плакал: "Милость мира,
Простертая, раскидывает шири..."

"Старинные, старинные лазури
Ликуют сном былых великолепий..."
Ты подал мне рог выдолбленный, турий
С пурпуровым вином... Распались цепи,

Въедавшиеся в старческие кости,
Железом нас приковывая к гробу.
Все кончилось: мы, победивши злобу, –
Тысячелетий пиршественных гости!

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Воспел слова божественной молитвы.
Повел меня торжественно в чертоги.

Мы – прежние... Мы – вот – на прежнем пире.
Склоняясь, небо в души нам глядело,
Овеивало души древним миром.
И – бледно, бледно, бледно бирюзело.

Вдруг – лошади под жалким катафалком
К нам потащили, фыркая, два гроба...
И тот же гном вскричал под катафалком:
"Смерть – победила: это вам – два гроба..."

2

Над гробом стал; в гробу моем – бездонно.
Пещера той же пропастью зияла.
Все к той же бездне, мчащийся исконно,
Поток столетий Вечность прогоняла.

Кустарники кидали вверх над пиком
Свои сухие, шепчущие злости...
И тот же гном трубил в пустые кости
Морщинистым, тысячелетним ликом.

Бесплодны жалобы... Безвинны жертвы...
Столетия проходят сном унылым.
Столетия не восстаю я, мертвый...
Вдруг пронеслось шептаньем грустно милым:

"В гробах сквозь сон услышите вы, оба, –
Сигнальный рог, в лазури прогремевший.
Старинный друг придет к тебе из гроба
Поднять на солнце лик запламеневший".

Текла лазурь. Поток столетий шаткий
В провалах темных Вечность прогоняла.
Дремавший гном уткнулся в покрывало.
Рвались по ветру огненные складки.

Горели славой меркнущие светы.
Горел щита червонного остаток.
И я молчал, так радостно задетый,
Крылами черных, шелковых касаток.

3

Старела Вечность. Исполнялись сроки.
И тихо русла смерти иссякали.
Лазурные бессмертные потоки
Железные гробницы омывали.

Оделись дали ясностью багряной.
Сверкали дали золотой парчою...
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной.

Щебечущие ласточки – летите
Из воздуха к Спасителю на плечи!
В страну гробов, весенние предтечи,
Щебечущие ласточки – летите!

4

Лежал в гробу, одетый в саван белый.
Гроб распахнулся: завизжала скоба.
Мне улыбался, грустно-онемелый,
Старинный друг, склонившийся у гроба, –

Светящийся, прозрачный, несказанный...
В объятиях друг друга мы сжимали.
Две ласточки нам в уши завизжали
И унеслись в эфир благоуханный.

Перекрестясь, отправились мы оба
На праздник мирового воскресенья.
Там – восставали мертвые из гроба.
Здесь – слышалось таинственное пенье.

Оделись дали радостью багряной.
Сверкали дали сладостной парчою.
Иисус Христос безвременной свечою
Стоял один в своей одежде льняной.

Серебряный-Колодезь

ВЕСТЬ

Онемелый овес
Дремлет, колос склонив...

Ветерочек пронес
Золотой перелив;
В безысходности нив
Пронеслось, пронеслось:
"Показался Христос!"

Онемелый овес
Шепчет, колос склонив.

Тихий звон. Сельский храм
Полон ропота, слез.
Не внимая мольбам,
Голос, полный угроз,
Все твердит: "Горе вам".

Кто-то свечи принес
В полный ропота храм;
Пронеслось, пронеслось:
"Приближается к нам!.."

Серебряный-Колодезь

* * *

Сквозь фабричных гудков
Сумасшедшие ревы
Мы в бреду городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час, –
И – восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Все из ярких блистаний –

Снеговое Лицо
На огнистом закате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйтесь, вы, – дни!..
Распадайтесь, вы, – храмы!..
Наши песни – огни,
Облака – фимиамы.

Серебряный-Колодезь

ЗОВ

Над говором струй
Потопом червонца
Нам шлет поцелуй
Стародавнее солнце:

"Узнайте меня:
Я с вами – над вами
Сверкаю из дня
Золотыми снопами.

Закат отряхну
С летящей порфиры.
И опять утону
В эфиры".

Туманный покров.
Жемчужные нити.
На облаке – зов
И говор событий.

Приблизились к нам
Восторги последнего часа,
Вон – там –
Туман седовласый.

Проносятся в ночь
Какие-то светлые бури.
И хмурятся в ночь –
Лазури.

Серебряный-Колодезь

* * *

Золотея, эфир просветится,
И – в восторге сгорит.
А над морем садится
Ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
Золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
Среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
Средь трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село: рыданий
Полон крик альбатросов.

"Дети солнца, вновь холод бесстрастья...
Закатилось оно –
Золотое, старинное счастье:
Золотое руно!"

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
Ослепительный пурпур огня.

Москва

АРГОНАВТЫ

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
Трубят.

Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
Из солнечной ткани!

Зовет за собою
Старик аргонавт,
Взывает
Трубой
Золотою:

"За солнцем, за солнцем, свободу любя,
Умчимся в эфир
Голубой!"

Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
Трубя
В золотеющий мир.

Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
Над нами.

На горных вершинах
Наш Арго,
Наш Арго,
Готовясь лететь, золотыми крылами
Забил.

Серебряный-Колодезь

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Пронизала вершины дерев
Желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев:
"Объявись – зацелую тебя..."

Старина, в пламенеющий час
Обуявшая нас мировым, –
Старина, окружившая нас,
Водопадом летит голубым.

И веков струевой водопад,
Вечно грустной спадая волной,
Не замоет к былому возврат,
Навсегда просквозив стариной.

Песнь все ту же поет старина,
Душит тем же восторгом нас мир.
Точно выплеснут кубок вина,
Напоившего вечным эфир.

Обращенный лицом к старине,
Я взываю с мольбою за всех.
Страстно тянутся ветви ко мне
Золотых, лучезарных дерев.

И сквозь вихрь непрерывных веков
Что-то снова коснулось меня, –
Тот же грустно задумчивый зов:
"Объявись – зацелую тебя..."

Серебряный-Колодезь

НЕ ТОТ

1

Мглой задернут восток.
Дальний крик пролетающих галок...
Это – он... И венок
Он плетет из фиалок.

На лице его тени легли...
Его голос так звонок.
Поклонился ему до земли.
Стал он гладить меня, как ребенок.

"Засиял ты, как встарь...
Мое сердце тебя не забудет...
В твоем взоре, о царь, –
Все, что было, что есть и что будет.

Вот береза ветвями тебя
Поцелует.
Кто-то, Вечный, скорбя,
Заликует".

Месяц, – красный коралл –
Встал в туманные складки...

Он сказал,
Прижимая, как скипетр, фиалки:

"Побеждаеши сим..."
Развевалась его багряница;
Закружилась над ним,
Глухо каркая, черная птица.

Горбуны из пещеры пришли,
Повинуясь закону.
Горбуны поднесли
Золотую корону.

2

Он, как новый Христос,
Просиявший учитель веселья, –
В лепестках белых роз
С чашей странного зелья,

И любя и грустя,
Показался из дали,
Как святое дитя;
Он – в закатно-янтарной печали.

"О, народы мои,
Приходите, идите ко мне:
Песнь о новой любви
Я расслышал так ясно во сне.

Приходите ко мне.
Мы воздвигнем наш храм:
Я – грядущей весне
Свое жаркое сердце отдам.

Я лазурью очей
Омываю ваш грех:
Белизною своей
Успокою вас всех.

Принесу в этот час,
Как вечернюю жертву, себя,
Чтоб погибнуть за вас,
И смеясь, и любя".

3

И кто-то с выси ледяной
(Как сел на трон, венец приявши)
К нему на грудь слетел – сквозной,
Шестикрылатый, просиявший –

Ускорит ужас роковой.
И хаос встал, давно забытый;
И голос бури мировой
Проговорил – глухо сердитый.

И тени грозные легли...
От стран далекого востока
Мы все увидели вдали
Седобородого пророка.

И царь испуганный из зал
С плащом покрытою главою,
Корону сняв, – во тьму бежал,
Повитый дымкой грозовою.

4

О мой царь!
Ты запуган и жалок.
Ты, как встарь,
Притаился средь белых фиалок.

На закате блеск вечной свечи,
Красный отсвет страданий –
Золотистой парчи
Пламезарные ткани.

Ты взываешь, грустя,
Как болотная птица...
О, дитя,
Вся в лохмотьях твоя багряница.

Затуманены сном
Наплывающей ночи
На лице снеговом
Голубые безумные очи.

Серебряный Колодезь

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

Стоял я дураком
В венце своем огнистом,
В хитоне золотом,
Скрепленном аметистом.

Стоял один, как столп,
В пустынях удаленных
И ждал народных толп
Коленопреклоненных.

Я долго, тщетно ждал,
В мечту свою влюбленный...
На западе сиял
Смарагд бледнозеленый;

И – палевый привет
Потухшей, чайной розы...
На мой зажженный свет
Пришли степные козы.

"Будь проклят, Вельзевул,
Лукавый соблазнитель!..
Не ты ли мне шепнул,
Что новый я Спаситель?"

Как сорванная цепь
Жемчужин, льются слезы...
Помчались быстро в степь
Испуганные козы.

Серебряный-Колодезь

МАНИЯ

Из царских дверей выхожу –
В несбыточных, в пламенных снах.
По красным ступеням схожу
Со светочем красным в руках.

Я знаю безумий напор.
Больной, исступленный мой вид: –
Тоскующий взор,
Смертельная бледность ланит.

Взглянув на одежды мои,
Залитые кровью,
Сплетаете чувства свои
Вы в вихри:

"Гряди же, гряди..."
Я грустно вздыхаю:
Бескровные руки свои
На всех возлагаю.

Ну, мальчики, – с Богом,
Несите зажженные свечи!..
Пусть рогом
Народ созывают для встречи.

Ну что ж? На закате холодного дня
Целуйте мои онемевшие руки.
Ведите меня
На крестные муки.

Серебряный-Колодезь

ЛЖЕПРОРОК

Проповедуя скорый конец,
Я предстал, словно новый Христос,
Возложивши терновый венец,
Разукрашенный пламенем роз.

Запрудив вкруг меня тротуар,
Удивленно внимали речам.
Громыхали пролетки; и – там
Угасал золотистый пожар;

Повисающим бурым столбом
Задымил остывающий зной...
Хохотали они надо мной,
Над безумно-смешным лжехристом.

Яркогазовым залит лучом,
Я поник, зарыдав как дитя;
Потащили в смирительный дом,
Погоняя пинками меня.

Серебряный-Колодезь

ДУРАК

И сижу под окном.
Прижимаюсь к решетке, молясь.
В голубом
Все застыло, искрясь.

И звучит из дали:
"Я так близко от вас,
Мои бедные дети земли,
В золотой, янтареющий час".

И под тусклым окном
За решеткой тюрьмы
Ей машу колпаком:
"Скоро, скоро увидимся мы".

С лучезарных крестов
Нити золота тешат меня...
Тот же грустно-задумчивый зов:
"Объявись – зацелую тебя..."

Полный радостных мук
Утихает дурак.
Тихо падает на пол из рук
Сумасшедший колпак.

Серебряный-Колодезь

ОСЕНЬ

1

Огромное стекло
В оправе изумрудной –
– Разбито вдребезги ветрами...

Стекло –
В оправе изумрудной.

Печальный друг, довольно слез, – молчи!
Как в ужасе осенняя зарница,
Луны осенней багряница.

Фатою траурной грачи
Несутся – затенили наши лица.

Протяжный ветра визг
Окрестность опояшет.
Полынь метлой испуганно нам машет.

И красный, лунный диск
В разбитом зеркале, чертя рубины, пляшет.

2

В небесное стекло
С размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне – небесный свод расколот.

И что-то страшное мне вдруг
Открылось.
И понял я – замкнулся круг.
И сердце – билось, билось, билось...

Раздался вздох ветров среди могил:
"Ведь ты, убийца,
Себя убил –
Убийца
Себя убил".

Серебряный-Колодезь

УСМИРЕННЫЙ

Молчит усмиренный, стоящий над кручей отвесной,
Любовно охваченный старым пьянящим эфиром,
В венке серебристом и в мантии бледно-небесной,
Простерший свои онемевшие руки над миром.

Когда-то у ног его вечные бури хлестали.
Но тихое время смирило вселенские бури.
Промчались столетья. Яснеют безбурные дали.
Крылатое время блаженно утонет в лазури.

Задумчивый мир напоило немеркнущим светом
Великое солнце в печали янтарно-закатной.
Мечтой лебединой, прощальным вечерним приветом
Сидит, умирая, с улыбкой своей невозвратной.

Вселенная гаснет... Лицо приложив восковое
К холодным ногам, обнимая руками колени...
Во взоре потухшем волненье безумно-немое,
Какая-то грусть мировых, окрыленных молений.

Серебряный-Колодезь

БЛОКУ

Суждено мне молчать.
Для чего говорить?
Не забуду страдать.
Не устану любить.

Нас зовут –
Без конца...

Нам – пора...

Багряницу несут
И четыре колючих венца.

Весь в огне
И любви –
Мой предсмертный, блуждающий взор.

О приблизься ко мне:
Распростертый, в крови, –
Я лежу у подножия гор.

Не колышется больше от мук
Вдруг застывшая грудь.

Не оставь меня, друг, –
Не забудь!..

Москва

* * *

1

На сердце безумное что-то...
И в теле – холодная дрожь.
Весь день не стихает работа...
Подвозят пшеницу и рожь.

Телеги влекут, громыхая,
С полей многоверстных овес...
Недавно мне тайно сказали,
Что скоро вернется Христос.

Когда я молился, тоскуя,
Средь влажных, вечерних лугов –
"Холодною ночью приду я" –
Поднялся таинственный зов.

И грудь сожжена нетерпеньем...
И знаю: мечта не мечта...
И жду с несказанным волненьем, –
И жду... появленье... Христа.

2

Все было в дому зажжено.
В осенних плащах мы сидели...
Друзья отворили окно.
Тревожно в пространства глядели.

Какие-то люди прошли...
Забил колоток в полуночи...
И вот – с фонарями прошли...
Стояли... одни... в полуночи...

Пронизывал холод ночной.
Луна покраснела над степью.
К нам пес, обозленный, цепной,
Кидался, гремя своей цепью.

Кровавую ленту зари
Встречал пробудившийся петел...
Бледнели в руках фонари...
Мы – звали: никто не ответил.

Серебряный-Колодезь

1904 ГОД

ОДИНОКОМУ

Ты – одинок... Ты – правишь бег
В косматый дым, в атласный снег
Приять вершин священный холод...
Вершинный гром упал, как молот.

В горах натянутый ручей
Поет тебе; и ты – ничей...
На нас глядишь из тучи мглистой
Своей порфирой серебристой.

Орел вознесся в звездный день...
Твоя распластанная тень
Сечет ледник зеркальный, белый...
Ледник висит, оцепенелый...

Закинутый самой судьбой,
Ты солнце на старинный бой
Зовешь протяжным, вольным криком, –
Над искристым и льдистым пиком.

Полудень: стой – не оборвись!..
Ясна обрывистая высь:
Изорвана туманов лопасть,
Разверзлась под тобою пропасть.

Над морем золотого льда
Промчатся быстрые года...
Падет бесследно солнце злое.
Темнится небо голубое.

Москва. 1904–1908

БЕЗУМЕЦ

1

Вы шумите. Табачная гарь
Дымносиние стелет волокна.
Золотой мой фонарь
Зажигает лучом ваши окна.

Это я в заревое стекло
К вам стучусь в час вечерний.
Снеговое чело
Разрывают, вонзясь, иглы терний.

Вот скитался я долгие дни
И тонул в предвечерних туманах.
Изболевшие ноги мои
В тяжких ранах.

Отворяют. Сквозь дымный угар
Задают мне вопросы.
Предлагают, открыв портсигар,
Папиросы.

О, потоки огня
Мою душу сжигают...
Неужели меня
Никогда не узнают!

2

Помним всё. Он сидел
Просиявший, безгласный.
За столом пел
Кто-то толстый и красный.

Мы не знали тогда ничего.
От пирушки в восторге мы были.
А его,
Как всегда, мы забыли.

Он, потупясь, сидел
С робким взором ребенка...
Кто-то пел
Звонко.

Вдруг
Он сказал, преисполненный муки,
Побеждая испуг,
Взявши лампу в дрожащие руки:

"Се, дарует вам свет
Искупитель...
Я не болен: нет, нет!
Я – Спаситель".

Так сказав, наклонил
Он свой лик многодумный...
Я в тоске возопил:
"Он – безумный".

3

Здесь безумец живет
Среди белых сиреней.
На террасу ведет
Ряд ступеней.

За ограду на весь
Прогуляться безумец не волен...
Да, ты здесь!
Да, ты болен!

Втихомолку, смешной
Кто-то вышел в больничном халате,
Сам не свой,
Говорить на закате.

Что ты ждешь у реки,
Еле слышно колебля
Тростники,
Горьких песен зеленого стебля?

Что, в зеркальность глядясь,
Бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?
Всплеск, круги... И смеясь,
Утопаешь, закрытый туманом.

Лишь тюльпан меж осоки лежит
Весь измятый, весь алый...
Из больницы служитель бежит
И кричит, торопясь, запоздалый.

Москва

ИЗГНАННИК

М.И. Сизову

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.

Там я года твердил о вечном –
В меня бросали вы каменьями.
Вы в исступленье скоротечном
Моими тешились мученьями.

Я покидаю вас, изгнанник, –
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу – согбенный, бледный странник –
Меж золотистых, хлебных пажитей.

Бегу во ржи, межой, по кочкам –
Необозримыми равнинами.
Перед лазурным василечком
Ударюсь в землю я сединами.

Меня коснись ты, цветик нежный.
Кропи, кропи росой хрустальною!
Я отдохну душой мятежной,
Моей душой многострадальною.

Заката теплятся стыдливо
Жемчужно розовые полосы.
И ветерок взовьет лениво
Мои серебряные волосы.

Москва

АРЕСТАНТЫ

Много, брат, перенесли
На веку с тобою бурь мы.
Помнишь – в город нас свезли.
Под конвоем гнали в тюрьмы.

Била ливнем нас гроза.
И одежда перемокла.
Шел ты, в даль вперив глаза,
Неподвижные, как стекла.

Заковали ноги нам
В цепи.
Вспоминали по утрам
Степи.

За решеткой в голубом
Быстро ласточки скользили.
Коротал я время сном
В желтых клубах душной пыли.

Ты не раз меня будил.
Приносил нам сторож водки.
Тихий вечер золотил
Окон ржавые решетки.

Как с убийцей, с босяком,
С вором,
Распевали вечерком
Хором.

Здесь, на воле, меж степей
Вспомним душные палаты,
Неумолчный лязг цепей,
Наши серые халаты.

Не кручинься, брат, о том,
Что морщины лоб изрыли.
Всё забудем: отдохнем –
Здесь, в волнах седой ковыли.

Серебряный-Колодезь

СТРАННИКИ

А.С. Петровскому

Как дитя, мы свободу лелеяли,
Проживая средь душной неволи.
Срок прошел. Мы былое развеяли.
Убежали в пустынное поле.

Там, как в тюрьмах, росло наше детище;
Здесь приветствовал стебель нас ломкий.
Ветерок нежно рвал наше вретище.
Мы взвалили на плечи котомки, –

И пошли. Силой крестного знаменья
Ты бодрил меня, бледный товарищ,
Над простором приветствовал пламень я
Догоравших, вечерних пожарищ.

Ветерки прошумели побегами.
Мы, вздохнув, о страданье забыли.
День погас. На дороге телегами
Поднимали столбы белой пыли.

Встало облако сизыми башнями.
С голубых, бледнотающих вышек
Над далекими хлебными пашнями
Брызнул свет златоогненных вспышек.

Зорька таяла пологом розовым.
Где-то каркал охрипший галчонок.
Ты смотрел, как над лесом березовым
Серп луны был и снежен, и тонок.

Москва

СЕЛЬСКАЯ КАРТИНА

Сквозь зелень воздушность одела
Их пологом солнечных пятен.
Старушка несмело
Шепнула: "День зноен, приятен..."

Девица
Клубнику варила средь летнего жара.
Их лица
Омыло струею душистого пара.

В морщинах у старой змеилась
Как будто усмешка...

В жаровне искрилась,
Дымя, головешка.

Зефир пролетел тиховейный...
Кудрявенький мальчик
В пикейной
Матроске к лазури протягивал пальчик:
"Куда полетела со стен, ты,
Зеленая мушка?"
Чепца серебристого ленты,
Вспотев, распускала старушка.

Чирикнула птица.

В порыве бескрылом
Девица
Грустила о милом.
Тяжелые косы,
Томясь, через плечи она перекинула разом.

Звенящие, желтые осы
Кружились над стынущим тазом.

Девица за ласточкой вольной
Следила завистливым оком,
Грустила невольно
О том, что разлучены роком.
Вдруг что-то ей щечку ужалило больно –
Она зарыдала,
Сорвавши передник...
И щечка распухла.

Варенье убрали на ледник,
Жаровня потухла.

Диск солнца пропал над лесною опушкой,
Ребенка лучом искрометным целуя.
Ребенок гонялся
За мушкой
Средь кашек.

Метался,
Танцуя,
Над ним столб букашек.

И вот дуновенье
Струило прохладу
Волною.
Тоскливое пенье
Звучало из тихого саду.

С распухшей щекою
Бродила мечтательно дева.
Вдали над ложбиной –
Печальный, печальный –
Туман поднимался к нам призраком длинным.

Из птичьего зева
Забил над куртиной
Фонтанчик хрустальный,
Пронизанный златом рубинным.

Средь розовых шапок левкоя
Старушка тонула забытым мечтаньем.
И липы былое
Почтили вздыханьем.
Шептала
Старушка: "Как вечер приятен!"

И вот одевала
Заря ее пологом огненных пятен.

Москва

РАБОТА

На дворе с недавних пор
В услуженье ты у прачки.
День-деньской свожу на двор
Кирпичи для стройки в тачке.

День-деньской колю дрова,
Отогнав тревогу.
Все мудреные слова
Позабыл, ей-Богу!

От зари до поздних рос
Труд мой легок и налажен.
Вот согнулся я, и тес
Под рубанком срезан, сглажен.

Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Там глядишь ты из угла
На зеленые березки...
С легким присвистом пила,
Накалясь, вопьется в доски.

Растяжелым утюгом
Обжигаешься и гладишь.
Жарким, летним вечерком
Песенку наладишь: –

Подхвачу... Так четко бьет
Молоток мой по стамеске:
То взлетит, то упадет,
Проблистав в вечернем блеске.

Ефремов

ТРОЙКА

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.
В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захохочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярко вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: "Здравствуй, молодец..."
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

Серебряный-Колодезь

ПРОГУЛКА

Не струя золотого вина
В отлетающем вечере алом, –
Расплескалась колосьев волна
Вдоль межи налетевшая шквалом.

Слыша зов
Серебристый, и чистый, и тонкий, –
Закивали во ржи васильков
Голубые, как небо, коронки.

Колосистый поток
Пролетал золотым водометом.
Завернулась в платок
Ты, любуясь пролетом.

Посмотри – на струистой волне
Наши легкие, темные тени
Распростерты в вечернем огне
Без движений.

Я сказал "не забудь",
Подавая лазурный букетик;
Ты – головку склонивши на грудь,
Целовала за цветиком цветик.

Серебряный-Колодезь

ТУДА

К небу из душных гробов
Головы выше закинем:
Видишь – седых облачков
Бледные пятна на синем.

Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли.
Плавно взлетим
Взмахом серебряных крылий.

Память – уснет.
Робко на облако встанем.
В синий пролет
Робко заглянем.

Тихо замрем
Грустны и немы.
И не поймем
Где мы.

Белый атлас...
Свод полнозвездный...
Приняли нас
Вечные бездны.

Серебряный-Колодезь

ОТСТАВНОЙ ВОЕННЫЙ

Вот к дому, катя по аллеям,
С нахмуренным Яшкой –
С лакеем,
Подъехал старик, отставной генерал с
деревяшкой.

Семейство,
Чтя русский
Обычай, вело генерала для винного действа
К закуске.

Претолстый помещик, куривший сигару,
Напяливший в полдень поддевку,
Средь жару
Пил с гостем вишневку.

Опять вдохновенный,
Рассказывал, в скатерть рассеянно тыча окурок,
Военный
Про турок:
"Приехали в Яссы...
Приблизились к Турции..."
Вились вкруг террасы
Цветы золотые настурции.

Взирая
На девку блондинку,
На хлеб полагая
Сардинку,

Кричал
Генерал:
"И под хохот громовый
Проснувшейся пушки
Ложились костьми баталионы..."

В кленовой
Аллее носились унылые стоны
Кукушки.

Про душную страду
В полях где-то пели
Так звонко.
Мальчишки из саду
Сквозь ели,
Крича, выгоняли теленка.

"Не тот, так другой
Погибал,
Умножались
Могилы" –
Кричал,
От вина огневой...
Наливались
На лбу его синие жилы.

"Нам страх был неведом...
Еще на Кавказе сжигали аул за аулом..."

С коричневым пледом
И стулом
В аллее стоял,
Дожидаясь,
Надутый лакей его, Яшка.

Спускаясь
С террасы, военный по ветхим ступеням стучал
Деревяшкой.

Москва

ШОССЕ

За мною грохочущий город
На склоне палящего дня.
Уж ветер в расстегнутый ворот
Прохладой целует меня.

В пространство бежит – убегает
Далекая лента шоссе.
Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груде дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Ефремов

НА ВОЛЬНОМ ПРОСТОРЕ

Здравствуй, –
Желанная
Воля –
Свободная,
Воля
Победная,
Даль осиянная, –
Холодная,
Бледная.

Ветер проносится, желтые травы колебля, –
Цветики поздние, белые.
Пал на холодную землю.

Странны размахи упругого стебля,
Вольные, смелые.
Шелесту внемлю.

Тише...
Довольно:
Цветики
Поздние, бледные, белые,
Цветики,
Тише...

Я плачу: мне больно.

Серебряный-Колодезь

НА РЕЛЬСАХ

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались: развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом.

Ужели я в жалобах слезных
Ненужный свой век проволочу?
Улегся на рельсах железных,
Затих: притаился – молчу.

Зажмурил глаза, но слезою –
Слезой овлажнился мой взор.
И вижу: зеленой иглою
Пространство сечет семафор.

Блеснул огонек, еле зримый,
Протяжно гудит паровоз.
Взлетают косматые дымы
Над купами чахлых берез.

Москва

НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.
И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы –
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Всё отдал; и вот – я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке –
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют; –
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями бьют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли –
Взлетают сухие столбы.

Москва

В.Я. БРЮСОВУ

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям –

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость – готов напасть.

Пляшет черная бородка,
В острых взорах власть и страсть.

Пламень уст – багряных маков –
Оттеняет бледность щек.

Неизменен, одинаков,
Режешь времени поток.

Взор опустишь, руки сложишь...
В мыслях – молнийный излом.

Замолчишь и изнеможешь
Пред невеждой, пред глупцом.

Нет, не мысли, – иглы молний
Возжигаешь в мозг врага.

Стройной рифмой преисполни
Вихрей пьяные рога,

Потрясая строгим тоном
Звезды строящий эфир...

Где-то там... за небосклоном
Засверкает новый мир; –

Там за гранью небосклона –
Небо, небо наших душ:

Ты его в земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Где-то новую туманность
Нам откроет астроном: –

Мира бренного обманность –
Только мысль о прожитом.

В строфах – рифмы, в рифмах – мысли
Созидают новый свет...

Над душой твоей повисли
Новые миры, поэт.

Всё лишь символ... Кто ты? Где ты?..
Мир – Россия – Петербург –

Солнце – дальние планеты...
Кто ты? Где ты, демиург?..

Ты над книгою изогнут,
Бледный оборотень, дух...

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Горд, серьезен, строен, сух.

Москва

МЕЛАНХОЛИЯ

Пустеет к утру ресторан.
Погасли люстры... Ставят свечи...
Молчит бессмысленный орган.
Гремят бессмысленные речи.

Уж я – бессмысленная тень –
Прошел во тьму из дымной сети.
Уж скоро золотистый день
Ударится об окна эти.

Пересечет перстами гарь,
На зеркале блеснет алмазом...
Там – газовый в окне фонарь
Огнистым дозирает глазом.

Москва. 1904–1908

ОТЧАЯНЬЕ

Веселый, искрометный лед.
Но сердце – ледянистый слиток.
Пусть вьюга белоцвет метет, –
Взревет; и развернет свой свиток.

Срывается: кипит сугроб,
Пурговым кружевом клокочет,
Пургой окуривает лоб,
Завьется в ночь и прохохочет.

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользит вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает.

Душа, остановись – замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья!

Отцветших, отгоревших дней
Осталась песня недопета.
Пляшите, уличных огней
На скользких плитах иглы света!

Москва

ДОМА

Над городом встают с земли
Над улицами клубы гари.
Вдали – над головой – вдали
Обрывки безответных арий.

И жил, и умирал в тоске,
Рыдание не обнаружив...
Как отблески на потолке
Гирляндою воздушных кружев –

Протянутся: так – всё на миг
Зажжется желтоватым светом,
И в зеркале стоит двойник
Туманногрустным силуэтом...

Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки.

Москва

МАГ

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор.
Ты – вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.

Бегут года. Летят: планеты,
Гонимые пустой волной, –
Пространства, времена... Во сне ты
Повис над бездной ледяной.

Безводны дали. Воздух пылен.
Но в звезд разметанный алмаз
С тобой вперил твой верный филин
Огонь жестоких, желтых глаз.

Ты помнишь: над метою звездной
Из хаоса клонился ты
И над стенающею бездной
Стоял в вуалях темноты.

Читал за жизненным порогом
Ты судьбы мира наизусть...
В изгибе уст безумно строгом
Запечатлелась злая грусть.

Виси, повешенный извечно,
Над темной пляской мировой, –
Одетый в мира хаос млечный,
Как в некий саван гробовой.

Ты шел путем не примиренья –
Люциферическим путем.
Рассейся, бледное виденье,
В круговороте бредовом!

Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Теченье быстрое годин –
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире – ты, и ты – один,

Всё озаривший, не согретый,
Возникнувший в своем же сне...
Текут года, летят планеты
В твоей несчастной глубине.

Москва. 1904–08

УСПОКОЕНИЕ

1

Ушел я раннею весной.
В руках протрепетали свечи.
Покров линючей пеленой
Обвил мне сгорбленные плечи,

И стан – оборванный платок;
В надорванной груди – ни вздоха;
Вот приложил к челу пучок
Колючего чертополоха;

На ледянистое стекло
Ногою наступил и – замер
Там – время медленно текло
Средь одиночных, буйных камер.

Сложивши руки, без борьбы
Судьбы я ожидал развязки.
Безумства мертвые рабы
Там мертвые свершали пляски:

В своих дурацких колпаках,
В своих ободранных халатах,
Они кричали в желтый прах,
Они рыдали на закатах.

Там вечером, – и нем, и строг
Вставал над крышами пустыми
Коралловый, кровавый рог
В лазуревом, но душном дыме.

И как повеяло весной,
Я убежал из душных камер,
Упился юною луной;
И средь полей блаженно замер;

2

Мне проблистала бледность дня;
Пушистой вербой кто-то двигал;
Но вихрь танцующий меня
Обсыпал тучей льдяных игол.

Мне крова душного не жаль.
Не укрываю головы я.
Смеюсь – засматриваюсь в даль:
Затеплил свечи восковые,

Склоняясь в отсыревший мох;
Кидается на грудь, на плечи –
Чертополох, чертополох:
Кусается, – и гасит свечи.

И вот свеча моя, свеча,
Упала – в слякоти дымится;
С чела, с кровавого плеча
Кровавая струя струится.

Лежу... Засыпан в забытье
И тающим, и нежным снегом,
Слетающим – на грудь ко мне,
К чуть прозябающим побегам.

1904–1908
Москва

В ТЕМНИЦЕ

Пришли и видят – я брожу
Средь иглистых чертополохов.
И вот опять в стенах сижу.
В очах – нет слез, в груди – нет вздохов.

Мне жить в застенке суждено.
О да – застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Да, – я проклятие изрек
Безумству в высь взлетевших зданий.
Вам не лишить меня вовек
Зари текучих лобызаний.

Моей мольбой, моим псалмом
Встречаю облак семиглавый,
Да оборвет взрыдавший гром
Дух празднословия лукавый.

Мне говорят, что я – умру,
Что худ я и смертельно болен,
Но я внимаю серебру
Заклокотавших колоколен.

Уйду я раннею весной
В линючей, в пламенной порфире
Воздвигнуть в дали ледяной
Двузвездный, блещущий дикирий.

Москва

1905 ГОД

ПИР

Вокруг широкого стола,
Где бражничали в тесной куче,
Венгерка юная плыла,
Отдавшись огненной качуче: –

Из-под атласных, темных вежд
Очей метался пламень жгучий;
Плыла, – и легкий шелк одежд
За ней летел багряной тучей.

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной:
"Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной.

Я знаю – все..." И банк метал,
И сыпалась за картой карта;
И сторублевики бросал
В разгаре пьяного азарта,

Меж пальцев задрожавших взяв
Благоуханную сигару;
Взволнованно потом прижав
К груди взрыдавшую гитару, –

Я – проигравшийся игрок –
Привстал... Неуязвимо строгий,
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок бросая ноги...

Суровым отблеском покрыв,
Печалью мертвенной и блёклой
На лицах гаснущих застыв, –
Впилось сквозь матовые стекла –

Рассвета мертвое пятно;
И мертвый день бледнился робко...
И гуще пенилось вино,
И в потолок летели пробки.

Москва

В ВАГОНЕ

Жандарма потертая форма,
Носильщики, слезы. Свисток –
И тронулась плавно платформа;
Пропел в отдаленье рожок.

В пустое, в раздольное поле,
Лечу, свою жизнь загубя:
Прости, не увижу я боле –
Прости, не увижу тебя!

На дальних обрывах откоса
Прошли – промерцали огни;
Мостом прогремели колеса...
Усни, мое сердце, усни!

Несется за местностью местность –
Летит: и летит – и летит.
Упорно в лицо неизвестность
Под дымной вуалью глядит.

Склонилась и шепчет: и слышит
Душа непонятную речь.
Пусть огненным золотом дышит
В поля паровозная печь.

Пусть в окнах шмели искряные
Проносятся в красных роях.
Знакомые лица, дневные,
Померкли в суровых тенях.

Упала оконная рама.
Очнулся – в окне суетня:
Платформа – и толстая дама
Картонками душит меня.

Котомки, солдатские ранцы
Мелькнули и скрылись... Ясней
Блесни, пролетающих станций
Зеленая россыпь огней!

Ефремов

ВЕСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Одна сижу меж вешних верб.
Грустна, бледна: сижу в кручине.
Над головой снеговой серп
Повис, грустя, в пустыне синей.

А были дни: далекий друг,
В заросшем парке мы бродили.
Молчал: но пальцы нежных рук,
Дрожа, сжимали стебли лилий.

Молчали мы. На склоне дня
Рыдал рояль в старинном доме.
На склоне дня ты вел меня,
Отдавшись ласковой истоме,

В зеленоватый полусвет
Прозрачно зыблемых акаций,
Где на дорожке силуэт
Обозначался белых граций.

Теней неверная игра
Под ним пестрила цоколь твердый.
В бассейны ленты серебра
Бросали мраморные морды.

Как снег бледна, меж тонких верб.
Одна сижу. Брожу в кручине.
Одна гляжу, как вешний серп
Летит, блестит в пустыне синей.

Москва

ПОПОВНА

Свежеет. Час условный.
С полей прошел народ.
Вся в розовом – поповна
Идет на огород.

Как пава, величава.
Опущен шелк ресниц.
Налево и направо
Всё пугала для птиц.

Жеманница срывает
То злак, то василек.
Идет, над ней порхает
Капустный мотылек.

Над пыльною листвою –
Наряден, вымыт, чист, –
Коломенской верстою
Торчит семинарист.

Прекрасная поповна,
Прекрасная, как сон, –
Молчит – зарделась, словно
Весенний цвет – пион.

Молчит... Под трель лягушек
Ей сладко, сладко млеть.
На лик златых веснушек
Загар рассыпал сеть.

Не терпится – кокетке...
(Семь бед – один ответ.)
Пришпилила к жилетке
Ему ромашкин цвет.

Прохлада нежно дышит
В напевах косарей.
Не видит их, не слышит
Отец протоиерей.

В подряснике холщовом
Прижался он к окну:
Корит жестоким словом
Покорную жену:

"Опять ушла от дела
Гулять родная дочь,
Опять не доглядела..."
И смотрит, смотрит в ночь.

И видит сквозь орешник
В вечерней чистоте
Лишь небо, да скворешник
На согнутом шесте.

Москва

ПАУК

Нет, буду жить – и буду пить
Весны благоуханный запах.
Пусть надо мной, где блещет нить,
Звенит комар в паучьих лапах.
Пусть на войне и стон, и крик,
И дым пороховой – пусть едок: –
Зажгу позеленевший лик
В лучах, блеснувших напоследок.
Пусть веточка росой блеснет;
Из-под нее, горя невнятно,
Пусть на меня заря прольет
Жемчужно-розовые пятна...
Один. Склонился на костыль.
И страстного лобзанья просит
Душа моя...

И ветер пыль
В холодное пространство бросит, –
В лазуревых просторах носит.

И вижу: –
Ты бежишь в цветах
Под мраморною, старой аркой
В пурпуровых своих шелках

И в шляпе с кисеею яркой.
Ты вот: застенчиво мила,
Склоняешься в мой лед и холод;
Ты не невестой мне цвела:
Жених твой и красив, и молод.
Дитя, о улыбнись, – дитя!
Вот рук – благоуханных лилий –
Браслеты бледные, – блестя,
Снопы лучей озолотили.
Но урони, смеясь сквозь боль,
Туда, где облака-скитальцы, –
Ну, урони желтофиоль
В мои трясущиеся пальцы!
Ты вскрикиваешь, шепчешь мне:
"Там, где ветвей скрестились дуги,
Смотри, – крестовик в вышине
Повис на серебристом круге..."
Смеешься, убегаешь вдаль;
Там улыбнулась в дали вольной.

Бежишь – а мне чего-то жаль.
Ушла – а мне так больно, больно...

Так в бирюзовую эмаль
Над старой, озлащенной башней
Касатка малая взлетит –
И заюлит, и завизжит,
Не помня о грозе вчерашней;
За ней другая – и смотри:
За ней, повизгивая окол,
В лучах пурпуровой зари
Над глянцем колокольных стекол –
Вся черная ее семья...

Грызет меня тоска моя.
И мне кричат издалека, –
Из зарослей сырой осоки,
Что я похож на паука:
Прислушиваюсь... Смех далекий,
Потрескиванье огонька...
Приглядываюсь... Спит река...
В туманах – берегов излучья...

Туда грозит моя рука,
Сухая, мертвая... паучья...

Иду я в поле за плетень.
Рожь тюкает перепелами;
Пред изумленными очами
Свивается дневная сень.
И разольется над лугами
В ночь умножаемая тень –
Там отверзаемыми мглами,
Испепеляющими день.

И над обрывами откоса,
И над прибрежною косой
Попыхивает папироса,
Гремит и плачет колесо.
И зеленеющее просо
Разволновалось полосой...
Невыразимого вопроса –
Проникновение во всё...

1905–1908
Москва

ОТДЫХ

Я изранен в неравном бою.
День мой – труден и горек.
День пройдет – я тебя узнаю
В ласке тающих зорек.

От докучных вопросов толпы
Я в поля ухожу без ответа:
А в полях – золотые снопы
Беззакатного света.

Дробный дождик в лазурь
Нежным золотом сеет над нами:
Бирюзовые взоры не хмурь –
Процелуй, зацелуй ветерками.

И опять никого. Я склонен, –
Я молюсь пролетающим часом.
Только лен
Провевает атласом.

Только луг
Чуть сверкает в сырой паутине,
Только бледно сияющий круг
В безответности синей.

Москва

СВАДЬБА

Мы ждем. Ее все нет, все нет...
Уставившись на паперть храма
В свой черепаховый лорнет,
Какая-то сказала дама

Завистливо: "Si jeune... Quelle ange..."*
Гляжу – туманится в вуалях:
Расправила свой флер д'оранж, –
И взором затерялась в далях.

Уж регент, руки вверх воздев,
К мерцающим, златым иконам,
Над клиросом оцепенев,
Стоит с запевшим камертоном.

Уже златит иконостас
Вечеровая багряница.
Вокруг уставились на нас
Соболезнующие лица.

Блеск золотых ее колец...
Рыдание сдавило горло
Ее, лишь свадебный венец
Рука холодная простерла.

Соединив нам руки, поп
Вкруг аналоя грустно водит,
А шафер, обтирая лоб,
Почтительно за шлейфом ходит.

---

* Такая молодая... Какой ангел... (*франц.*). – *Ред.*

Она моя, моя, моя...
Она сквозь слезы улыбнулась.
Мы вышли... Ласточек семья
Над папертью, визжа, метнулась.

Мальчишки, убегая вдаль,
Со смеху прыснули невольно.
Смеюсь, – а мне чего-то жаль.
Молчит, – а ей так больно, больно.

А колокольные кресты
Сквозь зеленеющие ели
С непобедимой высоты
На небесах заогневели.

Слепительно в мои глаза
Кидается сухое лето;
И собирается гроза,
Лениво громыхая где-то.

05–08
Серебряный-Колодезь

БУРЬЯН

1

Вчера завернул он в харчевню,
Свой месячный пропил расчет,
А нынче в родную деревню,
Пространствами стертый, бредет.

Клянет он, рыдая, свой жребий.
Друзья и жена далеки.
И видит, как облаки в небе
Влекут ледяные клоки.

Туманится в сырости, тонет
Окрестностей никнущих вид.
Худые былинки наклонит,
Дождями простор запылит –

Порыв разгулявшейся стужи
В полях разорвется, как плач.
Вон там: – из серебряной лужи
Пьет воду взлохмаченный грач.

2

Вон там: – его возгласам внемлет
Жилец просыревших полян –
Вон: – колкие руки подъемлет
Обсвистанный ветром бурьян.

Ликует, танцует: "Скитальцы,
Ища свой приют, припадут
Ко мне: мои цепкие пальцы
Их кудри навек оплетут.

Вонзаю им в сердце иглу я…
На мертвых верхах искони –
Целю я – целуя, милуя –
Их раны и ночи, и дни.

Здесь падают иглы сухие
На рыхлый, рассыпчатый лесс;
И шелестом комья сухие
Летят, рассыпаясь, в откос.

Здесь буду тебя я царапать,
Томить поцелуем, клонясь..."
Но топчет истрепанный лапоть
Упорнее жидкую грязь.

Но путник, лихую сторонку
Кляня, убирается прочь.
Бурьян многолетний вдогонку
Кидает свинцовую ночь.

3

За парнем шуршит до деревни –
Ликует, танцует – репье:
Пропьет, прогуляет в харчевне
Растертое грязью тряпье.

Ждут: голод да холод – ужотко;
Тюрьма да сума – впереди.
Свирепая, крепкая водка,
Огнем разливайся в груди!

Ефремов

УСПОКОЕНИЕ

1

Вижу скорбные дали зимы.
Ветер кружево вьюги плетет.

За решеткой тюрьмы
Вихрей бешеный лёт.

Жизнь распыляется сном –
День за днем.

Мучают тени меня
В бездне ночи и дня.

Плачу: мне жалко
Былого.

Времени прялка
Вить
Не устанет нить
Веретена рокового.

В окнах тюрьмы –
Саван зимы:

Время, белые кони несут;
Грива метельная в окна холодные просится;

Скок бесконечных минут
В темные бездны уносится.

Воздеваю бессонные очи, –
Очи, полные слез и огня,

Чтобы рушиться в ночи
С догорающим отсветом дня.

2

Ночь уходит. Луч денницы
Гасит иглы звезд.

Теневой с зарей ложится
Мне на грудь оконный крест.

Пусть к углу сырой палаты
Пригвоздили вновь меня:

Улыбаюсь я, распятый
Злобой блещущего дня.

Простираю из могилы
Руки кроткие горé,

Чтоб мой лик нездешней силой
Жег и жег, и жег в заре,

Чтоб извечно в мире сиром
Вечным мертвецом

Повисал над вами с миром
Мертвенным челом.

Гуще тени. Ярче звуки.
Волны падающей тьмы.

Распластал бесцельно руки
На полу моей тюрьмы.

3

Плачу: мне жалко
Былого.

Времени прялка
Вновь начинает вить –
Нить
Веретена рокового.

Время белые кони несут:
В окна грива метельная просится;

Скок бесконечных минут
В неизбежность уносится.

Москва

УГРОЗА

В тот час, когда над головой
Твой враг прострет покров гробницы, –
На туче вспыхнет снеговой
Грозящий перст моей десницы.

Над темной кущей
Я наплываю облаком, встающим
В зное.

Мой глас звучит,
Колебля рожь.

Мой нож
Блестит
Во имя Бога –

– Обломок месячного рога
Сквозь облако немое.

Всхожу дозором
По утрам
Окинуть взором
Вражий стан;
И там –

На бледнооблачной гряде
Стою с блеснувшим копием,
Подобным утренней звезде

Своим алмазным острием,
Пронзившим веющий туман.

Дедово

ТОМ ВТОРОЙ
1906 ГОД

БЕГСТВО

Шоссейная вьется дорога.
По ней я украдкой пошел.
Вон мертвые стены острога,
Высокий, слепой частокол.

А ветер обшарит кустарник.
Просвистнет вдогонку за мной.
Колючий, колючий татарник
Протреплет рукой ледяной,

Тоскливо провьется по полю;
Так сиверко в уши поет.
И сердце прославит неволю
Пространств и холодных высот.

Я помню: поймали, прогнали –
Вдоль улиц прогнали на суд.
Босые мальчишки кричали:
"Ведут – арестанта ведут".

Усталые ноги ослабли,
Запутались в серый халат.
Качались блиставшие сабли,
Угрюмо молчавших солдат;

Песчанистой пыли потоки,
Взвивая сухие столбы,
Кидались на бритые щеки,
На мертвые, бледные лбы.

Как шли переулком горбатым,
Глядел, пробегая, в песок
Знакомый лицом виноватым,
Надвинув на лоб котелок.

В тюрьму засадили. Я днями
Лежал и глядел в потолок...
Темнеет. Засыпан огнями
За мной вдалеке городок.

Ночь кинулась птицею черной
На отсветы зорь золотых.
Песчаника круглые зерна
Зияют на нивах пустых.

Я тенью ночной завернулся.
На землю сырую пал ниц.
Безжизненно в небо уткнулся
Церковный, серебряный шпиц.

Малёвка

ПУТЬ

Измерили верные ноги
Пространств разбежавшихся вид.
По твердой, как камень, дороге
Гремит таратайка, гремит.

Звонит колоколец невнятно.
Я болен – я нищ – я ослаб.
Колеблются яркие пятна
Вон там разоравшихся баб.

Меж копен озимого хлеба
На пыльный, оранжевый клен
Слетела из синего неба
Чета ошалелых ворон.

Под кровлю взойти да поспать бы,
Да сутки поспать бы сподряд.
Но в далях деревни, усадьбы
Стеклом искрометным грозят.

Чтоб бранью сухой не встречали,
Жилье огибаю, как трус, –
И дале – и дале – и дале –
Вдоль пыльной дороги влекусь.

Дедово

ЖИЗНЬ

В.И. Иванову

Всю-то жизнь вперед иду покорно я.
Обернуться, вспять идти – нельзя.
Вот она – протоптанная, торная,
Жаром пропыленная стезя.

Кто зовет благоуханной клятвою,
Кто зовет – в безбрежность отойти,
Чтобы в день безветренный над жатвою
Жертвенною кровью изойти.

Лучевые копья, предзакатные,
Изорвали грудь своим огнем.
Напоили волны перекатные
Ароматно веющим вином.

Что зарей вечернею, зеленою
Славословит, рвется из груди?
Оборвутся полосой студеною
Надо мной хрустальные дожди.

Всё поля – кругом поля горбатые,
В них найду покой себе – найду:
На сухие стебли, узловатые,
Как на копья острые, паду.

Серебряный-Колодезь

ВСЕ ЗАБЫЛ

Я без слов: я не могу…
Слов не надо мне.

На пустынном берегу
Я почил во сне.

Не словам – молчанью, – брат,
О, внемли, внемли.

Мы – сияющий закат,
Взвеянный с земли.

Легких воздухов крутят
Легкие моря.

Днем и сумраком объят –
Я, как ты, заря.

Это я плесну волной
Ветра в голубом.

Говорю тебе одно,
Но смеюсь – в другом.

Пью закатную печаль –
Красное вино.

Знал – забыл – забыть не жаль –
Все забыл давно…

Москва

ВЕЧЕР

Вечер. Коса золотистая,
Видишь, – в лесу замелькала осиновом.
Ветка далекая,
Росистая,
Наклоняется
В небе малиновом.

И сорока качается
На ней белобокая.

Слежу за малюткою:
С видом рассеянным
То постоит
Над незабудкою,
То побежит
За одуванчика пухом развеянным.

Милая, ясная,
Синеокая, –
Засмотрелась, как белочка красная
Проскакала по веточке, цокая.

Ласковый, розовоматовый
Вечер.
В небо вознесся агатовый
Блещущий глетчер.

Дедово

ТЫ

Меж сиреней, меж решеток
Бронзовых притих.
Не сжимают черных четок
Пальцы рук твоих.

Блещут темные одежды.
Плещет темный плат.
Сквозь опущенные вежды
Искрится закат.

У могил, дрожа, из келий
Зажигать огни
Ты пройдешь – пройдешь сквозь ели:
Прошумят они.

На меня усталым ликом
Глянешь, промолчишь.
Золотое небо криком
Остро взрежет стриж.

И, нарвав сирени сладкой,
Вновь уйдешь ты прочь.
Над пунцовою лампадкой
Поднимаюсь в ночь.

Саван крест росою кропит,
Щелкнет черный дрозд,
Да сырой туман затопит
На заре погост.

Дедово

ТЕНЬ

Откос – под ногами... Песчаный, отлогий...
Просторы седые открылись с откоса.
И смелою кистью усталые ноги
Целует и гладит кипящее просо.

Поплыл, отеняя в душе беззаботной
Немые пространства восторгов томящих, –
Клок облака, тенью своей переметной
Лизнувший по морю колосьев кипящих.

Я плакал... Но ветром порфира воздушно,
Как бархатом черным, – она продышала;
И бархатом черным безвластно, послушно
Пред солнцем – под солнцем – она облетала.

Я в солнце смеялся, но было мне больно.
На пыльной дороге гремели колеса.
Так ясен был день... Но – тревогой невольной
Вскипело у ног медноржавое просо.

Серебряный-Колодезь

ПОБЕГ

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели – глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студеной шумят.

Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень, –
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: "Держи их, держи!"
Как спугнули голодную галку,
Пробегая вдоль дальней межи –
Вдоль пустынных, заброшенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.

Но, сéстра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.

Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку –
Помертвевшую руку твою:

Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листы.

Я бегу… А ты?

Москва

ОСЕНЬ

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь – нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

Мюнхен

НА СКАТЕ

Я всё узнал. На скате ждал.
Внимал: и всхлипнула осинка.
Под мертвым верхом пробежал
Он подовражною тропинкой.

Над головой седой простер
Кремня зубчатого осколок.
Но, побледнев, поймав мой взор,
Он задрожал: пропал меж елок.

Песок колючий и сухой –
Взвивается волной и стонет.
На грудь бурьян кривой, сухой,
Свой поздний пух – на грудь уронит.

Тоску любви, любовных дней –
Тоску рассей: рассейся, ревность!
Здесь меж камней, меж зеленей
Пространств тысячелетних древность.

Прозябли чахлою травой
Многогребенчатые скаты.
Над ними облак дымовой,
Ворча, встает, как дед косматый.

В полях плывет, тенит, кропит
И под собою даль означит.
На бледной тверди продымит.
Уходит вдаль – дымит и плачет.

Серебряный-Колодезь

ТЕЛЕГРАФИСТ

Окрестность леденеет
Туманным октябрем.
Прокружится, провеет
И ляжет под окном, –

И вновь взметнуться хочет
Большой кленовый лист.
Депешами стрекочет
В окне телеграфист.

В окне кустарник малый
Окинет беглый взгляд –
Протянутые шпалы
В один тоскливый ряд,

Вагон, тюки, брезенты
Да гаснущий закат...
Выкидывает ленты,
Стрекочет аппарат.

Жена болеет боком,
А тут – не спишь, не ешь,
Прикованный потоком
Летающих депеш.

Детишки бьются в школе
Без книжек (где их взять!):
С семьей прожить легко ли
Рублей на двадцать пять...

Вновь дали мерит взором…
Сырой осенний дым
Над гаснущим простором
Пылит дождем седым.

Листвою желтой, блёклой,
Слезливой, мертвой мглой
Постукивает в стекла
Октябрьский дождик злой.

Бессмыслица дневная
Сменяется иной –
Бессмыслица дневная
Бессмыслицей ночной.

Стоит он на платформе,
Склонясь во мрак ночной, –
Один, в потертой форме,
Под стужей ледяной.

Он стужи взор туманит.
В костях озябших – лом.
А дождик барабанит
Над мокрым козырьком.

Лишь там – на водокачке –
Моргает фонарек.
Лишь там – в сосновой дачке –
Рыдает голосок.

В кисейной нежной шали
Девица средних лет
Выводит на рояли
Чувствительный куплет.

Серебряный-Колодезь

ВСПОМНИ!

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо, – вся в лазурных
В полевых цветах –
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник,
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.

Вспомни ласковые встречи –
Вспомни: видит Бог, –
Эти губы, эти плечи
Поцелуем жег.

Страсти пыл неутоленной –
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной –
Там – и там: и там –

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.
Ты не любишь: ты забыла –
Всё забыла ты.

Мюнхен

В ПОЛЯХ

В далях селенье
Стеклами блещет надгорное.

Рад заведенье
Бросить свое полотерное.

Жизнь свою муча,
Годы плясал над паркетами.

Дымная туча
Вспыхнула душными светами.

Воля ты, воля:
Жизнь подневольная минула.

Мельница с поля
Руки безумные вскинула.

В ветре над логом
Дикие руки кувыркает.

В логе пологом
Лошадь испуганно фыркает.

Нивой он, нивой
Тянется в дальнюю сторону.

Свищет лениво
Старому черному ворону.

Москва

ВЕСЕЛЬЕ НА РУСИ

Как несли за флягой флягу –
Пили огненную влагу.

Д'накачался –
Я.
Д'наплясался –
Я.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок.

Эх!
Людям – грех.
Эх!
Курам – смех.

По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли.
По дороженьке вали-вали-вали –

Да притопатывай!

Что там думать, что там ждать?
Дунуть – плюнуть: наплевать!..

Гомилетика!
Каноника!

Раздувай-дувай-дувай,
Моя гармоника!

Дьякон пляшет
– Дьякон, дьякон –
Рясой машет –
Дьякон, дьякон...
Что такое –
– Дьякон –
Смерть?

– "Что такое?
То и это:
Носом – в лужу;
Пяткой – в твердь..."

. . . .

Раскидалась в ветре – пляшет –
Полевая жердь: –

Веткой хлюпающей машет
Прямо в твердь.

Бирюзовою волною
Нежит твердь.

Над страной моей родною
Встала Смерть.

НА ОТКОСЕ

Вот прошел леса и долы.
Подо мной откос.
На реке огонь веселый
Блещет с дальних кос.

В зеленях меж гнезд и норок
Протоптал я стезь.
Берегись ты, лютый ворог,
Берегись, я – здесь.

Близок час: падешь в крови ты
На груди земли,
Здесь падешь, ножом пробитый.
(Ай, люли-люли!)

Ты не бейся, сердце-знахарь.
(Ай, люли-люли!)
За сохой плетется пахарь
Там вдали, вдали.

Отнесу тебя, сердешный,
В прибережный ров,
Будут дни: смиренный, грешный,
Поплетусь в Саров.

День пройдет: вечóр на воле!
Лягу под лопух.
Не усну от горькой боли
Да от черных мух.

Москва

ОСИНКА

А.М. Ремизову

1

По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам –

Спешит бобыль сиротинка
Ко святым местам –

Бежит в пространство
Излечиться от пьянства.

Присел под осинкой
Бобыль сиротинка.

2

– "Сломи меня в корне..."

Осинка лепечет
Листвяная –
Лепечет,
Ветром пьяная...

Над откосами
В ветре виснет:
Росами, росами
Ясно брызнет...

– "Сломи меня в корне..."

Трескочет –
Кружев узорней –
Трескочет –
В лес,
В лес,
В холод небес –
Бормочет
В сырости:

– "А то мне не вырости..."

Листиками лепечет
Пламенными;
Листики мечет
В провалы каменные:

– "Мне не вырости".

Молчит сиротинка
Да чинит
Свой лапоть.

И хочет
Его молодая осинка
Росою окапать.

3

Свой посох,
Листом перевитый, –
Сломи ты!

Твой посох –
В серебре,
Во серебряных росах…

Твой посох –
Врагов подорожных в пространство
Размечет –

От пьянства
Излечит.

4

И срезал осинку,
Да с ней и пошел
В путь-дороженьку –

– По полям, по кустам,
По крутым горам,
По лихим ветрам,
По звериным тропам
Ко святым местам –

Славит Господа-Боженьку:
– "Господи-Боженька –

Мой посох
Во слезах –
Во серебряных росах!"

– "Ныне, убоженький, –

С откосов
В пустыни
Воздвигаю свой посох!"

– "Ныне, Господи-Боженька, –

Посохом
Окропляю пространства:
Одеваю пространства
В золотые убранства.

– Излечи меня от пьянства!

В путь-дороженьку
Уносите меня, ноженьки, –
– По полям, по кустам
Ко святым местам".

5

Привели сиротинку
Кривые ноги
Под склон пологий.

Привели сиротинку
Сухие ветви
В места лихие…

– "Замолю здесь грехи я!.."

Зашел в кабачишко
За табачишком:

"Мне бы, братцы, бутыль
С огневицею –
Прелюбезной сестрицею…"

Картуз на затылок
Надвинул:
Сидел средь бутылок:

– "Вы, бутылочки –
Милочки!"

6

– "Ты скажи мне, былиночка,
Как величают места сии?"

Отвечала былиночка:

– "Места сии –
Места лихие,
Песчаные:
Здесь шатаются пьяные –

Места лихие
Зеленого Змия..."

– "Замолю здесь грехи я!"

7

Над вышкой песчаной
Клонил нос багряный...
Кивала кручина
Полынной метлой:

– "Ты – мой, сиротина:
– Ты – мой!"

Рванулась,
Метнулась,
Помчалась в поля:

Кру́жится,
Пляшет
Вокруг
Бобыля –

(– "Бобыль –
Пьяница:
У бобыля –
Нос румянится...") –

Пляшет –

– Руками своими
Сухими,
Колючими –

Машет...

На смех тучам –
Пляшет
По кручам!

Гой еси, широкие поля!
Гой еси, всея Руси поля!

Не поминайте лихом
Бобыля!

Дедово

ГОРЕ

Солнце тонет.
Ветер: – стонет,
Веет, гонит
Мглу.

У околицы,
Пробираясь к селу,
Паренек вздыхает, молится
На мглу.

Паренек уходит во скитаньице;
Белы-руки сложит на груди:

"Мое горе, –
Горе-гореваньице:
Ты за мною,
Горе,
Не ходи!"

Красное садится, злое око.
Горе гложет
Грудь,
И путь –
Далекий.

Белы-руки сложит
На груди:
И не может
Никуда идти:

"Ты за мною,
Горе,
Не ходи".

Солнце тонет.
Ветер стонет,
Ветер мглу
Гонит.

За избеночкой избеночка.
Парень бродит
По селу.
Речь заводит
Криворотый мужичоночка:

"К нам –
В хаты наши!
Дам –
Щей да каши..."

– "Оставь:
Я в Воронеж".
– "Не ходи:
В реке утонешь".

– "Оставь:
Я в Киев".
– "Заходи –
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою".

– "Оставь:
Я в столицу".

– "Придешь в столицу:
Попадешь на виселицу..."

Цифрами оскалились версты полосатые.
Жалят ноги путника камни гребенчатые.
Ходят тучи по небу, старые-косматые.
Порют тело белое палки суковатые.

Дорога далека: –
Бежит века.

За ним горе
Гонится топотом.

"Пропади ты, горе,
Пропадом".

Бежит на воле:
Холмы, избенки,
Кустарник тонкий,
Да поле.

Распылалось в небе зарево.

Как из сырости
Да из марева
Горю горькому не вырасти!

Москва

БЕГСТВО

Ноет грудь в тоске неясной.
Путь далек, далек.
Я приду с зарею красной
В тихий уголок.

Девкам в платьицах узорных
Песнь сыграю я.
Вот на соснах – соснах черных –
Пляшет тень моя.

Как ты бьешься, как ты стонешь –
Вижу, слышу я.
Скоро, друг сердечный, сгонишь
Стаю воронья.

Веют ветры. Никнут травки.
Петухи кричат.
Через лес, через канавки –
Прямо на закат.

Ей, быстрей! И в душном дыме
Вижу – городок.
Переулками кривыми
Прямо в кабачок.

Москва

КАТОРЖНИК

1

Бежал. Распростился с конвоем.
В лесу обагрилась земля.
Он крался над вечным покоем,
Жестокую месть утоля.

Он крался, безжизненный посох
Сжимая холодной рукой.
Он стал на приволжских откосах –
Поник над родною рекой.

На камень упал бел-горючий.
Закутался в серый халат.
Глядел на косматые тучи.
Глядел на багровый закат.

В пространствах, где вспыхивал пламень,
Повис сиротливый дымок.
Он гладил и землю, и камень,
И ржавые обручи ног.

2

Навек распростился с Сибирью:
Прости ты, родимый острог,
Где годы над водною ширью
В железных цепях изнемог.

Где годы на каменном, голом
Полу он валяться привык:
Внизу – за слепым частоколом –
Качался, поблескивал штык;

Где годы встречал он со страхом
Едва прозябающий день,
И годы тяжелым размахом
Он молот кидал на кремень;

Где годы так странно зияла
Улыбка мертвеющих уст,
А буря плескала – кидала
Дрожащий, безлиственный куст;

Бросали бренчавшие бревна,
Ругаясь, они на баржи,
И берегом – берегом ровно
Влекли их, упав на гужи;

Где жизнь он кидал, проклиная,
Лихой, клокотавшей пурге,
И едко там стужа стальная
Сжигала ветрами в тайге,

Где дó крови в холоде мглистом
Под жалобой плачущий клич,
Из воздуха падая свистом,
Кусал его бешеный бич.

3

Порывисто знаменьем крестным
Широкий свой лоб осенил.
Промчался по кручам отвесным.
Свинцовые воды вспенил.

А к телу струя ледяная
Прижалась колючим стеклом.
Лишь глыба над ним земляная
Осыпалась желтым песком.

Огни показались. И долго
Горели с далеких плотов;
Сурово их темная Волга
Дробила на гребнях валов.

Теперь над волной молчаливо
Качался он желтым лицом.
Плаксивые чайки лениво
Его задевали крылом.

Серебряный-Колодезь

ХУЛИГАНСКАЯ ПЕСЕНКА

Жили-были я да он:
Подружились с похорон.

Приходил ко мне скелет
Много зим и много лет.

Костью крепок, сердцем прост –
Обходили мы погост.

Поминал со смехом он
День веселых похорон: –

Как несли за гробом гроб,
Как ходил за гробом поп:

Задымил кадилом нос.
Толстый кучер гроб повез.

"Со святыми упокой!"
Придавили нас доской.

Жили-были я да он.
Тили-тили-тили-дон!

Серебряный-Колодезь

ОТПЕВАНИЕ

Лежу в цветах онемелых,
Пунцовых, –
В гиацинтах розовых и лиловых,
И белых.

Без слов
Вознес мой друг –

Меж искристых блесток
Парчи –

Малиновый пук
Цветов –

В жестокий блеск
Свечи.

Приходите, гостьи и гости, –
Прошепчите "О Боже",
Оставляя в прихожей

Зонты и трости:

Вот – мои кости…

Чтоб услышать мне смех истерический, –
Возложите венок металлический!

Отпевание, рыдания
В сквозных, в янтарных лучах:

До свидания –
В местах,
Где нет ни болезни, ни воздыхания!

Дьякон крякнул,
Кадилом звякнул:

"Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего…"

Вокруг –
Невеста, любовница, друг
И цветов малиновый пук,

А со мной – никого,
Ничего.

Сквозь горсти цветов онемелых,
Пунцовых –
Савана лопасти –
Из гиацинтов лиловых
И белых –
Плещут в загробные пропасти.

Серебряный-Колодезь

У ГРОБА

Со мной она –
Она одна.

В окнах весна.
Свод неба синь.
Облака летят.

А в церквах звонят:
"Дилинь динь-динь..."

В черном лежу сюртуке,
С желтым –
С желтым
Лицом;
Образок в костяной руке.

Дилинь бим-бом!

Нашел в гробу
Свою судьбу.

Сверкнула лампадка.
Тонуть в неземных
Далях –
Мне сладко.

Невеста моя зарыдала,
Крестя мне бледный лоб.
В креповых, сквозных
Вуалях
Головка ее упала –
В гроб...

Ко мне прильнула:
Я обжег ее льдом.
Кольцо блеснуло
На пальце моем.

Дилинь бим-бом!

Серебряный-Колодезь

ВЫНОС

Венки снимут. –
Гроб поднимут –

Знаю,
Не спросят.

Над головами
Проплываю
За венками –

Выносят –

В дымных столбах,
В желтых свечах,
В красных цветах –

Ах!..

Там колкой
Елкой, –
Там можжевельником
Бросят
На радость прохожим бездельникам –

Из дому
Выносят.

Прижался
Ко лбу костяному
Венчик.

Его испугался
Прохожий младенчик.

Плыву мимо толп,
Мимо дворни
Лицом –
В телеграфный столб,
В холод горний.

Толпа отступает.
Служитель бюро
Там с иконой шагает,

И плывет серебро
Катафалка.

Поют,
Но не внемлю.

И жалко,

И жалко,
И жалко
Мне землю.

Поют, поют:
В последний
Приют
Снесут
С обедни –

Меня несут
На страшный суд.

Кто-то там шепчет невнятно:
"Твердь – необъятна".

Прильнула и шепчет невнятно
Мне бледная, бледная смерть.

Мне приятно.

На желтом лице моем выпали
Пятна.

Цветами –
Засыпали.
Устами –
Прославили.
Свечами –
Уставили.

Серебряный-Колодезь

СВИДАНИЕ

Тужила о милом.

Левкою
Весною
Носила к могилам.

Над вечным покоем
Стояла
С левкоем.

Упала
Она на граниты.

Бериллы и жемчуг,
И слезы
Зажгли ей ланиты.

И душные розы,
И душные розы –

Пурпурные –

Могилы
Кропили.

Вставали,
Бродили, –

Она
И с ней – милый.

Они проходили
В эфиры лазурные.

Серебряный-Колодезь

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Опять над нею залучился
Сияньем свадебный венец.
За нею в дрогах я тащился,
Неуспокоенный мертвец.

Сияла грешным метеором
Ее святая красота.
Из впадин ей зияла взором
Моя немая пустота.

Ее венчальные вуали
Проколебались мне в ответ.
Ее глаза запеленали
Воспоминанья прежних лет.

На череп шляпу я надвинул.
На костяные плечи – плед.
Жених бледнел и брови сдвинул,
Как в дом за ними шел я вслед.

И понял он, что обвенчалась
Она не с ним, а с мертвецом.
И молча ярость занималась
Над бледно бешеным лицом.

Над ней склоняюсь с прежней лаской;
И ей опять видны, слышны:
Кровавый саван, полумаска,
Роптанья страстные струны,

Когда из шелестящих складок
Над ней клонюсь я, прежний друг.
И ей невыразимо гадок
С ней почивающий супруг.

Серебряный-Колодезь

АРЛЕКИНАДА

Мы шли его похоронить
Ватагою беспутно сонной.
И в бубен похоронный бить
Какой-то танец похоронный

Вдруг начали. Мы в колпаках
За гробом огненным вопили
И фимиам в сквозных лучах
Кадильницами воскурили.

Мы колыхали красный гроб;
Мы траурные гнали дроги,
Надвинув колпаки на лоб...
Какой-то арлекин убогий –

Седой, полуслепой старик, –
Язвительным, немым вопросом
Морщинистый воскинул лик
С наклеенным картонным носом,

Горбатился в сухой пыли.
Там, в одеянии убогом
Надменно выступал вдали
С трескучим, с вытянутым рогом –

Герольд, предвозвещавший смерть;
Там лентою вилась дорога;
Рыдало и гремело в твердь
Отверстие глухого рога.

Мюнхен

ВОССТАНИЕ

Качнулся гроб; и – встал мертвец,
В туман протягивая длани;
Цветов пылающий венец
Надевши, отошел в тумане: –

Показывался здесь и там;
Заглядывал, стучался – в окна;
Заглядывал, врывался – в храм
Сквозь ладанные шел волокна.

Предвозвещая рогом смерть,
О мщении молил он Бога:
Гремело и рыдало в твердь
Отверстие глухого рога.

"Вы думали, что умер я, –
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками.

Вы думали – я был шутом?..
Молю, да облак семиглавый
Тяжелый опрокинет гром
На род кощунственный, лукавый!"

Мюнхен

НА ПЛОЩАДИ

Он в черной маске, в легкой красной тоге.
И тога шелком плещущим взлетела.
Он возглашает: "Будете как боги".
Пришел. Стоит. Но площадь опустела.

А нежный ветер, ветер тиховейный,
К его ногам роняет лист каштана.
Свеваясь пылью в зеркало бассейна
Кипит, клокочет кружево фонтана.

Вознес лампаду он над мостовою,
Как золотой, как тяжковесный камень.
И тучей искр взлетел над головою
Ее палящий, бледный, чадный пламень.

Над головой дрожит венок из елки.
Лампаду бросил. Пламя в ней угасло.
О мостовую звякнули осколки.
И пролилось струей горящей масло.

За ним следят две женщины в тревоге
С перил чугунных, каменных балконов.
Шурша, упали складки красной тоги
На гриву черных, мраморных драконов.

Открыл лицо. Горит в закатной ласке

Оно пятном мертвеющим и мрачным.
В точеных пальцах крылья полумаски
Под ветром плещут кружевом прозрачным.

Холодными прощальными огнями
Растворены небес хрустальных склоны.
Из пастей золотыми хрусталями
В бассейн плюют застывшие драконы.

Мюнхен

ПРОХОЖДЕНИЕ

Я фонарь
Отдаю изнемогшему брату.

Улыбаюсь в закатный янтарь,
Собираю душистую мяту.

Золотым огоньком
Скорбный путь озаряю.

За убогим столом
С бедняком вечеряю.

Вы мечи
На меня обнажали.

Палачи,
Вы меня затерзали.

Кровь чернела, как смоль,
Запекаясь на язве.

Но старинная боль
Забывается разве?

Чадный блеск смоляной
Пробежал по карнизам.

Вы идете за мной,
Прикасаясь к разодранным ризам.

– "Исцели, исцели
Наши темные души..."

Ветер листья с земли
Взвеет шелестом в уши...

Край пустынен и нем.
Нерассветная твердь.

О, зачем
Не берет меня смерть!

Мюнхен

ПОХОРОНЫ

Толпы рабочих в волнах золотого заката.
Яркие стяги свиваются, плещутся, пляшут.

На фонарях, над железной решеткой,
С крыш над домами
Платками
Машут.

Смеркается.
Месяц серебряный, юный
Поднимается.

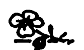
Темною лентой толпа извивается.
Скачут драгуны.

Вдоль оград, тротуаров, – вдоль скверов,
Над железной решеткой, –
Частый, короткий
Треск
Револьверов.

Свищут пули, кося...
Ясный блеск
Там по взвизгнувшим саблям взвился.

Глуше напев похорон.
Пули и плачут, и косят.
Новые тучи кровавых знамен –
Там, в отдаленье – проносят.

Москва



1907 ГОД
В ПОЛЯХ

ПОЛЕВОЙ ПРОРОК

Средь каменьев меня затерзали:
Затерзали пророка полей.
Я на кость – полевые скрижали –
Проливаю цветочный елей.

Облечен в лошадиную кожу,
Песью челюсть воздев на чело,
Ликованьем окрестность встревожу, –
Как прошло: всё прошло – отошло.

Разразитесь, призывные трубы,
Над раздольем осенних полей!
В хмурый сумрак оскалены зубы
Величавой короны моей.

Поле – дом мой. Песок – мое ложе.
Полог – дым росянистых полян.
Загорбатится с палкой прохожий –
Приседаю покорно в бурьян.

Ныне, странники, с вами я: скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь –
Я – просторов рыдающих сторож,
Исходивший великую Русь.

Париж

ПОКА...

Пока над мертвыми людьми
Один ты не уснул, дотоле
Цепями ржавыми греми
Из башни каменной о воле.

Да покрывается чело,
Твое чело, кровавым потом.
Глаза сквозь мутное стекло –
Глаза – воздетые к высотам.

Нальется в окна бирюза,
Воздушное нальется злато.
День – жемчуг матовый – слеза –
Течет с восхода до заката.

То серый сеется там дождь,
То – небо голубеет степью.
Но здесь ты, заключенный вождь,
Греми заржавленною цепью.

Пусть утро, вечер, день и ночь –
Сойдут – лучи в окно протянут:
Сойдут – глядят: несутся прочь.
Прильнут к окну – и в вечность канут.

Петровское

ПЕСЕНКА КОМАРИНСКАЯ

Шел калика, шел неведомой дороженькой: –
Тень ползучую бросал своею ноженькой.

Протянулись страны хмурые, мордовские –
Нападали силы-прелести бесовские.

Приключилось тут с каликою мудреное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.

Тень возгóворит калике гласом велием:
"Отпусти меня, калика, со веселием.

Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдусь себе повадочкою темною".

Да и втапоры калику опрокидывала;
Кафтанишко свой по воздуху раскидывала.

Кулаками-тумаками бьет лежачего –
Вырастает выше облака ходячего.

Над рассейскими широкими раздольями
Как пошла кидаться в люд хрестьянский
кольями.

Мужикам, дьякам, попам она поповичам
Из-под ног встает лихим Сморчом-
Сморчовичем.

А и речи ее дерзкие, бесовские:
"Заведу у вас порядки не таковские;

Буду водочкой опаивать-угащивать:
Свое брюхо на напастиях отращивать.

Мужичище-кулачище я почтеннейший:
Подпираюсь я дубиной здоровеннейшей".

Темным вихорем уносит подорожного
Со пути его прямого да не ложного,

Засигает он в кабак кривой дорожкою;
Загуторит, засвистит своей гармошкою:

"Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак.

Ай люли-люли люли-люли-люли:
Кабаки-то по всея Руси пошли!.."

А и жизнь случилась вта́поры дурацкая:
Только ругань непристойная, кабацкая.

Кабаки огнем моргают ночкой долгою
Над Сибирью, да над Доном, да над Волгою.

То и свет, родимый, видеть нам прохожего –
Видеть старого калику перехожего.

Всё-то он гуторит, всё-то сказы сказывает,
Всё-то посохом, сердешный, вдаль указывает:

На житье-бытье-де горькое да о́ховое
Нападало тенью чучело гороховое.

Петровское

УТРО

Рой отблесков... Утро...
Опять я свободен и волен.
Открой занавески:
В алмазах, в огне, в янтаре –
Кресты колоколен.
Я болен?... О нет – я не болен.
Воздетые руки –
Горе, на одре, в серебре...

Там – в пурпуре зори...
Там – бури... И – в пурпуре бури.
Внемлите, ловите:
Воскрес я – глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает
Туда – в золотые лазури...
Поймали, свалили:
На лоб положили компресс.

Москва

ДРУЗЬЯМ

Н.И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой, и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О любите меня, полюбите –
Я, быть может, не умер, быть может, проснусь –

Вернусь...

Париж

В ПОЛЯХ

Я забыл. Я бежал. Я на воле.
Бледным ливнем туманится даль.
Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.

Не страшна ни печаль, ни тоска мне:
Как терзали – я падал в крови;
Многодробные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

Восхожу в непогоде недоброй
Я лицом, просиявшим, как день.
Пусть дробят приовражные ребра
Мою черную, легкую тень!

Пусть в колючих, бичующих прутьях
Изодрались одежды мои.
Почивают на жалких лоскутьях
Поцелуи холодной зари.

Над простором плету, неподвижен,
Из колючей крапивы венок.
От далеких поникнувших хижин
Подымается тусклый дымок.

Ветер, плачущий брат мой, – здесь тихо
Ты пролей на меня свою сонь.
Исступленно сухая гречиха
Мечет под ноги яркий огонь.

Париж

ГОРОД

Клонится колос родимый.
Боже, – внемли и подъемли –
С пажитей, с пашни –
Клубы воздушного дыма, –
Дымные золота земли.

Дома покой опостылил.
Дом покидаю я отчий...
О́блаков башни –
В выси высокие вылил,
Вылил из золота Зодчий.

Юность моя золотая!
Годы, разбитые втуне!
К ниве озимой
Ласково льнут, пролетая,
Легкие, легкие луни.

Голову в высь опрокинул...
Светочем, Боже, исполни!
Светоч родимый
В просветы светлые хлынул
Хладными хлябями молний.

Буду я градом исколот.
Вихрь ледяной не осилит:
В неба лазурного холод
Город из золота вылит.

Серебряный-Колодезь

ПУСТЫНЯ

Укройся
В пустыне:
Ни зноя,
Ни стужи зимней
Не бойся
Отныне.

О, ток холодный,
Скажи,
Скажи мне, –
Куда уносишь?

О брег межи
Пучок
Бесплодный
Колосьев бросишь.

Туда ль, в безмерный
Покой пустынь?
Душа, от скверны, –
Душа – остынь!

И смерти зерна
Покорно
Из сердца вынь.

– А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит...

Эфир; в эфир –
Эфирная дорога.
И вот –
Зари порфирная стезя
Сечет
Сафир сафирного
Чертога.

В пустыне –
Мгла. И ныне
Славит Бога
Душа моя!

Остынь –
Страстей рабыня, –
Остынь,
Душа моя!

Струи эфир,
Эфирная пустыня!
Влеки меня,
Сафирная стезя!

– А ток холодный
Ковыль уносит.
У ног бесплодный
Пучок
Колосьев бросит... –

Серебряный-Колодезь

ПРИХОДИ

Издалека
Прошушукаю милой
Легким лепетом,
Руки складывая
На груди:

"Приходи!"

Над могилой
Трепетом
Колыхается красное око.

Из сирени
В тени
Падаю,
Руки складывая
На груди.

К милой
Лепетом
Прилечу издалека.

Над могилой
Трепетом
Колыхается страстное око.

Серебряный-Колодезь

МАТЕРИ

Я вышел из бедной могилы.
Никто меня не встречал –
Никто: только кустик хилый
Облетевшей веткой кивал.

Я сел на могильный камень...
Куда мне теперь идти?
Куда свой потухший пламень –
Потухший пламень... – нести.

Собрала их ко мне – могила.
Забыли все с того дня.
И та, что – быть может – любила,
Не узнает теперь меня.

Испугаю их темью впадин;
Постучусь – они дверь замкнут.
А здесь – от дождя и градин
Не укроет истлевший лоскут.

Нет. – Спрячусь под душные плиты...
Могила, родная мать,
Ты одна венком разбитым
Не устанешь над сыном рыдать.

Париж

ЦАРЬ

Я в струе воздушного тока,
Восстаю на мертвом одре.
И качается красное око
На упавшем, железном кресте.

Мне подножие – мраморный камень,
Но я, весь, омыт бирюзой.
На ланитах заискрился пламень
Самоцветной, как день, слезой.

Скоро, скоро – сквозным я духом
Неотвратно приду за ней,
Облеченный бледным воздýхом,
Как вуалью всё тех же дней.

Я к ней – воздушный скиталец –
Прижму снеговое лицо.
Наденет она на палец
Мое золотое кольцо.

Знаю всё: в сквозные вуали
И в закатный красный янтарь,
И в туманы, и в синие дали
Облечемся – царица, царь.

Был задушен могилой сырою.
Надо мною качался крест.
А теперь от людей укрою
Ее в колыбели из звезд.

Москва

ОБРУЧЕНИЕ

Солнца эфирная кровь,
Росный, серебряный слиток,
Нежность, восторг и любовь:
Вот он – пьянящий напиток.

Струи, жемчужные струи:
Знай: это – я, это – я,
Это – мои поцелуи.
Я зачарую тебя.

Если с улыбкой пройдешь
Лугом, межой, перелеском –
Я в закипевшую рожь
Брызну рассыпчатым блеском.

Венчиком розовых губок
Душу испей, чуть дыша:
Знай: молодая душа –
Неба взметенного кубок.

Слаще, звончей и чудесней –
Там – меж струистых зыбей –
Райские, райские песни...
Кубок лазурный испей.

Если ты бросишь кольцо, –
Душу грозою наполню:
Ярые тучи в лицо
Бросят янтарную молнью.

Петровское

В ЛОДКЕ

Лишь прохладой дохнул водяною,
Порастаяли черные мысли.
И цветов росяных надо мною
Белоснежные кисти повисли.

Затомлен поцелуем воздушным.
И поклоны зеленого стебля
Я веслом отклоняю послушным,
Легкоструйные ткани колебля.

Что со мною? Восторг ли, испуг ли
В пенном кружеве струйном уносит?
Золотые, закатные угли
Уходящее солнце разбросит.

Прокипев, хрустали золотые
Разбежались от пляшущих весел.
И смеясь, росяные цветы я
В бирюзовое зеркало бросил.

День сгорел – отошел: он не нужен...
И забила по ясности зыбкой
Пузырьками воздушных жемчужин
Легкоплавная, юркая рыбка.

Париж

* * *

Листочками
Шепчутся ветки осиновые.

Глазочками
Поморгают лампадки малиновые.

Милые
Приходят с веночками,
С белыми, сладостными
Цветами.

Из могилы я
Моими слезами радостными
Орошаю цветы.

Кругом –
Кресты
Каменные.

Кругом –
Цветы
Да фонарики пламенные.

Серебряный-Колодезь

ДЕМОН

Ты шепчешь вновь: "Зачем, зачем он
Тревожит память бледных дней".
В порфире бледной – бледный демон –
Я набегаю из теней.

Ты видишь – мантия ночная
Пространством ниспадает с плеч,
Рука моя – рука сквозная –
Приподняла кометный меч.

Не укрывай смущенных взоров.
Смотри – необозримый мир, –
Дожди летящих метеоров,
Перерезающих эфир.

Москва

ТРИСТИИ

ЗИМА

М.А.Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженней дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом вглубь аллей;
Ломает хрупкие подвески
Ледя́ных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, –

Пусть грудой золотых каменьев
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, –
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блещущих стрекоз.

Петровское

ССОРА

1

Год минул встрече роковой,
Как мы, любовь лелея, млели,
Внимая вьюге снеговой,
Как в рыхлом пепле угли рдели.

Над углями склонясь, горишь
Ты жарким, ярким, дымным пылом;
Ты не глядишь, не говоришь
В оцепенении унылом.

Взгляни – чуть теплится огонь;
В полях пурга пылит и плачет;
Над крышею пурговый конь,
Железом громыхая, скачет.

Устами жгла давно ли ты
До боли мне уста, давно ли,
Вся опрокинувшись в цветы
Желтофиолей, роз, магнолий.

И отошла... И смотрит зло
В тенях за пламенной чертою.
Омыто бледное чело
Волной волос, волной златою.

Померк воздушный цвет ланит.
Сомкнулись царственные веки.
И всё твердит, и всё твердит
"Прошла любовь" мне голос некий.

В душе не воскресила ты
Воспоминанья бурь уснувших...
Но ежели забыла ты
Знаменованья дней минувших, –

И ежели тебя со мной
Любовь не связывает боле, –
Уйду, сокрытый мглой ночной,
В ночное, в ледяное поле:

Пусть ризы снежные в ночи
Вскипят, взлетят, как брошусь в ночь я,
И ветра черные мечи
Прохладным свистом взрежут клочья.

Сложу в могиле снеговой
Любви неразделенной муки...
Вскочила ты, над головой
Свои заламывая руки.

2

Над крышею пурговый конь
Пронесся в ночь... А из камина
Стреляет шелковый огонь
Струею жалящей рубина.

"Очнись: ты спал, и я спала..."
Не верю ей, сомненьем мучим.

Но подошла, но обожгла
Лобзаньем пламенно текучим.

"Люблю, не уходи же – верь!.."
А два крыла в углу тенистом
Из углей красный, ярый зверь
Развеял в свете шелковистом.

А в окна снежная волна
Атласом вьется над деревней:
И гробовая глубина
Навек разъята скорбью древней...

Сорвав дневной покров, она
Бессонницей ночной повисла –
Без слов, без времени, без дна,
Без примиряющего смысла.

1907–1908. Москва

В ПОЛЕ

Чернеют в далях снеговых
Верхушки многолетних елей
Из клокотаний буревых
Сквозных, взлетающих метелей.

Вздыхающих стенаний глас,
Стенающих рыданий мука:
Как в грозный полуночи час
Припоминается разлука!

Непоправимое мое
Припоминается былое...
Припоминается ее
Лицо холодное и злое.

Пусть вечером теперь она
К морозному окну подходит
И видит: мертвая луна...
И волки, голодая, бродят

В серебряных, сквозных полях;
И синие ложатся тени
В заиндевевших тополях;
И желтые огни селений,

Как очи строгие, глядят,
Как дозирающие очи;
И космы бледные летят
В пространства неоглядной ночи.

И ставни закрывать велит...
Как пробудившаяся совесть,
Ей полуночный ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Прости же, тихий уголок,
Тебя я покидаю ныне...
О, ледени, морозный ток,
В морозом скованной пустыне!..

Париж

СОВЕСТЬ

Я шел один своим путем;
В метель застыл я льдяным комом...
И вот в сугробе ледяном
Они нашли меня под домом.

Им отдал всё, что я принес:
Души расколотой сомненья,
Кристаллы дум, алмазы слез,
И жар любви, и песнопенья,

И утро жизненного дня.
Но стал помехой их досугу.
Они так ласково меня
Из дома выгнали на вьюгу.

Непоправимое мое
Воспоминается былое...
Воспоминается ее
Лицо холодное и злое...

Прости же, тихий уголок,
Где жег я дни в бесцельном гимне!
Над полем стелется дымок.
Синеет в далях сумрак зимний.

Мою печаль, и пыл, и бред
Сложу в пути осиротелом:
И одинокий, робкий след,
Прочерченный на снеге белом, –

Метель со смехом распылит.
Пусть так: немо́тствует их совесть,
Хоть снежным криком ветр твердит
Моей глухой судьбины повесть.

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне
Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне...

Всё точно плачет и зовет
Слепые души кто-то давний:
И бледной стужей просечет
Окно под пляшущею ставней.

Париж

"ДА НЕ В СУД ИЛИ ВО ОСУЖДЕНИЕ..."

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

Но всходит ветр в воздушной вышине.
Я знаю всё. Я промолчу. Я верю.

Душа: в душе – в душе весной весна...
Весной весна, – и чем весну измерю?

Чем отзовусь, когда придет она?
Я промолчу – не отзовусь... Не верю.

Не оскорбляй моих последних лет.
Прейдя, в веках обиду я измерю.

Я промолчу. Я не скажу – нет, нет.
Суров мой суд. Как мне сказать: "Не верю"?

Текут века в воздушной вышине.
Весы твоих судеб вознес, – и верю.

Как пережить и как оплакать мне
Бесценных дней бесценную потерю?

Москва

СТЕЗЯ

Там ветр дохнет: в полях поет –
Туда зовет.

Там – твердь. Как меч, там твердь – как меч –
Звезда сечет.

Там нет – там ночи нет. Но дня
Там нет. И жаль.

Моя стезя, о, ночь, меня
Ведет туда ль?

Да, верю я: иной стези
(Да, верю я) –

Не встретишь ты: пройди, срази,
Срази меня!

Мне жить? Мне быть? Но быть – зачем?
Рази же, смерть, –

В тот час, как серп – медяный шлем –
Разрежет твердь.

Петербург

ГРАНИТ

Там – даль и мгла... Ушла она –
Туда ушла – не возвратилась.
Но, как опал, луна – луна
Над пенным морем покатилась.

У ног – кипит... Отпрянет прочь...
Пучина чешуей одета, –
И пляшут, плавно пляшут в ночь
Разорванные кольца света.

То – световые письмена
Еще не сказанных сказаний
Несутся в ночь. А ночь – без дна.
Там блеск слепящих начертаний

Залижет тень. А мы всё ждем,
Что в свете весть того, что будет...
Мы долго ждем. Вздохнем – пойдем...
И не поймем. И не забудем.

Забудь, душа моя, но – будь!
И пре́зри, пре́зри мир явлений,
Хотя в слезах клокочет грудь,
Как громный вал в кипящей пене.

Пусть сердце тайну сохранит,
Но сердцем тайны не обрящем.
Века купается гранит
В кольце лучей – кольце слепящем.

Кронштадт

НОЧЬ

Изгложет, гложет ствол тяжелый ветер
Жадный;
Провьется веяньем, листвой прошелестит:
"Забудь –
Ее забудь!.."

Глуши, глухая ночь! Глотая темень
Хладный,
Безропотная грудь безропотно молчит –
Забудь –
Ее забудь.

О, если б мглистый лес вскипел моей
Печалью!
О, если б мглистый лес вскипел моей
Мольбой, –
Тогда – ...
(Да, знаю я...).

Молчу: немой молчу. Немой стою
Над далью.
Да: я склонюсь, упьюсь тобой, одной
Тобой –
Тогда...
Да, знаю я...

Там – смерть, там – ночь: ты – там, за гранью
Роковою.
Я смерть тобой, я жизнь благословлю
Тобой –
Засни:
Засни и ты...

О, если б –
Мглистый лес вскипел своей
Листвою,

О, если б –
Мглистый лес вскипел своей
Мольбой:

"Засни, –
Засни и ты! –
И ты!.."

Слепи,
Слепая смерть!
Глуши,
Глухая ночь!..

Петербург

РАЗУВЕРЕНЬЕ

Муни

Как нам уйти от терпких этих болей?
Куда нести покой разуверенья?
Душе еще моей – доколь, доколе
Холодных дум холодные волненья?

Душа горит и плачет невозбранно;
Земля – мертва: пройдут и не ответят.
Но – там, смотри: там, где заря, – туманно.
Там, где заря, – иные земли светят...

Тому не верь, чем яснятся те земли.
Ни щедрости, ни пышной благостыне.
Ты здесь пребудь до века: здесь отныне.
Ты покорись, душа: ты долгий мрак приемли.

Да будет он! И в ночь склонись послушно
У тихого бассейна. Час настанет: –
И водомет своей струей воздушно,
Струей своей, как некий призрак, встанет.

Бесследна жизнь. Несбыточны волненья.
Ты – искони в краю чужом, далеком...
Безвременную боль разуверенья
Безвременье замоет слезным током.

Москва

КОГДА...

Голос ветра

"Когда сквозных огней
Росы листок зеленый
На мой томящий одр
Нальет и отгорит, –

Когда дневных лучей
Слепящий ток, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипит, –

Когда, багров и чист,
Меня восток приметит,
Когда нальет поток
Своих сквозных огней: –

Твоя душа, твоя,
Мою призывно встретит
(Последних дней моих,
Твоих весенних дней...).

Ну что ж? Тревожишься?
Тревожиться не надо:
Отрада вешняя кругом –
Смотри: зари

Отрада вешняя
Нисходит к нам, отрада.
Теперь склонись, люби,
Лобзай – скажи: "Умри..."

Лобзай меня! Вотще:
И гаснет лик зажженный,
Уже склоненный в сень
Летейской пустоты...

Прости, мой бедный друг!
Прости, мой друг влюбленный!
Тебе я отдал жизнь...
Нет, не любила ты..."

(*Голос ветра замирает*)

Тогда сквозных огней
Поток дневной, червленый,
Клоня кленовый лист,
По купам прокипел –

Вотще! И, как слезой,
Росой листок зеленый
Так скромно их кропил...
И скорбно отгорел.

Петербург

НОЧЬ

Сергею Соловьеву

Как минул вешний пыл, так минул страстный зной,
Вотще покоя ждал: покой еще не найден.
Из дома загремел гульливою волной,
Волной разымчивой летящий к высям Гайден.

Презрительной судьбой обидно уязвлен,
Надменно затаись. На тусклой, никлой,
блеклой
Траве гуляет ветр; протяжным вздохом он
Ударит в бледных хат мрачнеющие стекла.

Какая тишина! Как просто всё вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как все, прейдешь и ты, мой друг, мой бедный
друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Пролейся, лейся, дождь! Мятись, суровый бор!
Древес прельстительных прельстительно
вздыханье.
И больше говорит и ночи скромный взор,
И ветра дальний глас, и тихое страданье.

Петровское

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Ты светел в буре мировой,
Пока печаль тебя не жалит.
Она десницей роковой
В темь изначальную провалит.

Веселье хмельное пьяно.
Всё мнится, что восторг пронижет.
Гортань прохладное вино
Огнистою струею лижет.

Испил: – и брызнувший угар
Похмельем пенистым пылится.
И кубок ядовитых чар,
Опорожненный, чуть дымится.

Нет, он меня не обожжет:
Я возлюбил души пустыню.
Извечная, она лиет
Свою святую благостыню.

Извечная, она, как мать,
В темнотах бархатных восстанет.
Слезами звездными рыдать
Над бедным сыном не устанет.

Ты взору матери ответь:
Взгляни в ее пустые очи.
И вечно будешь ты глядеть
В мглу разливающейся ночи.

Вот бездна явлена тоской,
Вот в изначальном мир раздвинут...
Над бездной этой я рукой
Нечеловеческой закинут.

Ее ничем не превозмочь...
И пробегают дни за днями;
За ночью в очи плещет ночь
Своими смертными тенями.

Вздохнешь, уснешь – и пепел ты,
Рассеянный в пространствах ночи...
Из подневольной суеты
Взгляни в мои пустые очи, –

И будешь вечно ты глядеть,
Ты, – бледный, пленный, бренный житель, –
За гранями летящих дней
В теней прохладную обитель...

Париж

ВРЕМЯ

Еще прохладу струй студеных
Не иссушил жестокий круг...
Здесь, в переливах я зеленых –
Твоих, необозримый луг.

Ветров раскатистые гулы.
Всё где-то это видел взор.
Всё тот же топчет дед сутулый
Рассыпчатый цветов ковер.

Проходит дед стопою лютой.
Пройди – но цвет полей не тронь...
Идет: на плуг ложится круто
Шершавая его ладонь.

Необозримых пашней пахарь –
Над зацветающей весной...
Круговоротов грозных знахарь,
Яви же жирный перегной.

Для прозябанья мыслям-зернам!
Воскинь секущим острием
Над луговым, корнистым дерном
Хаоса мрачный чернозем!

Косматые склонил седины.
Прости же, непопранный луг!
Взрезает мягко дерновины
Лениво лязгающий плуг.

Онучею истопчет хворост
И гребни острые кремней.
Над бархатами свежих борозд
Да всходит свежесть зеленей.

Так лет мимотекущих бремя
Несем безропотнее мы,
Когда железным зубом время
Нам взрежет бархат вечной тьмы.

Ты скажешь – день; и день обманет.
Он – вот: но голову закинь –
Гляди: и в хмурый сумрак канет
Его сапфировая синь.

Петровское

ЛЕТА

Я целовал ее.
Я ей сказал:
"Придешь?"
– "Да, да –
Приду..."

И нет ее,
И гаснет свет,
И ночь
Не превозмочь...
– "Придешь?"
– "Нет, нет..." –

Я целовал
Ее,
Я ей шептал:
– "Вернись
Опять, – склонись!"
– "Да, да..."

Замкнулся круг:
От тяжких,
Тяжких
Дней
И тяжких,
Тяжких
Мук
Устал я,
Друг, –
Устал.
–"Приди для новых мук..."

Но холод вешних
Струй,

Нездешних
Струй –
Летейских струй, –
Но холод струй
Не возвратит
Дней прошлых, не вернет
Ей.
А без нее молчит душа, уснет...
Она клонилась в сон,
Она –
Шептала мне,
Она –
Явилась мне,
Но счастья не вернула:
– "Нет,
Счастья не отдам я –
Нет..."
И вот сказала мне...
Дыханьем вечера
В мою дохнула грудь:
– "Тебе идти..." –
– "Куда идти,
Куда?..
Там –
Плещется вода...
Туда?"
– "Да, да!"
– "Прости!.."

Петровское

КАК И ВСЕГДА...

Сергею Соловьеву

Там – даль, чета берез,
Там пруд:
И плещет в пруд крылом
Там рыболов; –

Там возникал, там рос
(Неведомый
О чем)
Тоскливый зов.

Я ждал покорен, нем;
А зов
С годами рос...
Я так любил, –

Я отдал жизнь – зачем?
Тебе
Я всё принес;
Я всё простил.

Ты отошла...
Не нужен я?
Зачем, скажи –
Зачем звала?

И я молчу...
Не нужен я?..
И вот с межи
Плеснула мгла.

Мой не услышан суд...
Над жизнью,
Уходя,
Скажу: "Аминь".

И та же даль... И пруд...
Гляжу,
Как в детстве я
Гляделся в синь.

За годом год течет...
И плещет
Пруд: "Скорей
Ее забудь..."

Склонясь, береза льет
Волну
Своих кудрей
К нему на грудь.

Один с моей тоской...
Пусть
Внемлю ей – о, пусть! –
Моей душой

Какой там зов, – какой?..
О чем?...
Какая грусть!..
Как хорошо!..

Петровское

* * *

Ушла. И вновь мне шлет: "Прости..."
Но я сказал: "Прости навеки..."
Святи, златая твердь, святи
Слезой окропленные веки.

Укор, восстанье, смерть, – увы –
Неотомщенных болей нужды –
Они больному не новы,
Разубежденному не чужды.

Зачем мне жить, на что мне кров?
Огонь, огонь из сердца вынут:
Так кучи летних облаков
Расплавленные, бледно стынут.

Дедово

ПРОШЛОМУ

Сентябрьский, свеженький денек,

И я, как прежде, одинок.
Иду – бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.

В ее сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль, –
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце – блещущий фазан –
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак–змеев.

Душа полна: она ясна.
Ты – и утишен, и возвышен.
Предвестьем дышит тишина.
Всё будто старый оклик слышен, –

Разгульный окрик зимних бурь,
И сердцу мнится, что – навеки.
Над жнивою тогда лазурь
Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец древеса,
Вскипая, в сумрак бледный кинут.

Кусты, взлетая мне на грудь,
Волною листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю.
Благословлю, за что – не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, темный вечерок.
Не одинок, и – одинок.

Париж

* * *

Гляжу: – свиваясь вдоль дороги,
Косматый прах тенит народ,
А в небе бледный и двурогий,
Едва замытый синью лед –

Серпом и хрупким, и родимым
Глядится в даль иных краев,
Окуреваем хладным дымом
Чуть продышавших жемчугов.

Пусть Люцифера лик восходит,
Как месяца зеркальный лик!
Пусть невозбранно разум бродит
Над грудою поблёклых книг!

Любви не надо мне, не надо:
Любовь над жизнью вознесу...
В окне отрадная прохлада
Струит перловую росу.

Москва

НОЧЬ

О, ночь, молю, –
Да бледный серп заблещет...
Скорей сойди, скорей!

На грудь мою
Прохладой хладно плещет, –
На грудь мою Борей.

Окован я
Железной цепью рока
Минут, часов, недель.

Душа моя,
Хлебни хмельного тока, –
Пьяни, осенний хмель!

Дыши, дыши
Восторгом суеверий,
Воздушных струй и пьянств.

Души, души
Заоблачные двери
В простор иных пространств.

Березы, вы –
Безропотные дщери
Безропотных пространств:

Да щедро вам
Метнет сверканий зерна
Обломок янтаря, –

Да щедро вам
Метнет златые зерна
Златистая заря, –

Вершиной там,
Вершиной в ночи черной
Вскипайте, как моря...

Кругом, кругом
Зрю отблеск золотистый
Закатных янтарей,

А над ручьем
Полет в туман волнистый
Не́мых нетопырей...

Небытием
Пади, о полог мглистый, –
Сойди, о ночь, – скорей!

Москва

ВОЛЬНЫЙ ТОК

Душа, яви безмерней, краше
Нам опрозрачненную твердь!
Тони же в бирюзовой чаше,
Оскудевающая смерть!

Как все, вплетался подневольный
Я в безысходный хоровод.
Душил гробницею юдольный,
Страстей упавший небосвод.

А ныне – воздухами пьяный,
Взмываюсь вольною мечтой,
Где бьет с разбегу ток лиственый
О брег лазурный и пустой.

И там, где, громами растущий,
Яснеет облачный приют, –
Широколиственные кущи
Невнятной сладостью текут.

Туда земную скоротечность,
Как дольний прах, переметет.
Алмазом полуночным вечность
Свой темный бархат изоткет.

Петровское

ЛЮЦИФЕР

Воздушный облак в твердь кадит, –
Воздушный синий, синий инок –
Воздушно в тверди проструит
Воздушный блеск своих снежинок.

Как над холодным королем,
Над ним венец лучится кроткий;
И брызжут градным хрусталем
Его стрекочущие четки.

С лазуревых, лучистых сфер
Полоска месяца, как ясный,
Как светоносный Люцифер
Спускается на запад красный.

Дедово

ЗОВ

За годом год – бегут года: –
Туда, где синева сквозная
И облак бледная гряда:
Она в снегах – всегда, всегда...
Она – моя. А ты? Не знаю.

Порыв взволнованных ветров
Из бездны времени несется;
Взволнованных, далеких слов
Далекий, невозвратный зов,
Как милый голос раздается.

Века летучилась печаль.
Она летучится и ныне.
Погаснет жизнь... И гаснет даль.
Чего-то нет... Чего-то жаль...
И я один в моей пустыне.

Летите, быстрые года, –
Туда, где синева сквозная
Не изменяет никогда.
Бегут года – несут туда.
Ты – там. Ты – ждешь. Ты – кто? Не знаю.

Дедово

КОЛЬЦО

И ночь, и день бежал. Лучистое кольцо
Ушло в небытие.
Ржаной, зеленый вал плеснул в мое лицо –
В лицо мое:

"Как камень, пущенный из роковой пращи,
Браздя юдольный свет,
Покоя ищешь ты. Покоя не ищи.
Покоя нет.

В покое только ночь. И ты ее найдешь –
Иди, иди туда..."
Смотрю: какая скорбь. Внемлю: бушует рожь.
Взошла звезда.

В синеющую ночь прольется жизнь моя,
Как в ночь ведет межа.
Я это знал давно. И ночь звала меня, –
Тиха, свежа, –

Туда, туда...

Петровское

ТОМ ТРЕТИЙ
("ЗОВЫ")

ЖИЗНЬ

Ты – вот, ты – юн, ты – молод,
Ты – муж... Тебя уж нет:
Ты – был: и канул в холод,
В немую бездну лет.

Взлетая в сумрак шаткий,
Людская жизнь течет,
Как нежный, снежный, краткий
Сквозной водоворот.

1908. Петербург

1908 ГОД
МОСКВА
И ПОДМОСКОВНОЕ

МАСКАРАД

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.

Стройный черт, – атласный, красный, –
За напиток взыщет дань,
Пролетая в нежный, страстный,
Грациозный па д'эспань, –

Пролетает, колобродит,
Интригует наугад.
Там хозяйка гостя вводит.
Здесь хозяин гостье рад.

Звякнет в пол железной злостью
Там косы сухая жердь: –
Входит гостья, щелкнет костью,
Взвеет саван: гостья – смерть.

Гость: – немое, роковое,
Огневое домино –
Неживою головою
Над хозяйкой склонено.

И хозяйка гостя вводит.
И хозяин гостье рад.
Гости бродят, колобродят,
Интригуют наугад.

Невтерпеж седому турке:
Смотрит маске за корсаж.
Обжигается в мазурке
Знойной полькой юный паж.

Закрутив седые баки,
Надушен и умилен,
Сам хозяин в черном фраке
Открывает котильон.

Вея веером пуховым,
С ним жена плывет вдоль стен;
И муаром бирюзовым
Развернулся пышный трэн.

Чей-то голос раздается:
"Вам погибнуть суждено", –
И уж в дальних залах вьется, –
Вьется в вальсе домино

С милой гостьей: желтой костью
Щелкнет гостья: гостья – смерть.
Прогрозит и лязгнет злостью
Там косы сухая жердь.

Пляшут дети в ярком свете.
Обернулся – никого.
Лишь, виясь, пучок конфетти
С легким треском бьет в него.

"Злые шутки, злые маски", –
Шепчет он, остановясь.
Злые маски строят глазки,
В легкой пляске вдаль несясь.

Ждет. И боком, легким скоком, –
"Вам погибнуть суждено", –
Над хозяйкой ненароком
Прошуршало домино.

Задрожал над бледным бантом
Серебристый позумент;
Но она с атласным франтом
Пролетает в вихре лент.

В бирюзу немую взоров
Ей пылит атласный шарф.
Прорыдав, несутся с хоров, –
Рвутся струны страстных арф.

Подгибает ноги выше,
В такт выстукивает па, –
Ловит бэби в темной нише –
Ловит бэби – grand papa*.

Плещет бэби дымным тюлем,
Выгибая стройный торс.
И проносят вестибюлем
Ледяной, отрадный морс.

Та и эта в ночь из света
Выбегает на подъезд.
За каретою карета
Тонет в снежной пене звезд.

Спит: и бэби строит куры
Престарелый grand papa.
Легконогие амуры
Вкруг него рисуют па.

Только там по гулким залам –
Там, где пусто и темно, –
С окровавленным кинжалом
Пробежало домино.

Серебряный-Колодезь

---

* дедушка (*франц.*). – *Ред.*

ПРЕМУДРОСТЬ

Внемлю речам, объятый тьмой
Философических собраний,
Неутоленный и немой
В весеннем, мертвенном тумане.

Вон – ряд неутомимых лбов
Склоняется на стол зеленый;
Песчанистою пылью слов
Часами прядает ученый.

Профессор марбургский Когэн,
Творец сухих методологий!
Им отравил меня N*.N*.,
И увлекательный, и строгий.

Лишь позовет она, как он
Мне подает свой голос кроткий,
Чуть шелковистый, мягкий лен
Своей каштановой бородки

Небрежно закрутив перстом,
И, как рога завьются турьи,
Власы над неживым челом
В очей холодные лазури; –

Заговорит, заворожит
В потоке солнечных пылинок;
И "Критикой" благословит,
Как Библией суровый инок.

Уводит за собой; без слов
Усадит за столом зеленым...
Ряды прославленные лбов...
С ученым спорит вновь ученый.

Москва

ВОСПОМИНАНИЕ

Декабрь... Сугробы на дворе...
Я помню вас и ваши речи;
Я помню в снежном серебре
Стыдливо дрогнувшие плечи.

В марсельских белых кружевах
Вы замечтались у портьеры:
Кругом на низеньких софах
Почтительные кавалеры.

Лакей разносит пряный чай...
Играет кто-то на рояли...
Но бросили вы невзначай
Мне взгляд, исполненный печали,

И мягко вытянулись, – вся
Воображенье, вдохновенье, –
В моих мечтаньях воскреся
Невыразимые томленья;

И чистая меж нами связь
Под звуки гайдновских мелодий
Рождалась... Но ваш муж, косясь,
Свой бакен теребил в проходе...

Один – в потоке снеговом...
Но реет над душою бедной
Воспоминание о том,
Что пролетело так бесследно.

Петербург

ВЕСНА

Уж оттепельный меркнет день.
Уж синяя на снеге тень.
Как прежде, у окна вдвоем
Попыхиваем огоньком.
Мгла пепельный свой сеет свет.
Уехала она... Но нет –

Не примиренье, не забвенье
В успокоенье чую я.
Из зеркала, грустя, отображенье –
Из зеркала кивает на меня.
И полосы багровые огня,
И отблески далекие селенья, –
Истома улетающего дня...
Рояль... Ревнивое забвенье.

Я говорю себе:
"Друг, взор полуживой закрой:
Печален кругозор сырой,
Печален снеговой простор,
И снеговой сосновый бор,

И каркающий в небе грач,
И крыши отсыревших дач,
И станционный огонек,
И плачущий вдали рожок..."

Москва

МОЙ ДРУГ

Уж с год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво

На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... – метод.

Средь молодых, весенних чащ,
Омытый предвечерним светом,
Он, кутаясь в свой черный плащ,
Шагает темным силуэтом;

Тряхнет плащом, как нетопырь,
Взмахнувший черными крылами...
Новодевичий Монастырь
Блистает ясными крестами: –

Здесь мы встречаемся... Сидим
На лавочке, вперивши взоры
В полей зазеленевший дым,
Глядим на Воробьевы горы.

"Жизнь, – шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могилок, –
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Рассеется она, как дым:
Она не жизнь, а тень суждений..."
И клонится лицом своим
В лиловые кусты сирени.

Пред взором неживым меня
Охватывает трепет жуткий. –
И бьются на венках, звеня,
Фарфоровые незабудки.

Как будто из зеленых трав
Покойники, восстав крестами,
Кресты, как руки, ввысь подъяв,
Моргают желтыми очами.

Москва

НОЧЬЮ НА КЛАДБИЩЕ

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат,
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из дерев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепенев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,
Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей, –
Их жалобное шелестенье,

О сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном зное, –
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

Москва

К НЕЙ

Травы одеты
Перлами.
Где-то приветы
Грустные.
Слышу – приветы
Милые...

Милая, где ты, –
Милая?

Вечера светы
Ясные, –
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, –
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя
В струях Леты
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, –
Милая?

Москва

ПОД ОКНОМ

Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...

Но "Критики" передо мной –
Их кожаные переплеты...

Вдали – иного бытия
Звездоочитые убранства...

И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.
Москва

РАЗЛУКА

Ночь, цветы, но ты
В стране иной.

Ночь. Со мною ты...
Да, ты – со мной.

Вздох твоих речей
Горячей –

В глушь моих степей
В ветре взвей!

Будто блеск лучей
В моей глуши, –

Ясный блеск твоей,
Твоей души.

Пусть душа моя –
Твоя

Голубая колыбель:
Спи, усни...

Утра первые огни...
Чу! Свирель...

Дедово

САНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС

В.Ф. Ходасевичу

Всё мнится, друг, –
Ты смертный одр оставишь,
И будем мы
Друг друга лицезреть.
Открыт рояль,
Поет и плачет клавиш;
Ночь возвестила
Колокола медь.

Ночь гасит звезды
Бледной позолотой;
Ночь дышит в зале
Бархатною тьмой.
Ты – вот: сидишь,
Как прежде, за работой;
Вздыхая, шлешь
Из тьмы укор немой,

Немой любви
Невольное признанье!
Зажжем кенкэтов
Бронзовых огни...
Дай радость, дай, –
И тихое лобзанье!
Пойми меня!
О, робость отжени!

Пространств души
Извечных, изначальных,
Немую грусть
Пересечет волна

Напевов томных,
Сладостно печальных...
Тобою вновь
Душа возмущена.

Восторг живой
Приметней в летней ночи.
Восторги страстные
Сулит твой взор,
А радостные,
Сладостные очи
Из мглы слезами,
Перлами горят.

Как в токах ветра,
Хладно закипевших,
Вершинами
Несутся древеса...
Зеленых волн,
Во тьме ночной взлетевших,
Извечный лепет
Емлют небеса.

Войдет сквозняк,
Пугливо в грудь ударит;
Шуршит листом
Рукописаний он;
Рванет чехлы
И комнату обшарит.
Пропышет в окна
Молньей неба склон.

Отходишь ты:
Продышит в окна лепет –
"*Прости*" продышит,
Прошуршит листом...
Рояль открыт: пусть в звуках
Страстный трепет
Проплачет, –
Прорыдает о былом.

Всё знаю сам:
Ты вновь меня оставишь,
Как там ударит
Колокола медь...
Рояль открыт.
Поет и плачет клавиш.
Друг друга нам,
Увы, не лицезреть...

Подруга юная, –
Ответь, ответь!
О, где же ты?..

Москва

ИСТОМА

Одеты в пышные красы
Кусты, газоны...
О, если б услыхала ты
Мои глухие стоны!

Вот скоро полночь пропоют
В дому куранты;
С пионов капелек росы
Пью жадно диаманты.

И дышит хладная волна
На лист перловый.
И жалоба вдали слышна,
И жалобные зовы...

Москва

ЭПИТАФИЯ

В предсмертном холоде застыло
Мое лицо.

Вокруг сжимается уныло
Теней кольцо.

Давно почил душою юной
В стране теней.

Рыдайте, сорванные струны
Души моей!

Изумрудный Поселок

ПРИЗНАНИЕ

И сеет перлы хладная роса.
В аллее темной – слушай! – голоса:

"Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь!

Вы правы: мне едва осьмнадцать лет,
И говорят – я недурной поэт.

Но стыдно мне, с рожденья горбуну,
Над ней вздыхать и плакать на луну...

Нет, сударь мой: иных я мыслей полн..."
Овеян сад плесканьем темных волн;

Сухих акаций щелкают стручки.
"Вот вам пример: на нос одев очки,

Сжимаю жадно желтый фолиант.
Строка несет и в берег бросит: Кант.

Пусть я паук в пыли библиотек:
Я просвещенный, книжный человек,

Людей, как мух, в сплетенья слов ловлю:
Встаю чуть свет: читаю, ем и сплю...

Да, сударь мой: так дней недели семь
Я погружен в беззвездной ночи темь.

Я не монах: как шум пойдет с реки,
Не раз – не раз, на нос надев очки

И затая нескромную мечту,
Младых Харит младую наготу,

К окну припав, рассматриваю я,
Рассеянно стаканом мух давя;

Иль крадусь в сад к развесистой ольхе..."
И крякнет гость, и подмигнет: "Хе-хе..."

Молчат. И ночь. Шлют шелест тростники.
Сухих акаций щелкают стручки.

Огнистый след прочертит неба склон.
Слетит алмаз в беззвездный бездны сон.

Москва

МЕФИСТОФЕЛЬ

С листа на лист в окошке прыснет,
Переливаясь, бриллиант.
В моей руке бессильно виснет
Тяжеловесный фолиант.

Тень силуэтом черноватым
Висит, как я, – всегда, везде.
Тебя ли, пламенем объятым,
Я где-то зрел... Не помню – где.

Ты ль это, неподвижный профиль,
Легко распластан на стене?
Я ль – Фауст? Ты ли – Мефистофель?..
Неясно мне... Склонись ко мне...

Он тронулся и тень рассыпал.
Как мышь стеная, шелестел.
И из стены бесшумно выпал
И – просерел, и – пробелел.

В атласах мрачных легким локтем
Склонясь на мой рабочий стол,
Неотвратимо желтым ногтем
Вдоль желтых строк мой взор повел.

Из серебристых паутинок
Сотканный грустью лик кивал,
Как будто рой сквозных пылинок
В полдневном золоте дрожал.

В кудрей волнистых, золотистых
Атласистый и мягкий лен
Из незабудок росянистых
Гирлянды заплетает он.

Из легких трав восходят турьи
Едва приметные рога.
Холодные глаза – лазури –
Льют матовые жемчуга;

Сковали матовую шею
Браслеты солнечных огней.
Взвивается, подобный змею,
Весь бархатный, в шелку теней

Несущий мне и вихрь видений,
И бездны изначальной синь,
Мой странный брат, мой злобный гений,
Зачем ты возникаешь? Сгинь!

А, – понял: но гудящим взмахом
Разбив сквозных лучей руно –
Рассыпался зловонным прахом
В полуоткрытое окно.

Оставьте... В этом фолианте
Мы все утонем без следа!..
Не говорите мне о Канте!!..
Что Кант?.. Вот... есть... Сковорода.

Москва

ИСКУСИТЕЛЬ

О, пусть тревожно разум бродит
И замирает сердце – пусть,
Когда в очах моих восходит
Философическая грусть.

Сажусь за стол... И полдень жуткий,
И пожелтевший фолиант
Заложен бледной незабудкой.
И корешок, и надпись: Кант.

Заткет узорной паутиной
Цветную бабочку паук –
Там, где над взвеянной гардиной
Обвис сиренью спелый сук.

Свет лучезарен. Воздух сладок.
Роняя профиль в яркий день,
Ты по стене из темных складок
Переползаешь, злая тень.

С угла свисает профиль строгий
Неотразимою судьбой.
Недвижно вычерчены ноги
На тонком кружеве обой.

Неуловимый, вечно зыбкий,
Не мучай, и подай ответ!
Но сардонической улыбки
Не выдал черный силуэт.

Москва

ПРАЗДНИК

Слепнут взоры: à джиорно
Освещен двухсветный зал.
Гость придворный непритворно
Шепчет даме мадригал, –

Контредансом, контредансом
Завиваясь в "chinoise".
Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.

Там – вдали – проходит полный
Седовласый кавалер.
У окна вскипают волны
Разлетевшихся портьер.

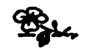
Обернулся: из-за пальмы
Маска черная глядит.
Плещут струи красной тальмы
В ясный блеск паркетных плит.

"Кто вы, кто вы, гость суровый, –
Что вам нужно, домино?"
Но, закрывшись в плащ багровый,
Удаляется оно.

Прислонился к гобелэнам,
Он белее полотна...
А в дверях шуршит уж трэном
Гри-де-перлевым жена.

Искры прыщут по фаянсам,
По краям хрустальных ваз.
Контредансом, контредансом
Вьются гости в "chinoise".

Серебряный-Колодезь



РАЗДУМЬЯ

НАПИТОК

Сверкни, звезды алмаз:
Алмазный свет излей!
Как пьют в прохладный час
Глаза простор полей...

Как пьет душа из глаз
Простор полей моих,
Как пью – в который раз –
Души душистый стих.

Потоком строф окрест
Душистый стих рассыпь
В покой сих хладных мест!..
Стихов эфирных зыбь

Вскипит алмазом звезд, –
Да пьет душа из глаз
Алмазный ток окрест, –
Да пьет... – в который раз?

Серебряный-Колодезь

ВОЛНА

И ночи темь. Как ночи темь взошла,
Так ночи темь свой кубок пролила, –

Свой кубок, кубок кружевом златым,
Свой кубок, звезды сеющий, как дым,

Как млечный дым, как млечный дымный путь,
Как вечный путь: звала к себе – прильнуть.

Прильни, прильни же! Слушай глубину:
В родимую ты кинешься волну,

Что берег дней смывает искони...
Волна бежит: хлебни ее, хлебни.

И темный, темный, темный ток окрест
Омоет грудь, вскипая пеной звезд.

То млечный дым; то млечный дымный путь,
То вечный путь зовет к себе... уснуть.

Москва

ЖИЗНЬ

Памяти Ю.А. Сидорова
с любовью посвящаю

Проносится над тайной жизни
Пространств и роковых времен
В небесно-голубой отчизне
Легкотекущий, дымный сон.

Возносятся под небесами,
Летят над высотами дни
Воскуренными облаками, –
Воскуренными искони.

Жизнь – бирюзовою волною
Разбрызганная глубина.
Своею пеною дневною
Нам очи задымит она.

И всё же в суетности бренной
Нас вещие смущают сны,
Когда стоим перед Вселенной
Углублены, потрясены, –

И отверзается над нами
Недостижимый край родной
Открытою над облаками
Лазуревою глубиной.

Дедово

СМЕРТЬ

Кругом крутые кручи.
Смеется ветром смерть.
Разорванные тучи!
Разорванная твердь!

Лег ризой снег. Зари
Краснеет красный край.
В волнах зари умри!
Умри – гори: сгорай!

Гремя, в скрипящий щебень
Железный жезл впился.
Гряду на острый гребень
Грядущих мигов я.

Броня из крепких льдин.
Их хрупкий, хрупкий хруст.
Гряду, гряду – один.
И крут мой путь, и пуст.

У ног поток мгновений
Доколь еще – доколь?
Минуют песни, пени,
Восторг, и боль, и боль –

И боль... Но вольно – ах,
Клонюсь над склоном дня,
Клоню свой лик в лучах...
И вот – меня, меня

В край ночи зарубежный,
В разорванную твердь,
Как некий иней снежный,
Сметает смехом смерть.

Петербург

НОЧЬ И УТРО

Б.А. Садовскому

Мгновеньями текут века.
Мгновеньями утонут в Лете.
И вызвездилась в ночь тоска
Мятущихся тысячелетий.

Глухобезмолвная земля,
Мне непокорная доныне, –
Отныне принимаю я
Благовестительство пустыни!

Тоскою сжатые уста
Взорвите, словеса святые,
Ты – утренняя красота,
Вы – горние край златые!

Вот там заискрились, восстав, –
Там, над дубровою поющей –
Алмазами летящих глав
В твердь убегающие кущи.

Дедово

НОЧЬ-ОТЧИЗНА

Предубежденья мировые
Над жизнию парят младой –
Предубежденья роковые
Неодолимой чередой.

Неодолимо донимают,
Неутолимы и грозны,
В тот час, как хаос отверзают
С отчизны хлынувшие сны.

Сле́тают бешено в стремнины, –
В тьмы безглагольные края –
За годом горькие годины.
Оскудевают дни мои.

Свершайся, надо мною тризна!
Оскудевайте, дни мои!
Паду, отверстая отчизна,
В темнот извечные рои.

Дедово

ВЕЧЕР

Там золотым зари закатом
Лучится солнечный поток
И темным, огневым гранатом
Окуревается восток.

Грозятся безысходной мглою
Ночные вереницы гроз.
Отторгни глубиною злою
С души слетающий вопрос.

Неутомимой, хоть бесплодной,
Ты волею перегори,
Как отблеском порфирородной,
Порфиропламенной зари!

Там рдей, вечеровое рденье, –
Вечеровая полоса...
Простертые, как сновиденья,
Воскуренные небеса.

Дедово

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Увы! Не избегу судьбы я,
Как загремят издалека
Там громовые, голубые,
В твердь возлетая, облака, –

Зане взволнованные силы
Их громовой круговорот, –
Над бездной мировой могилы
Молниеблещущий полет.

В поток быстротекущей жизни,
В житейский грозовой туман,
Забыв о неземной отчизне,
Низринулся, и всё – обман.

Увы! Не избегу судьбы я,
И смерть моя недалека.
И громовые, голубые
В дверь возлетают облака.

Дедово

РОК

Твердь изрезая молньи жгучей
Копиевидным острием,
Жизнь протуманилась – и тучей
Ползет в эфире голубом.

Всклубились прошлые годины
Там куполами облаков.
А дальше – мертвые стремнины
В ночь утопающих веков.

За жизнь, покрытую обманом,
Ужалит смертью огневой
Повитый ледяным туманом
Тучегонитель роковой.

Восстанет из годин губитель
В тумане дымно грозовом,
Чтоб в поднебесную обитель
Тяжелый опрокинуть гром.

Копиеносец седовласый,
Расплавленное копиё,
Вмиг изрывая туч атласы,
На сердце оборви мое.

Дедово

ПРИХОД НОЧИ

Т.А. Рачинской

Душа молчит. Окрестность спит.
Лишь чаща прокипит лесная.
Воздушным вздохом заструит
Седую мглу струя ночная,

Туманы ткет и застит свет,
Свевает в воздух – вьет воздушно
Листы: они летят – их нет:
Провеяли под сенью душной.

Ниспала ночь, и давит ночь.
Уносит прочь воспоминанья.
Уносит воздыханья прочь
Души немой – души: рыданья.

В волнах древесных месяц – челн,
А Ночь над ним – утес огромный:
Туда прибой древесных волн
В твердыню бьет, немой и томный, –

Подмоет, смоет, моет тень,
Промоет до зари: на главы
Древес взметенных хлынет день
Воздушным током яркой лавы;

Днесь он пространства мгле отдаст
Крыл заревых прощальным взмахом.
Но рухнет Ночи черный пласт,
Осыплется туманным прахом.

Москва

ПОЛЕ

Тюремные сломал решетки,
И город не увижу боле.
Предвозвещает отдых кроткий
Молчанием немое поле.

Спасение, уединенье!
Там в сумраке моя дорога.
Убогое – вот там – селенье –
Там – в сумрак дозирает строго.

Не плакать, не любить – нет мочи!
Над сыростью и пустотою
Слепит мне темнотою очи, –
Густеющею темнотою.

Навалится пространство, давит;
Алмазами своими в душу
Уставится: и душу плавит;
Эфирами колеблет сушу.

Суйда

ПРОСТИ

1

Зарю я зрю – тебя...
Прости меня, прости же:
Немею я, к тебе
Не смею подойти...

Горит заря, горит –
И никнет, никнет ниже.
Бьет час: "*Вперед*". Ты – вот:
И нет к тебе пути.

И ночь встает: тенит,
И тенью лижет ближе,
Потоком (током лет)
Замоет свет... Прости!

Замоет током лет
В пути тебя... Прости же –
Прости!

2

Покров: угрюмый кров –
Покров угрюмой нощи –
Потоком томной тьмы
Селенья смыл, замыл...

Уныло ропщет даль,
Как в далях взропщут рощи...
Растаял рдяных зорь,
Растаял, – рдяный пыл.

Но мерно моет мрак, –
Но мерно месяц тощий,
Летя в пустую высь
Венцом воздушных крыл –

Покров, угрюмый кров –
Покров угрюмой нощи –
Замыл.

3

Душа. Метет душа, –
Взметает душный полог,
Воздушный (полог дней
Над тайной тайн дневных):

И мир пустых теней,
Ночей и дней – осколок
Видений, снов, миров
Застывших, ледяных –

Осколок месячный: –
Над сетью серых елок
Летит в провал пространств
Иных, пустых, ночных...

Ночей, душа моя,
Сметай же смертный полог, –
И дней!

4

Угрюмая, она
Сошла в угрюмой нощи:
Она, беспомощно
Склонясь на мшистый пень, –

Внемля волненью волн
(Как ропщут, взропщут рощи), –
В приливе тьмы молчит:
Следит, как меркнет день.

А даль вокруг нее
Таинственней и проще;
А гуще сень древес, –
Таинственная сень...

Одень ее, покров –
Покров угрюмой нощи, –
Одень!

Москва

Я ЭТО ЗНАЛ

В окне: там дев сквозных пурга,
Серебряных, – их в воздух бросит;
С них отрясает там снега,
О сучья рвет; взовьет и носит.

Взлетят и дико взвизгнут в ночь,
Заслышав черных коней травлю.
Печальных дум не превозмочь.
Я бурю бешеную славлю.

Когда пойду в ночную ярь,
Чтоб кануть в бархате хрустящем,
Пространство черное, ударь, –
Мне в грудь ударь мечом разящим.

Уснувший дом. И мы вдвоем.
Пришла: "Я клятвы не нарушу!.."
Глаза: но синим, синим льдом
Твои глаза зеркалят душу.

Давно всё знаю наизусть.
Свершайся, роковая сказка!
Безмерная, немая грусть!
Холодная, немая ласка!

Так это ты (ужель, ужель!),
Моя серебряная дева
(Меня лизнувшая метель
В волнах воздушного напева),

Свивая нежное руно,
Смеясь и плача над поэтом, –
Ты просочилась мне в окно
Снеговым, хрупким белоцветом?

Пылит кисей кисейный дым.
Как лилия, рука сквозная...
Укрой меня плащом седым,
Приемли, скатерть ледяная.

Заутра твой уснувший друг
Не тронется зеркальным телом.
Повиснет красный, тусклый круг
На облаке осиротелом.

Москва

ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Ты – великан, годами смятый,
Кого когда-то зрел и я –
Ты вот бредешь от курной хаты,
Клюкою времени грозя.

Тебя стремит на склон горбатый
В поля простертая стезя.
Падешь ты, как мороз косматый,
На мыслей наших зеленя.

Да заклеймит простор громовый
Наш легкомысленный позор!
Старик лихой, старик пурговый
Из грозных косм подъемлет взор, –
Нам произносит свой суровый,
Свой неизбежный приговор.
Упорно ком бремен свинцовый
Рукою ветхою простер.

Ты – молньей лязгнувшее Время –
Как туча градная склонен:
Твое нам заслоняет темя
Златистый, чистый неба склон, –
Да давит каменное бремя
Наш мимолетный жизни сон...
Обрушь его в иное племя,
Во тьму иных, глухих времен.

Серебряный-Колодезь

ДЕМОН

Из снежных тающих смерчей,
Средь серых каменных строений,
В туманный сумрак, в блеск свечей
Мой безымянный брат, мой гений –

Сходил во сне и наяву,
Колеблемый ночными мглами;
Он грустно осенял главу
Мне тихоструйными крылами.

Возникнувши над бегом дней,
Извечные будил сомненья
Он – зыбкою игрой теней,
Улыбкою разуверенья.

Бывало: подневольный злу,
Незримые будил рыданья, –
Гонимые в ночную мглу
Невыразимые страданья.

Бродя, бывало, в полусне,
В тумане городском, меж зданий,
Я видел с мукою ко мне
Его протянутые длани,

Мрачнеющие тени вежд,
Безвластные души порывы,
Атласные клоки одежд,
Их веющие в ночь извивы...

С годами в сумрак отошло,
Как вдохновенье, как безумье, –
Безрогое его чело
И строгое его раздумье.

Москва

БУРЯ

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи:
В лазури бури свист и ветра свист несет,
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий,
Прогонит, гонит вновь; и вновь метет и вьет.

Воскрес: сквозь сень древес – я зрю – очес мерцанье:
Твоих, твоих очес сквозь чахлые кусты.
Твой бледный, хладный лик, твое возликованье
Мертвы для них, как мертв для них воскресший: ты.

Ответишь ветру – чем? как в тени туч свинцовых
Вскипят кусты? Ты – там: кругом – ночная ярь.
И ныне, как и встарь, восход лучей багровых.
В пустыне ныне ты: и ныне, как и встарь.

Безбурный царь! Как встарь, в лазури бури токи,
В лазури бури свист и ветра свист несет –
Несет, метет и вьет свинцовый прах, далекий:
Прогонит, гонит вновь. И вновь метет и вьет.

Москва

1909 ГОД

Э.К. МЕТНЕРУ

(письмо)

Старинный друг, моя судьбина –
Сгореть на медленном огне...
На стогнах шумного Берлина
Ты вспомни, вспомни обо мне.
Любимый друг, прости молчанье –
Мне нечего писать; одно
В душе моей воспоминанье
(Во́лнует и пьянит оно) –
Тяжелое воспоминанье...
Не спрашивай меня... Молчанье!..
О, если б...
                    ...Помню наши встречи
Я ясным, красным вечерком,
И нескончаемые речи
О несказанно дорогом.
Бывало, церковь золотится
В окне над старою Москвой,
И первая в окне ложится,
Кружась над мерзлой мостовой,
Снежинок кружевная стая...
Уединенный кабинет
И Гёте на стене портрет...
О, где ты, юность золотая?

Над цепью газовых огней
Пурга уныло песнь заводит...
К нам Алексей Сергеич входит,

Лукаво глядя из пенснэ,
И улыбается закату...
Будя в душе напев родной,
Твой брат C-mol'ную сонату
Наигрывает за стеной...
Последние аккорды *коды*
Прольются, оборвутся вдруг...

О, если б нам в былые годы
Перенестись, старинный друг!
Еще немного – помелькает
Пред нами жизнь: и отлетит –
Не сокрушайся: воскресает
Всё то, что память сохранит.
Дорога от невзгод к невзгодам
Начертана судьбой самой...

Год минул девятьсот восьмой: –
Ну, с девятьсот девятым годом.

1909. Январь. Москва

СЕРГЕЮ СОЛОВЬЕВУ

Соединил нас рок недаром,
Нас общий враг губил... И нет –
Вверяя заревым пожарам
Мы души юные, поэт,
В отдохновительном Петровском,
И после – улицам московским
Не доверяя в ноябре,

Томились в снежном серебре:
Томились, но не умирали...
Мы ждали...
                И в иные дали
Манила юная весна,
И наши юные печали
Смывала снежная волна.

Какое грозное виденье
Смущало оробевший дух,
Когда стихийное волненье
Предощущал наш острый слух!..
В грядущих судьбах прочитали
Смятенье близкого конца:
Из тьмы могильной вызывали
Мы дорогого мертвеца –
Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвремéнной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом – японская война:
И вот – артурское плененье,
И вот – народное волненье,
Холера, смерть, землетрясенье –
И роковая тишина...
Покой воспоминаний сладок:
Как прежде, говорит без слов
Нам блеск пурпуровых лампадок,
Вздох металлических венков,
И монастырь, и щебет птичий
Над золотым резным крестом:

Там из сиреней лик девичий,
Покрытый черным клобуком,
Склоняется перед могилой,
И слезы на щеках дрожат...

Какою-то нездешней силой
Мы связаны, любимый брат.
Как бы неверная зарница,
Нам озаряя жизни прах,
Друзей минутных вереница
Мелькнула в сумрачных годах;
Ты шел с одними, я – с другими;
Шли вчетвером и впятером...
Но много ли дружили с ними?
А мы с тобой давно идем
Рука с рукой, плечо с плечом.

Годины трудных испытаний
Пошли нам Бог перетерпеть, –
И после, как на поле брани,
С улыбкой ясной умереть.
Нас не зальет волной свинцовой
Поток мятущихся времен,
Не попалит стрелой багровой
Грядущий в мир Аполлион...
Мужайся: над душою снова –
Передрассветный небосклон;
Дивеева заветный сон
И сосны грозные Сарова.

Москва. Январь

ОТВЕТ НА ПОСВЯЩЕНИЕ

(В. Брюсову)

> Дарю тебе мой жезл змеиный.
> Беру твой посох костяной.
>
> *В. Брюсов*

1

Туманы, пропасти и гроты...
Как в воздух, поднимаюсь я
В непобедимые высоты,
Что надо мной и вкруг меня.

Как в воздухе, в луче эфирном
Вознесся белоснежный пик,
И от него хрустальным фирном
Слетает голубой ледник...

У ледяного края бездны
Провеял облак ледяной:
Мгла дымная передо мной...
Ударился о жезл железный
Мой посох бедный, костяной:

И кто-то, темный, из провала
Выходит, пересекши путь,
И острое вонзилось жало
В мою измученную грудь...

Раскатам мстительного смеха,
Раскатам бури снеговой
Ответствует громами эхо...
И катится над головой –

Тяжеловесная лавина...
Но громовой, летящий ком
Оскаленным своим жерлом
Съедает мертвая стремнина.

Глухие стоны урагана
Упали в пасти пропастей;
Скользнули на груди моей,
Свиваясь, лопасти тумана,

Над осветленной крутизной
Истаяв ясными слезами...
И кто же! – брат передо мной
С обезумевшими очами –
Склонился, и железный свой
Он поднял жезл над головой...

2

Так это – ты?.. Но изумленный,
Безгневный, улыбнулся лик;
И жезл упал окровавленный
На звонкий, голубой ледник.

"Высоких искусов науку
И марева пустынных скал
Мы поняли", – ты мне сказал:
Братоубийственную руку
Я радостно к груди прижал...

Пусть шел ты от одной долины,
Я – от другой (мой путь иной): –
Над этой вечной крутизной
На посох бедный, костяной
Ты обменял свой жезл змеиный.

Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат,
На неба голубые степи; –
И, как безгрешные венцы,
Там ледяных великолепий
Блистают чистые зубцы.

Поэт и брат! В заре порфирной
Теперь идем – скорей! – туда –
В зеркальные чертоги льда
Хрустальною дорогой фирна.

Бобровка. Январь

ЖАЛОБА

Сырое поле, пустота,
И поле незнакомо мне.
Как бьется сердце в тишине!
Какие хладные места!
Куда я приведен судьбой?..
В пустынный берег бьет Коцит;
И пена бисерной каймой
В прибрежных голышах бежит.
Свежеет... Плещется прибой;
В кудрявой пене темных волн,
Направленный самой судьбой,
Ко мне причалил утлый челн.

Меня влекут слепые силы
В покой отрадный хладных стран; –
И различаю сквозь туман
Я закоцитный берег милый.
Рыдают жалобные пени,
Взлетает гребень на волне,
Безгласные, немые тени
Протягивают руки мне.
Багровые лучи Авроры
Сурово озаряют твердь.
Уныло поднимаю взоры,
Уныло призываю смерть...

Бобровка. Февраль

НАИН*

В "Урне" я собираю свой собственный пепел, чтобы он не заслонял света моему живому "Я". Мертвое "я" заключаю в "Урну".

(Из предисловия к "Урне". 14 января 1909 г.)

"*Наин*" – святой гиероглиф!
"*Наин*" – магическое слово!
"*Наин*" скажу, мой пепел снова
В лучистый светоч обратив.

* Это стихотворение есть последнее, завершающее цикл "Урна". Оно написано уже во время набора к печати сборника "Урны". *Автор.*

"*Пи-Рей*"*, над бездной изменений
Напечатленный в небесах, –
"*Пи-Рей*" – богоподобный гений
С тяжелой урной на руках.**

"*Пи-Рей*" с озолощенной урной
Над пологом ненастных туч
Не пепел изольет, а луч
Из бездны времени лазурной.

Да надо мной рассеет бури
Тысячелетий глубина –
В тебе подвластный день, Луна,
В тебе подвластный час, Меркурий!

Февраль 09. Бобровка.
День Луны. Час Меркурия

РОДИНА

Еще "*Золото в лазури*" далеко от меня... в будущем... К утру, быть может, лазурь очистится.

(Предисловие к "Урне")

Наскучили старые годы,
Измучили: сердце – довольно!..
(Ты, вещее сердце, скажи им:
"Исчезните, старые годы..."
И старые годы исчезнут.)

---

* Солнечный гений.
** Изображение Пи-Рея.

Как тучи, невзгоды проплыли;
Над чащей и чище, и слаще
Тяжелый, сверкающий воздух;
В зеленые сладкие чащи
Несутся зеленые воды;
И песня знакомого гнома
Несется вечерним приветом:
"Вернулись ко мне мои дети
Под розовый куст розмарина".

Ты, злая година, – рассейся!
В уста эти – влейся, о нектар –
Тяжелый сверкающий воздух
Из пьяного, сладкого кубка!

Вернулись – из долгих скитаний!..
Проснулись!.. О, родина, здравствуй!

Москва. Апрель. 1909 года

СТАРИННЫЙ ДРУГ

Да надо мной рассеет бури
Тысячелетий глубина...

А. Белый ("Наин")

Струит ручей гирлянды бирюзы
Здесь на луга, на розовые мяты, –
В пустой провал пережитой грозы,
В осеребренные туманом скаты.

Все ка́нуло: глухой покой окрест.
Сто долгих лет переживаю в грезах.
А надо мной горит могильный крест
В пурпуровых надгробных, темных розах.

А надо мною блещущая высь
Твердит извечно трепетные песни.
Ручей, разговорись – разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

Я знаю все: пережив века,
Старинный друг опять в эфире встанет.
Старинный друг зовет издалека.
Он – на горах: он – ждет, смеется, манит, –

В пылающих, как языки огня,
Одеждах светлых, с золотой трубою...
Приди, приди: освободи меня –
В обитель света уведи с собою!...

Куда уводит блещущая весь?
Рассеялось небытие могилы...
Прими меня, не отвергай: я – здесь,
Друг сказочный, полузабытый, милый.

09. Апрель. Москва

ЗОРИ

О, что за зори? Бархат красный это?
Иль – старое бордоское вино?
Но... разорваться сердцу без ответа
Навстречу зорям – сердцу – суждено...

Лежу в траве... Мне на лугу душистом
Тяжелое, червонное кольцо
Змеи червонной с шелестом и свистом
Из легких трав разорвалось – в лицо.

Приподнялось... Ко мне – прыжком сердитым...
Ко мне на грудь, – впиваясь жалом в грудь...
Обвейся, жаль! Восторгом ядовитым
Отравлен я... Мне ожерельем – будь!..

Ты – золотое, злое ожерелье –
Сожги огнем отравленной зари...
О, странное, вечернее веселье!
Безумием, о кровь моя, гори!

Москва. Апрель

1910–1911

ПЕРЕД СТАРОЙ КАРТИНОЙ

Кресла, чехлы, пьянино...
В сумерках страшно мне:
Та же висит картина
На глухой, теневой стене.

Ожила: – и с прежним приветом,
Закурчавясь у ног, –
Пеной, кипеньем, светом
Хлынул бурный поток.

Из раздвинутых рамок
Грустно звали – "проснись" –
Утес, забытый замок,
Лес, берега и высь.

Просыпался: века вставали...
Рыцарь, в стальной броне, –
Из безвестных, безвестных далей
Я летел на косматом коне.

В облаке пыли бились
Плаща моего края...
Тускло мне открылись
С башни два огня.

Кричал, простирая объятья:
"Я вернулся из дальних стран...
Омойте мне, о братья,
Язвы старых ран...

Примите в приют укромный..."
Но упало сердце мое,
Как с башни рыцарь темный
На меня направил копье;

Уставился остро, грозно
Злой, клювовидный шлем;
Сказал, насмехаясь: "Поздно...
Путник – куда, зачем?

Мы – умерли, мы – поверья,
Нас кроют столетий рвы..."
Пошел (Закачались перья
Вкруг его стальной головы)...

Глухо упали ворота...
Угасал – и угас чертог.
Изредка плакал кто-то
С каменной башни в рог,

Да порой осыпали светом
Голубые взрывы зарниц, –
Острие на копье воздетом,
Бастион, черепицу, шпиц;

Да порой говорила уныло
С прежним, с прошлым вода:
"Всё это – было, было!..
Будет – всегда, всегда..."

А из темных бездомных далей
На косматых черных конях
Рыцари к замку скакали
В густых, черных тенях.

Ночь играла над их головами
Переливчатым блеском звезд...
Грохоча над сырыми рвами,
Опустился подъемный мост.

...Я вернулся: – кресла, пьянино –
Всё незнакомо мне.
Обернулся: висит картина
На глухой, теневой стене.

Из раздвинутых рамок
Опять позвали "вернись" –
Утес, забытый замок,
Лес, берега и высь.

Москва. 1910 г.

ДЕНЬ В БОГОЛЮБАХ

И опять, и опять, и опять –
Пламенея, гудят небеса...
И опять, и опять, и опять
Меченосцев седых голоса.

Над громадой лесов, городов,
Над провалами облачных гряд –
Из веков, из веков, из веков –
Полетел меднобронный отряд,

Выпадая громами из дней,
Разбивая мечами гроба...
Разрывается где-то труба:
"На коней, на коней, на коней!.."

Боголюбы. 1911

БЛИЗКОЙ

Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку – быль.

А. Блок

1

В окнах месяц млечный;
Дышит тенями ниш.
Однообразно, извечно –
Шепчет темная тишь.

Золотая свеча дымится
В глухую мглу...
Королевне не спится,
Королевна берет иглу.

Много в лесу далеком,
Много погибло душ!
Рыцарь, разбитый роком,
Канул в лесную глушь...

Плачут в соснах совы
(Поняла роковую весть) –
Плачут в соснах совы:
"Было, будет, есть..."

Встала (дрогнули пяльца),
Сосчитала бег облаков
И расслышала зов скитальца
Из суровых сосновых лесов...

Вспыхнул свет из оконца;
В звездносинюю ночь
Кинулись струи солнца,
Кинулись тени прочь...

2

Глянул замок с отвеса,
Рог из замка гремит.
Грозные гребни леса
Утро пламенит.

Рыцарь в рассветных тѐнях
Скачет *не в сказку – в быль*:
На груди, на медных коленях,
На гребенчатом шлеме – пыль.

Ждет его друг далекий
С глубиной голубою глаз,
Из которой бежит на щеки
Сквозной слезой алмаз.

Поет глубина напевно:
"Было, будет, есть..."
Он нашел тебя, королевна!
Он расслышал светлую весть.

Боголюбы. 1911 год

ШУТ

1

Есть край, где старый замок
В пучину бьющих вод
Зубцами серых башен
Глядит – который год!

Его сжигает солнце;
Его дожди секут...
Есть королевна в замке
И есть горбатый шут.

Докучно бьет трещотка
В его пустую грудь:
"Былое, королевна, –
Забудь, забудь, забудь!.."

Струею красной в ветер
Атласный плащ летит.
На каменных отвесах
Подолгу шут сидит, –

И долго, долго смотрит
На запад огневой;
В вечерние туманы
Колпак подкинет свой.

Из каменных пробоин
Взлетает стая сов,
Когда несется с башни
Трубы далекий рев.

2

В тяжелый, знойный полдень,
Таясь среди аркад,
Выходит королевна
Послушать треск цикад;

Из блещущих травинок,
Из росянистых пней, –
Небесною коронкой
Цветок смеется ей.

Едва она сломала
Высокий стебелек, –
"О королевна, вспомни", –
Пролепетал цветок;

Едва она сломала
Высокий стебелек –
Кипучею струею
Ей в очи брызнул сок.

Блестя, запели воды,
Окрестность, луг, цветы;
Запел старинный ветер:
"О вспомни, вспомни ты..."

Прошел родимый замок,
Как облако, над ней:
Зубцами старых башен
Истаял в бездне дней.

3

Из-за цветов лиловых
Грозился старый шут:
Над ней, как адский пламень,
Блеснул его лоскут.

На солнечные травы
Упала тень горбом:
И теневые руки
Качались над цветком.

Беззвучно колыхалась
Хохочущая грудь;
Бубенчики запели:
"Забудь, забудь, забудь..."

Как змеи, шелестели
В тяжелый зной листки;
На башенных оконцах
Блеснули огоньки.

Горбатый, серый замок
Над лугом в белый день
Крылом нетопыриным
Развеял злую тень.

Очнулась королевна.
Всему – конец, конец.
Разбейся же, о сердце,
Трескучий бубенец.

Ты, одуванчик–счастье,
Пушинкой облетай:
Пошла, роняя слезы
На белый горностай.

Отмахиваясь веткой
От блещущих стрекоз,
За ней седой насмешник
Тяжелый шлейф понес.

Качались стебелечки
Пленительных вербен
Между атласных, черных,
Обтянутых колен.

4

Поток рыдает пеной,
Клокочет бездной дней...
В решетчатые окна
Влетает сноп огней.

О, королевна, вспомни
Голубенький цветок, –
И над тобою дрогнет
Твердыней вставший рок.

Расплачется в воротах
Заржавленный засов:
Пернатый, ясный рыцарь
Летит из тьмы веков;
Конем кидаясь в солнце

Над пенистым ручьем,
Гремит трубою в ветер,
Блистает в даль копьем;

Дрожащий луч играет,
Упав из-за плеча,
Голубоватой сталью
На острие меча.

И бросило забрала
Литое серебро
Косматым, белым дымом
Летящее перо;

И плещется попона
За гривистым конем
Малиновым, тяжелым
Протянутым крылом.

5

Есть край, где старый замок
В пучину бьющих вод
Зубцами серых башен
Глядит – который год.

Его сжигает солнце,
Его дожди секут.
Есть королевна в замке;
И есть горбатый шут.

Там – за стеной зубчатой –
Докучный бег минут
Трещоткой деревянной
Отсчитывает шут.

С вершины мшистой башни
Гремит в закат труба,
И над мостом чугунным
Мелькает тень горба.

О королевна, близко
Спасение твое:
В чугунные ворота
Ударилось копье.

Боголюбы. 1911

БАРБАРУССА

Вопрос

Тебя с востока мы
Идем встречать в туман:
Верю, – блеснешь из тьмы,
Рыцарь далеких стран.

Слышу топот коней.
Зарей багрянеет куст...
Слетает из бледных дней
Призыв гремящих уст.

Тяжел железный крест.
Тяжела рукоять меча...
В туман окрестных мест
Дымись, моя свеча!

Верю – в года, в века,
В пустые эти края
Твоя стальная рука
Несет удар копья.

Ответ

В веках я спал... Но я ждал,
О, невеста, север моя,
Я встал из подземных зал
Спасти – тебя, тебя!..

Мы – рыцари дальних стран.
Я – рог, гудящий из тьмы.
В сырой, дождевой туман
Несемся на север мы.

На крутые груди коней
Кидается чахлый куст.
Как ливень, потоки дней,
Как буря, глаголы уст!

Плащ семицветием звезд
Слетает в туман с плеча...
Тяжелый, червонный крест –
Рукоять моего меча.

Его в пустые края
Вознесла стальная рука.
Секли мечей лезвия
Не ветер – года, века...

Боголюбы. 1911

1913–1914

* * *

Снеговая блистает роса…
Налила серебра на луга.
Жемчугами дрожат берега.
В светлоглазых алмазах роса.

Мы с тобой над волной голубой,
Над волной – берегов перебой.
И – червонное солнца кольцо,
И́ – твое огневое лицо.

Христиания. 1913 г.

* * *

Мне снились: и море, и горы;
Мне снились… – …
Далекие хоры созвездий
Кружились в волне
Мировой.

Порой метеоры из высей
Катились,
Беззвучно развеявши
Пурпурный хвост
Надо мной…

Проснулся – и те же: и горы,
И море...
И долгие, долгие взоры
Бросаю
Вокруг.

Все – то же... Докучно
Внимаю,
Как плачется бездна –
Старинная бездна лазури –
И огненный, солнечный круг.

Мои многолетние боли –
Доколе?
Чрез жизни, миры, мирозданья
За мной пробегаете вы?

В надмирных твореньях,
В паденьях
Течет бытие, но – о Боже! –
Все строже, все то же:
Все то же сознанье мое.

Базель. 14 г.

В РУССКИХ ПОЛЯХ

В волне золотистого хлеба
По-прежнему ветер бежит;
По-прежнему нежное небо
Над землями грустно горит.

В безмирные, синие зыби
Лети, литургия моя!
В земле – упадающей глыбе –
О, небо, провижу тебя...

Алмазами душу наполни,
Родной стариною дыша:
Из светочей, блесков и молний
Сотка́нная, – плачет душа.

Всё – вспомнилось: прежним приветом
Слетает в невольный мой стих
Архангел, клокочущий светом,
На солнечных крыльях своих.

1914 года. Арлесгейм

* * *

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в пятнах пепла тлела; все вокруг
Вдруг стало и туманисто, и серо...
Стеклянно зеленеет бирюза,
И яркая зая́снилась слеза –
Алмазная, алмазная Венера.

Арлесгейм. 14 год

* * *

Мы – ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно…
В моей груди отражено оно.
И вот – зажгло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Все – вспомнилось: не поднялось вопроса –
В какие-то кипящие колеса
Душа моя, расплавясь, протекла.

Арлесгейм. 14 год

* * *

Открылось!.. Весть весенняя!.. Удар –
молниеносный!..
Разорванный, пылающий, блистающий покров!
В грядущие, громовые, блистающие весны,
Как в радуги прозрачные, спускается Христос.

И голос поднимается из огненного облака:
"Вот – чаша благодатная, исполненная дней!.."
И огненные голуби из огненного облака
Раскидывают светочи, как два крыла, над ней.

Арлесгейм. 14 год

МЫСЛЬ

Я засыпал: стремительные мысли
Какими-то спиралями неслись;
Приоткрывалась в сознающем смысле
Сознанию не явленная высь.

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла – сверлящие спирали –
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных числ,
В бунтующей, мыслительной стихии –
Не я, не я – благие иерархии
Высокий свой напечатлели смысл.

Звезда... Она – в непеременном блеске, –
Но бегает летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блещущие чертит арабески.

Арлесгейм. 14 год

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.В. Лавров

"СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ" – КНИГА ИЗ АРХИВА АНДРЕЯ БЕЛОГО

Подготовленная к изданию в 1914 г., эта книга представляет собой первую попытку Андрея Белого дать общую картину своей полуторадесятилетней стихотворческой деятельности, подвести определенные поэтические итоги, какими они вырисовывались в сознании автора к моменту формирования "Собрания стихотворений". Волею обстоятельств книге не суждено было увидеть света, и читатель так и не смог воспринять и оценить тот образ Белого-поэта, каким он представал на ее страницах, – образ, отчасти знакомый по ранее изданным сборникам стихов, отчасти и незнакомый – видоизмененный и перетолкованный[1].

Опубликовать "Собрание стихотворений" предполагалось в петербургском издательстве "Сирин". Основанное в октябре 1912 г. капиталистом-сахарозаводчиком, чиновником особых поручений при директоре императорских театров М.И. Терещенко и двумя его сестрами, это издательское предприятие ставило своей целью выпуск в свет про-

---

[1] См. общие характеристики этого неосуществленного издания: *Бугаева К., Петровский А., ⟨Пинес Д.⟩.* Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 583; *Malmstad John E.* Introduction // *Белый А.* Стихотворения. München, 1984. Т. 1. Р. 29–30.

изведений наиболее крупных и признанных мастеров "нового" искусства. К формированию "Сирина" имели ближайшее касательство А. Ремизов и А. Блок, главным организатором делопроизводства и литературным редактором стал критик и публицист Иванов-Разумник. Программная ориентация на символизм сказывалась прежде всего в масштабных издательских проектах "Сирина" – собраниях сочинений Федора Сологуба в 20 томах и Валерия Брюсова в 25 томах; главным образом произведениями символистов заполнялись и альманахи "Сирин" (первый вышел в свет в октябре 1913 г., третий, последний, – в марте 1914 г.).

Сотрудничество Андрея Белого с "Сирином" началось с романа "Петербург", впервые увидевшего свет в трех выпусках альманаха[2]. Инициатива в деле опубликования романа принадлежала А. Блоку и Иванову-Разумнику, сумевшим подвигнуть владельцев издательства на весьма рискованный шаг – отведение значительной части общего объема альманахов под произведение, которое неизбежно должно было вызвать негативную реакцию у широкой читающей публики: необычный по тем временам художественный строй "Петербурга" приводил в недоумение и разочаровывал даже эстетически искушенных людей. «Блоку и мне, – вспоминает Иванов-Разумник, – ⟨...⟩ с великими трудами удалось протащить "Петербург" сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок

[2] См.: *Долгополов Л.К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого "Петербург" // *Белый А.* Петербург. Л., 1981. С. 565–568.

(издателей) и старания близкого к ним Ремизова не допустить этот роман в сборники "Сирина". Блок и я – одолели; Б⟨орис⟩ Н⟨иколаевич⟩ приехал заключать договор и был у меня в "Сирине" *в первый же день приезда*; разговор продолжался три-четыре часа»[3].

Упомянутая встреча Белого и Иванова-Разумника состоялась в Петербурге в середине мая 1913 г. Все последующие контакты с "Сирином" Белый, постоянно живший в это время за границей, вел через Иванова-Разумника, который, в свою очередь, стремился теснее привлечь его к сотрудничеству с издательством. Права на выпуск в свет произведений Белого тогда принадлежали московскому издательству "Мусагет"; "Сирин" предпринял в связи с этим энергичные усилия, направленные к тому, чтобы заполучить книги Белого, планировавшиеся в "Мусагете", в свое распоряжение. К идее многотомного собрания сочинений Белого владельцы издательства, однако, сразу отнеслись настороженно[4], поэтому конкретно речь

---

[3] Письмо Иванова-Разумника к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 25.

[4] Ср. дневниковую запись А. Блока от 15 февраля 1913 г.: «Не хотят издавать *всего* А. Белого – до 30-ти томов! ("топить и его и себя")» (*Блок А*. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 220). 20 февраля 1913 г. руководитель "Мусагета" Э.К. Метнер писал Блоку в этой связи: «А вот что собрание сочинений Бугаева "Сирин, подробно обсудив, не может *теперь* издавать", это – весьма не "подлинный" поступок (если только слово *теперь* не означает временного откладывания; я склонен в нем видеть дипломатический отказ навсегда); Тере-

шла прежде всего о втором издании романа "Серебряный голубь" и об итоговом собрании стихотворений Белого, которое должно было объединить тексты из ранее вышедших поэтических книг. Параллельно в "Сирине" замышлялось собрание стихотворений Александра Блока в трех книгах (в значительной мере основанное на осуществленном в "Мусагете" в 1911–1912 гг. аналогичном издании): возникала манящая перспектива одновременного появления на книжном рынке сходных по замыслу и исполнению изданий стихов двух крупнейших мастеров одного поэтического поколения и во многом общей литературной судьбы.

Осенью 1913 г. договоренность об издании в "Сирине" "Собрания стихотворений" Белого была достигнута; в перспективе брезжили замыслы печатания и других его книг – "симфоний", "Путевых заметок"[5]. 25 ноября 1913 г. Иванов-Разумник

щенко в Москве говорил со мною так, точно весь вопрос в формальностях и в деталях, а по существу он давал полную надежду на "переход" (как он выражался) Бугаева, так же как и Блока, из *Мусагета* в *Сирин*... ⟨...⟩ Дорогой Александр Александрович! Ратуйте за Бугаева. Право нехорошо, если он будет обойден полным собранием. Это страшно несправедливо» (Российский литературоведческий журнал. 1997. № 9. С. 111–112).

[5] Особую тему в переговорах относительно издания книг Белого составлял финансовый вопрос: Белый был должен "Мусагету" крупную денежную сумму, которую предполагалось компенсировать его будущими авторскими гонорарами. Э.К. Метнер писал в этой связи М.И. Терещенко 21 октября 1913 г.: "От Бориса Николаевича я получил известие о том, что *Сирин* согласен переиздать его стихи и *Голубя* ⟨...⟩ Ввиду того, что Б.Н. по сию пору не отдал нам своего долга, и опираясь на

напоминал Белому о том, что ждет "делового письма о стихах"[6]. Месяц спустя, в письме к Иванову-Разумнику из Берлина от 12/25 декабря, Белый, в свою очередь, возвращался к той же теме: «"*Сирин*" высказал готовность переиздать моего "*Голубя*" и собрание стихотворений. Мне было бы очень существенно знать: 1) когда предполагает "*Сирин*" приступить к печатанию этих произведений; в таком случае я ⟨...⟩ сейчас же приготовлю материал, т.е. кое-что в стихах и "*Голубя*" просмотрю вновь: кое-что включу, кое-что исключу ⟨...⟩ три книги стихов "*Пепел*", "*Урна*", "*Золото в Лазури*" включаемы (с выпусками и добавлениями) в две книги с некоторого рода перегруппировкой материала»[7]. Не получив скорого ответа,

---

наш разговор с Вами в Москве, я очень прошу Вас часть гонорара, причитающегося за стихи и *Голубя*, передать *Мусагету*, уведомив о сем Бугаева от себя ⟨...⟩ крупные же вещи (художественные) ему выгоднее отдавать *Сирину;* конечно, я не хочу лишать Бугаева этой выгоды ⟨...⟩ – но не могу допустить, чтобы от этих изменившихся отношений его к *Мусагету* последний пострадал. Мне бы хотелось знать, есть ли надежда на то, что и симфонии когда-нибудь будут напечатаны *Сирином;* если бы Вы хотели решительно исключить их из сочинений Бугаева, то я бы приступил к их печатанию в *Мусагете,* тогда с аванса Бугаева скинулась бы еще некоторая часть. Если же *принципиально* и печатание симфоний решено (кстати: Бугаев после романа хочет вернуться на время к форме симфонии), то мне остается отказаться от их переиздания и ждать в будущем доли гонорара за них в пользу *Мусагета*" (*РГБ*. Ф. 167. Карт. 24. Ед. хр. 32).

[6] *РГБ*. Ф. 25. Карт. 16. Ед. хр. 6а.

[7] *РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Белый вновь писал Иванову-Разумнику в той же связи (Берлин, 4/17 января 1914 г.): «...в Норвегии осенью (в сентябре) я получил уведомление К⟨нигоиздательст⟩ва "Сирин", что оно согласно переиздать мои стихи и роман "Сер⟨ебряный⟩ Голубь". И вот у меня возникает ряд вопросов к К⟨нигоиздательст⟩ву: когда, к какому времени мне приготовить к изданию мои стихи и роман»[8].

В последующих месяцах в корпусе сохранившейся переписки Белого и Иванова-Разумника – пробел (Иванов-Разумник сообщает, что первые письма Белого к нему, «около десятка, остались в издательской части архива "Сирина", пропавшего в годы революции ⟨...⟩ вместе с копировальной книгой ответных писем издательства»[9]), однако по ряду косвенных данных ясно, что "Сирин" подтвердил свою готовность напечатать "Собрание стихотворений" и, видимо, предложил Белому представить рукопись в скорейшем времени. В журнале "Дневники писателей", выходившем под редакцией Ф. Сологуба (близко стоявшего к "Сирину"), весной 1914 г. под рубрикой "Вести о писателях и книгах" появилось сообщение: «Книгоиздательство "Сирин" издает ⟨...⟩ стихотворения Андрея Белого в 2-х томах»[10].

Уже из предварительных замечаний Белого относительно задуманного нового издания стихо-

---

[8] Там же. Ед. хр. 5.

[9] *Иванов-Разумник*. Предисловие и комментарии к письмам Андрея Белого к Р.В. Иванову (1913–1932) // *ИРЛИ*. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 5.

[10] Дневники писателей. 1914. № 3/4 (май–июнь). С. 78.

творений ясно, что автор не мыслил его как механическое воспроизведение ранее опубликованных книг. Реально же подготовка "Собрания стихотворений" не ограничилась мелкой правкой текста и локальными композиционными перегруппировками; было создано, по сути, новое художественное единство, имеющее лишь частичные аналогии в содержании книг "Золото в лазури", "Пепел" и "Урна". Основной объем работы над новой книгой Белый относит к маю 1914 г.: «...усаживаюсь дома подготовлять собрание стихов у "*Сирина*"»[11]. Жил он в это время в Швейцарии; став убежденным последователем антропософского учения Рудольфа Штейнера, трудился изо дня в день как резчик по дереву на постройке Гетеанума – антропософского центра в Дорнахе, слушал лекционные курсы "Доктора", вращался в среде его последователей и сподвижников и в целом оставался очень далек от текущих литературных и иных дел на родине. Основную долю работы по формированию "Собрания стихотворений" ему удалось осуществить благодаря случайному и вынужденному перерыву в антропософских "трудах и днях": будучи уличенным более опытными резчицами в неточных архитектурных исчислениях (Белый был назначен руководителем работ на архитраве "Венера"), он «обиделся, отказался от архитрава "Венеры" и засел у себя дома дней на 10». «Эти десять дней, – свидетельствует Белый в ретроспективном "Материале к биографии", – я

[11] *Белый А*. Ракурс к дневнику // *РГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 69.

употребил на подготовку собрания стихотворений для "*Сирина*", а также: в эти дни я написал несколько стихотворений, между прочим: "*Открылось: весть весенняя*", "*В волнах золотистого хлеба*", "*Я засыпал...*" и др.»[12]

19 апреля / 2 мая 1914 г. Белый информировал Иванова-Разумника: «Высылаю рукописи стихов ⟨...⟩ в течение мая. Предоставляю "Сирину" право печатать, когда издательство сочтет нужным ⟨...⟩»[13]. Однако выдержать указанные сроки не удалось, в связи с чем Белый вновь писал Иванову-Разумнику – видимо, уже по завершении основной части работы, – получив послание из издательства, торопящее со сдачей книги (19 июня / 2 июля 1914 г.): «Извиняюсь за столь значительное опоздание высылки рукописей: верьте, это не от лени. Но я хотел подготовить 2-е издание своих стихотворений, распределив их по новым отделам и переработав ряд стихотворений заново, этой работой я и занялся. Но, занявшись переработкой, я понял, что мое намерение – не оставить камня на камне в "Золоте в лазури", т.е. попросту заново написать "Золото в лазури". Это во-первых; во-вторых: наступила горячка в строительных работах ⟨...⟩ так что переработка стихов за последние три недели остановилась; да и я стал раздумывать,

---

[12] Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1988. Т. 6.С. 388. Перечисленные стихотворения входят в заключительный раздел ("1913–1914") "сиринского" "Собрания стихотворений".

[13] *РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 5.

надо ли изменять явно юношеские стихи; не показательнее ли они во всех их недостатках. Некоторые из характернейших для меня стихотворений – технически детские; наоборот: многие из технически зрелых – непоказательны вовсе»[14].

Рукопись "Собрания стихотворений" была отправлена в "Сирин" незадолго до 31 июля – дня начала мировой войны. Это событие сказалось на последующей судьбе новой книги Андрея Белого самым непосредственным образом: в связи с войной семейство Терещенок приняло решение свернуть свою издательскую деятельность[15]. Не вышли в свет 5 томов из 20-томного Собрания сочинений Ф. Сологуба, из Полного собрания сочинений и переводов В. Брюсова в 25 томах были напечатаны только 8 томов, "Собрание стихотворений" А. Блока начато набором и приостановлено (сохранились

---

[14] Там же.

[15] Такое решение определилось в ноябре 1914 г.; ср. запись Блока от 16 ноября: «Звонила Пелагея Ивановна Терещенко (⟨...⟩ о войне, о том, что хочет закрыть "Сирин", – мне первому)» (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 247). Ликвидация издательства состоялась в начале 1915 г. Последняя запись А.М. Ремизова в дневниковой тетради "Сирин" (датированная: "28 генваря 1915 г.") гласит: "Сирин уничтожен. Сегодня последний день" (*ИРЛИ*. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 33). 16 декабря 1915 г. Иванов-Разумник писал М.К. Лемке о М.И. Терещенко: «Весь поглощен войной и промышленными комитетами; он продал свое "сахарное дело" за семь миллионов, из них 1 милл⟨ион⟩ издержал "на войну" и 3 милл⟨иона⟩ – на Красный Крест ⟨...⟩ Я сердит на него за поверхностное наездничество в литературу с "Сирином"; но поверхностность уживается в нем с порядочностью» (*ИРЛИ*. Ф. 661. Ед. хр. 473).

корректурные листы), "Собрание стихотворений" Андрея Белого осталось в виде издательского макета. О сложившемся положении дел Иванов-Разумник известил Белого в феврале 1915 г. Полгода спустя, 13/26 августа, сообщил ему, что предпринятые попытки "устроить" "Собрание стихотворений" остались безрезультатными: «...мое редакторство в "Сирине" кончилось, – кончился "Сирин", планы повисли в воздухе. Теперь же, во время войны, никто ничего не печатает... Так и осталось лежать у меня рукописное Ваше собрание стихов, тт. I–II, и "Путевые Заметки". Напишите, куда передать их, что делать с ними»[16]. Естественно, что, находясь в Швейцарии, окруженной воюющими странами, Белый каких-либо конструктивных решений относительно судьбы своей книги предложить не мог, хотя и предпринимал, побуждаемый тяжелым материальным положением, определенные попытки обрести новые издательские связи[17]. Рукопись "Собрания стихотворений", сохраненная Ивановым-Разумником, позднее была возвращена автору и обрела покой в его архиве.

---

[16] *РГБ*. Ф. 25. Карт. 16. Ед. хр. 6а.

[17] Так, в ноябре 1915 г. Белый писал Ф. Сологубу: «Мог бы предложить *собрание стихов "Путевые заметки"*, что угодно, но... – опять-таки... не знаю *кому и куда* ⟨...⟩ Я просил друга в Москве похлопотать с моими книгами, он – обещал: и вот пишет, что устроить ничего нельзя. Это было для меня... почти ударом, потому что я так надеялся, что что-нибудь устроится» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 49).

Сейчас, когда заходит речь о поэзии Андрея Белого, чаще всего имеют в виду его книги стихов в том составе и в той композиции, которые были предложены автором в их первых изданиях, получивших по выходе в свет определенный общественный резонанс и прочно вошедших в историю русской поэзии первых десятилетий XX в.: "Золото в лазури" (1904), "Пепел" (1909), "Урна" (1909) и т.д. "Собрание стихотворений", подготовленное Белым для "Сирина", отражает изменившийся взгляд автора на созданное им за десятилетие. Из "старого" стихотворного материала сформирована во многом новая книга, отражающая новый этап творческой эволюции мастера и представляющая собой попытку выведения новой формулы поэтической индивидуальности.

Книга – главная категория в поэтической культуре русского символизма. Репутации представителей этой литературной школы формировались, изменялись, возрастали и ставились под сомнение в прямой зависимости от того, какую судьбу в восприятии современников обретал очередной сборник стихотворений того или иного автора, претендовавший, как правило, на внутреннюю художественную цельность и структурную организованность. Как общий манифест направления прозвучало предисловие В. Брюсова к его книге "Urbi et orbi" (1903): в нем были теоретически осмыслены и обоснованы те требования, которым, по убеждению "мэтра" русского символизма, должно отвечать современное собрание стихотворений одного поэта, представляющее прежде всего личность автора в

ее законченном и разностороннем выражении. "Книга стихов, – писал Брюсов, – должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов – не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно"[18]. Брюсов со всей четкостью и с предельным лаконизмом высказал те несколько основоположений, которые станут общим правилом: в 1900–1910-е годы едва ли не все поэты, оставившие след в истории литературы или даже совсем неприметные, стремились строить свои стихотворные сборники как продуманное во внутренних соответствиях единство текстов, а нередко и как связное лирическое повествование[19]. Для Андрея Белого (пользовавшегося советами Брюсова при формировании "Золота в лазури") представление о поэтической книге как о внутренне замкнутом целом, реализующем выстраиваемый автором лирический сюжет, было аксиоматичным.

В ряде случаев символистские сборники стихотворений, будучи опубликованными впервые в определенном составе и композиции, при последую-

---

[18] *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 604–605.

[19] Ср.: *Долгополов Л.К.* Александр Блок. Личность и творчество. Изд. 2-е. Л., 1980. С. 118–119.

щих переизданиях своего облика не меняли. Наиболее характерный пример – книги К.Д. Бальмонта: изменения, вносившиеся поэтом в текст его книг, были единичными и незначительными. В этом отношении Бальмонт занимал принципиальную позицию. "Лирика по существу своему, – утверждал он, – не терпит переделок и не допускает вариантов. Разночтения лирического чувства или же лирически выраженной мысли ищут и должны искать у понимающего себя поэта нового и нового выражения – в виде написания новых, родственных стихотворений, а никак не в кощунственном посягновении на раз пережитое ⟨...⟩"[20]. Но большей частью наблюдалась иная картина: поэтические книги менялись от издания к изданию – иногда сохраняя определяющие черты своей внутренней структуры (например, у Брюсова при подготовке "сиринского" собрания сочинений изменения осуществлялись главным образом в направлении расширения состава прежних книг за счет стихотворений, ранее в соответствующие сборники не попадавших), а иногда и вовсе отрицая прежние композиции; так, Федор Сологуб, готовя собрание своих сочинений для издательства "Шиповник" (а позднее и для "Сирина"), полностью расформировал ранее изданные восемь стихотворных книг (в том числе и самую знаменитую из них – "Пламенный круг") и скомпоновал тексты заново в тома с новыми заглавиями ("Лазурные горы", "Восхождения", "Змеиные очи", "Жемчужные светила").

---

[20] *Бальмонт К.* Забывший себя // Утро России. 1913. № 179. 3 авг.

Сопоставление прижизненных изданий стихотворных книг А. Блока позволяет установить несколько последовательных стадий в авторской работе по формированию структуры своих сборников, каждая из которых по-разному, в различных тематико-стилевых тональностях, выявляла черты единого поэтического универсума. Первая стадия – формирование четырех сборников: "Стихи о Прекрасной Даме" (1905), "Нечаянная Радость" (1907), "Земля в снегу" (1908), "Ночные часы" (1911), – внутренняя структура которых почти ни в чем не совпадает со структурой "канонического" свода лирики Блока. Вторая стадия – трехтомное "Собрание стихотворений", выпущенное в свет "Мусагетом" в 1911–1912 гг., издание, в котором уже был реализован общий конструктивный принцип – идея трех этапов поэтического пути, отраженных в трех частях поэтического целого, – но с распределением текстов по разделам, в большинстве своем не имеющим соответствий в "каноническом" своде (неосуществленное "сиринское" издание стихотворений Блока должно было в основных чертах, судя по имеющимся данным, повторять "мусагетское"). Третья стадия – второе "мусагетское" издание "Стихотворений" в трех книгах (1916): стихи в нем были размещены по разделам, с которыми по сей день обычно имеет дело читатель, но отобраны тексты были с большей строгостью и избирательностью, чем при подготовке следующего издания, трехтомного собрания "Стихотворений" для издательства "Земля" (1918) и, следом за ним, для издательства "Алконост"; только на

этой – четвертой – стадии работы, незадолго до смерти поэта, окончательно определились состав и композиция блоковского трехтомного "романа в стихах", "трилогии вочеловечения".

В творческом развитии Блока и Андрея Белого прослежено немало совпадений, параллелей и соответствий; налицо они и в характере работы поэтов над переизданиями своих стихотворений, в стремлении сформировать весь корпус текстов таким образом, чтобы он служил воплощением определенной поэтической концепции, с годами эволюционирующей, по-новому раскрывающейся в сознании автора. Применительно же к "сиринскому" "Собранию стихотворений" Белого допустимо предположение о том, что опыт Блока, отраженный в первом "мусагетском" издании, послужил ближайшим и непосредственным образцом[21]. Показательно, что, разделив поначалу "Собрание стихотворений" на два тома, примерно равные по объему (в каждом – по сто с небольшим стихотворений), Белый затем из второго тома выделил третий

---

[21] Сохранился экземпляр первой книги "Собрания стихотворений" Блока (М.: Мусагет, 1911) с дарственной надписью: "Андрею Белому залог нерасторжимой связи. Александр Блок. Май 1911. СПб." (Литературное наследство. М., 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 35). По получении книги Белый писал Блоку (в конце мая 1911 г.): «... вчера читал вслух "*Стихи о Прекрасной Даме*"; опять, и опять, и опять радовался, что *такие стихи* есть в русской литературе; и *вот что главное: ничто не угасло* из того, *о чем* стихи; все только перенесено в другую плоскость; все ревниво оберегается молчанием, но оно *есть* в сердцах...» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 258).

("Зовы"). Общая композиция, утратив предварительно заданную внешнюю симметричность, обрела, однако, черты сходства с композицией блоковского "Собрания...", отражающего мифопоэтическую концепцию трех стадий в осуществлении творческого "я". Осознанно или неосознанно, но вослед Блоку шел Белый и в своем решении взять за основу размещения текстов внутри "Собрания..." хронологический принцип (в трех его ранее изданных поэтических книгах все стихотворения распределялись по тематическим разделам). Хотя в реализации этого принципа Белый не добивается неукоснительно точной хронологической последовательности, а в ряде разделов, обозначенных годом написания, выделяет также тематические подразделы, тем не менее установка на выявление линии собственной духовно-эстетической эволюции оказывается в данном случае доминирующей. Принятая Белым рубрикация "1901 год", "1902 год", "1903 год" и т.д. соотносится с аналогичными разделами в 1-й книге "мусагетского" "Собрания стихотворений" Блока ("Стихи о Прекрасной Даме", 1911): "1898", "1899", "1900" и т.д.

Опыт Блока по формированию своего "Собрания стихотворений", вероятно, был учтен Белым и тогда, когда он решил отказаться от кардинальной переработки значительной части ранних поэтических опытов, намеченных для нового издания. Руководством и в этом случае могло послужить краткое предисловие Блока к 1-му тому того же издания (1911), в котором были обозначены важнейшие конструктивные принципы, которыми руко-

водствовался автор: «Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать "романом в стихах": она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни»[22]. Доводы, к которым прибегает Белый, аргументируя в письме к Иванову-Разумнику (19 июня/2 июля 1914 г.) свое решение включить в состав нового издания многие заведомо несовершенные стихотворения без существенных изменений, – того же свойства: «...я перестал стыдиться своих технических несовершенств эпохи "*Золота в лазури*" и решил издать стихи в хронологическом порядке: пусть издание моих стихов выглядит рассказом о моей эволюции, как поэта ⟨...⟩ Ввиду того, что я считаю предлагаемые Вам стихи завершенным этапом моей поэзии, к которому я уже не вернусь, и ввиду того, что я теперь намерен писать стихи по-другому, я решил не слишком исправлять форму; так: я оставил стихи эпохи 1900–1902 года, несмотря ⟨на⟩ их наивность (в формальном смысле), потому что они мне кажутся *детскими* и *милыми* именно в их беспомощности и т.д. Те стихотворения, которые я

[22] *Блок А*. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 559.

переработал (их не слишком много), я оставил в переработанном виде»[23].

Представление о завершенности определенного жизненно-творческого цикла, ставшее для Белого исходным при формировании "Собрания стихотворений", было сопряжено с отчетливым осознанием кольцевой природы этого цикла. Еще в 1909 г., отчасти под воздействием сближения с Асей Тургеневой, в его мироощущении обозначился сдвиг от всеобъемлющего пессимизма и сладострастного "самосожжения" к исканию нового идеала, нового "пути жизни"; Белому открылась "вторая заря", воспринятая как новое обретение той, "первой", "зари", которая была явлена ему в юношеских мистических интуициях на рубеже веков. «Было время, когда я не пропускал ни одной зари; пять лет я следил за зорями, и наконец научился разговаривать с близкими мне по зорям, – вспоминал Белый о переживаниях, окрасивших для него первые годы нового века, в письме к Ф. Сологубу (5 июля 1909 г.). – ⟨...⟩ А потом замутились, разложились для меня зори: посмотришь – трупная шкура; и кровавая лапа бархатная: ляжет заря на сердце, оцарапает сердце – больно и горько. Я полюбил тогда то, что против зари: тусклую, мутную, синюю мглу. Ныне будто очистились зори, и опять "милые голоса" зовут... Опять ждешь с восторгом и упованием... Но чего же, чего?..»[24] Реминисценции юношеских "заревых" переживаний писа-

---

[23] *РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед.хр. 5.

[24] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 136.

тель ощущал как возвращение к себе самому, к своей подлинной духовной сущности; в таком ракурсе он осмыслял и свое, совершившееся в 1912 г., приобщение к антропософии Р. Штейнера: Белый не уставал заверять, что в учении и проповеди немецкого философа-оккультиста ему предстали в системном, многосторонне обоснованном воплощении те духовные импульсы и откровения, которые он бессознательно переживал на рубеже веков, улавливал в первых мистических "зовах". Рассказывая в письме к Блоку о том, что дало ему "ученичество" у Штейнера, Белый подчеркивал: «...эти 5 месяцев ⟨...⟩ мы с Асей переживаем *сквозь все* старое, вечно-знакомое, милое и грустное: переживаем сознательней и полнее – все то же: эпоху "*Прекрасной Дамы*" и "*2-ой симфонии*": в 1912-ом году – 1902-ой год. *Но повторяю:* на этот раз переживаю я все это не как одержимый, влюбленный в неизвестное, а как муж:

Образ возлюбленной – Вечности
Встретил меня в горах, и т.д.»[25]

Цитата из стихотворения Белого десятилетней давности, таким образом, оказывается отвечающей новым, самым живым и актуальным, настроениям автора; конец пройденного пути соотносится с началом, отчетливо вырисовывается во всех своих стадиях и самый путь, вехи которого – годы: они же диктуют новый принцип циклизации формирую-

[25] Письмо от 28 декабря 1912 г. / 10 января 1913 г. // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 310.

щегося "Собрания стихотворений". Индивидуальная творческая эволюция получает дополнительный мифопоэтический смысловой акцент – осознается как возвращение к исходному, но обновленному "я" сквозь лабиринты блужданий и соблазны преодоленных "искушений". Закономерно при этом стремление автора, пересматривающего и переоценивающего всю совокупность написанного им в стихах, отобрать и сгруппировать тексты в соответствии с этим новым знанием о своем пути, о его смысле и внутренней логике. Важнейшей задачей становится избавление от всего случайного и несовершенного – от того, что в ранее изданных поэтических книгах, возможно, было уместно и оправданно, но для нового, итогового сборника, цель которого – раскрытие поэтической индивидуальности на ее сложном пути к самой себе, оказывается избыточным. В частности, во многом случайными в первых сборниках были посвящения стихотворений различным лицам из широкого круга друзей и знакомых Белого; в новом издании подавляющее большинство их снимается («...я хотел бы, – писал в этой связи Белый Иванову-Разумнику, – чтобы все *посвящения* (их много), которые я не воспроизвел в рукописи сызнова, не перепечатывались бы. Посвящение имеет цену, если оно есть действительно посвящение, а не просто *визитная карточка*: посвящения "*визитные карточки*" я уничтожил»)[26]. Не попадают в новое

[26] Письмо от 19 июня / 2 июля 1914 г. // *РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 5.

издание и некоторые "случайные" стихотворения из прежних книг – те, в которых лишь тиражируются образные мотивы, уже прозвучавшие в не менее характерных произведениях. Примечательно в этом отношении, что из "Золота в лазури" в "Собрание стихотворений" не вошли главным образом тексты, расположенные в заключительных частях разделов книги: видимо, отбирая (а зачастую и кардинально перерабатывая) стихотворения, Белый двигался в линейной последовательности и, переходя ко второй половине каждого раздела, находил, что известная образно-тематическая совокупность текстов уже достаточно репрезентативно отражена в новой композиции. Такой во многом "механический" подход не мог не повлечь существенных утрат: например, из заключительной части раздела "Багряница в терниях" в "Собрание..." не вошли столь характерные для раннего Белого стихотворения, как "Мои слова" (позднее включавшееся в хрестоматии) и "С.М. Соловьеву" ("Сердце вещее радостно чует..") – одно из наиболее прочувствованных поэтических исповеданий мистических чаяний 1901 г. Обращает на себя внимание и несогласованность текста предисловия, в котором говорится о включении в "Собрание..." драматического отрывка "Пришедший"[27], с макетом издания, в котором это произведение отсутствует: видимо, здесь сказывается также элемент случайности или вынужденная спешка с подготовкой книги.

---

[27] См. с. 4, 350 наст. изд.

"Собрание..." состоит преимущественно из текстов, ранее входивших в три книги стихов Белого; к ним добавлены 15 стихотворений, написанных в 1909–1914 гг. (еще одно позднейшее стихотворение – "Сквозь фабричных гудков..." (1914) – по неясным причинам оказалось включено в раздел "1903 год"). Основной корпус книги образуют выстроенные в хронологической последовательности стихотворения из "Золота в лазури" (1901–1904), первой поэтической книги Белого, насыщенной мажорными интонациями, вдохновенными предчувствиями мистико-апокалипсического преображения мира, пафосом оптимистического дерзания и мифопоэтического, "сказочного" воспарения над действительностью; за ними следуют стихотворения 1904–1908 гг., ранее распределенные по сборникам "Пепел" и "Урна" и представляющие собой идейный, образный, тематический и стилевой антитезис по отношению к "Золоту в лазури": вместо литургии "зорь" и восторженной "мистерии" – "тусклая, мутная, синяя мгла", трагедия разуверения и безысходности, вместо условно-фантастических и стилизованных образов – реальные картины, насыщенные натуралистическими подробностями, развернутая панорама современной "больной России", В обеих книгах господствуют горькие, пессимистические настроения, в обеих звучит единый мотив страдания, изливается исповедь страдающего поэта (в личном плане отражающая историю неразделенной любви Белого к Л.Д. Блок), и в этом смысле они сопоставимы с "Золотом в лазури" главным образом по контрасту; но в то же время

"Пепел" и "Урна" составляют и в отношении друг друга контрастную пару: в первой книге задают тон стихи о России, исполненные широкого общественного звучания, во второй – непосредственно личные, камерные сюжеты; в "Пепле" щедро выплескиваются эмоции, в "Урне" доминируют раздумья, настроения "философической грусти" (согласно названию одного из разделов); в "Пепле" Белый часто пробует высказаться через разноголосицу "чужих" голосов, в "Урне" старается не покидать четко очерченных пределов своего лирического "я". "Урна" в особенности резко.противостоит "Золоту в лазури" еще и благодаря тому, что импровизационной лирической стихии, господствовавшей в книге ранних стихов, в позднейшем сборнике явно предпочтена установка на тщательное исполнение поэтического задания, ограниченного сугубо "художественными" критериями. Ориентируясь на медитативную лирику Пушкина, Баратынского, Тютчева, проходя "школу" формы, творческой выдержки и самодисциплины у Брюсова, Белый сумел объединить в "Урне" многие из наиболее совершенных образцов своей лирики.

Последнее обстоятельство, видимо, вполне осознавалось автором, когда он комплектовал "сиринское" "Собрание стихотворений": из 64 стихотворений, составляющих "Урну", в него вошло 58 – т.е. книга представлена почти в полном объеме, причем доля переработанных для нового издания текстов, если сравнивать с "Золотом в лазури" и "Пеплом", минимальна. Совсем иначе Белый распорядился двумя другими книгами. Из "Золота в

лазури" в "Собрание..." не попало 29 стихотворений (а также целиком нестихотворный раздел книги – "Лирические отрывки в прозе"), из включенных 75 стихотворений многие переработаны самым радикальным образом (по первоначальным же замыслам Белого относительно "Золота в лазури" правке должно было подвергнуться гораздо большее количество текстов). При этом Белый, переживавший апогей "второй зари", отнюдь не стремился, возвращаясь к произведениям периода "первой зари", собранным в "Золоте в лазури", внести в них какие-то существенно новые смысловые акценты: задачу свою он видел в том, чтобы рукой зрелого мастера обновить юношеские незрелые опыты, довести их до художественно приемлемого уровня, устранить родимые пятна "детскости", образной банальности, стилевой шероховатости; подлинность былого переживания он пытался подкрепить подлинностью и безупречностью его художественного воплощения. Однако, принимаясь за усовершенствование своих ранних текстов, Белый предавался этой работе, как правило, с самозабвенной безудержностью, в результате чего на руинах прежнего художественного строения возникало нечто новое, зачастую лишь отдаленно напоминающее свой прообраз. Примеры такой переработки встречаются в "Собрании... "преимущественно среди "бывших" стихотворений из "Золота в лазури": стихотворения "Весна" ("В весенние волны зари..."), "Владимир Соловьев", "Отошедшему другу", "Старинный друг" ("Старинный друг, к тебе я возвращался..."), "Возврат", "Зов"

("Над говором струй...") и некоторые другие в новых редакциях – это, по сути, новые произведения, написанные по прежней образной канве, иные из них по своему художественному строю оказываются гораздо ближе к стихотворениям Белого 1910-х годов, чем к своим "прототипам" десятилетней давности.

Если основной причиной сокращений и переработки текстов из "Золота в лазури" в ходе оформления новой поэтической композиции были их формальные, "технические" несовершенства, то в отношении стихотворений из "Пепла", не попавших в новое издание, такое объяснение едва ли было бы правомерным. Между тем из 101 стихотворения "Пепла" в "Собрание..." не вошло 30 стихотворений. Наибольшим сокращениям подверглись первые разделы книги: "Россия" (21 стихотворение; изъято 7), "Деревня" (11 стихотворений; изъято 9), "Паутина" (8 стихотворений; изъято 5) – разделы, в которых эпические мотивы преобладают над лирическим самовыражением. Не подошли для новой книги в большинстве своем те стихотворения, которые в 1908 г. дали основание Белому посвятить "Пепел" памяти Некрасова и декларировать в предисловии: "Жемчужная заря не выше кабака, потому что то и другое в художественном изображении – символы некоей реальности 〈...〉 "[28] Такое решение во многом мотивируется определяющей авторской установкой на отражение индивидуальной духовной эволюции;

[28] *Белый А.* Пепел. СПб., 1909. С. 7.

сюжетные стихотворения из народной жизни, попытки передать живой голос социальных "низов" могли в этом свете показаться "лишними", уводящими в сторону от общего замысла. Характерно, что те разделы "Пепла", в которых сосредоточены по преимуществу стихотворения интимно-исповедального звучания, представлены в "Собрании..." с максимальной полнотой: из раздела "Безумие" (16 стихотворений) изъято только 3 стихотворения, а раздел "Просветы" (18 стихотворений) обошелся вообще без изъятий. Но не только авторское предпочтение "лирике" перед "эпикой" сказалось в ходе "селекции" "Пепла" – сказалось и явное стремление рассеять беспросветный мрак, надо всем доминировавший в книге, и тем самым усилить значение "просветов" в общей картине (видимо, и в этом – причина возрастания ценностного статуса соответствующего раздела "Пепла").

Ради исполнения такой задачи Белый пожертвовал многими безусловными шедеврами своей поэзии. В новое издание не вошло открывавшее "Пепел" стихотворение "Отчаянье", с его надрывными заклинаниями:

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Не вошло и стихотворение "Родина":

Роковая страна, ледяная,
Проклятáя железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

Не вошли и многие стихотворения, в которых Россия предстает бесконечным выморочным пространством, где царят нищета, бесплодие и убожество:

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у грудей: –
Там – убогие стаи избенок,
Там – убогие стаи людей.

("Из окна вагона")[29]

Показательны и отдельные сокращения, сделанные в стихах, включенных в "Собрание...": так, в стихотворении "Бегство" изъяты строфы, в которых образ России предстает в столь же безысходно трагическом свете ("Пустынная, торная весь", "злой полевой небосклон", "страна моя хмурая"). Налицо последовательно осуществленное желание автора преодолеть былой "нигилизм", сделать чувство отчаяния, вынесенное от встречи с родиной, не столь всеобъемлющим, каким оно представало в "Пепле".

Разумеется, в этом уже определенно сказывался взгляд на "Пепел" из 1914 г. – из другого периода духовного самосознания, когда Белый чувствовал себя прочно стоящим на вновь обретенных жизненных путях и видел теперь главную творческую задачу в том, чтобы указать на эти, казавшиеся ему спасительными, пути, а не погружаться вновь в пучину гибельного исступления. 19 апреля/2 мая 1914 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...у меня теперь чувство вины: написал 2 романа и

---

[29] Там же. С. 14, 67, 21.

подал критикам совершенно справедливое право укорять меня в нигилизме и отсутствии положительного *credo* ⟨...⟩ Теперь хочется сказать публично, "*во имя чего*" у меня такое отрицание современности в "Петербурге" и "Голубе"»[30]. То же самое Белый мог сказать и в отношении своих "нигилистических" книг "Пепел" и "Урна"; и если попытка компенсировать "отрицание современности", декларированное в "Серебряном голубе" и "Петербурге", реальных результатов не дала (третья часть трилогии, задуманная под заглавием "Невидимый Град", не была осуществлена), то в области поэтического творчества контраргумент "Пеплу" и "Урне" прозвучал уже в 1909 г. Все стихотворения 1909–1914 гг., включенные в "Собрание..." и позднее вошедшие в книги Белого "Королевна и рыцари" и "Звезда", – это уже новое мифотворчество, с программными ретроспекциями из эпохи "зорь", новая попытка ясного и убежденного благословения миру и зиждительным духовным силам.

И тем не менее, даже в 1914 г., находясь в другой полосе духовного развития, Белый не пытается сгладить и приглушить те симптомы внутреннего кризиса, которые сказались в его прежних стихах лично-исповедального характера: эти стихи перенесены в "Собрание..." из "Урны" и "Пепла" почти в полном объеме и без существенных изменений, корректирующих общую картину. За пределами нового издания остались в основном стихотворения "объективного" плана, претендующие

---

[30] *РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 5.

на создание целостного образа России, явленного как в лирических восприятиях, так и в "жанровых" зарисовках. Образ России, прорисованный на страницах "Пепла", явно не согласовывался с новыми представлениями Белого о своей родине, о ее судьбе и предназначении. Определенные "почвеннические" тяготения обозначились у него вполне явственно в 1911 г. ("...мы, слава Богу, русские – *не Европа*; надо свое неевропейство высоко держать, как знамя"[31], и т.п.) и могли только укрепиться в ходе приобщения к антропософии. Согласно утверждениям Штейнера об эпохах мирового культурного развития, в грядущей шестой эпохе "самодуха" (Geistselbst) во всей полноте суждено проявиться духу русского народа, заключенному в нем ощущению Христа и живительным для последующего мирового развития свойствам – предрасположенности к духовному творчеству, способности к целостному мышлению, объединяющему мистическое и интеллектуальное начала, миролюбию, молодости русской культуры в сравнении с западноевропейской и т.д.[32] Столь безусловный авторитет, как Штейнер, мог только стимулировать Белого в мистическом осознании образа России как "мессии грядущего дня"; провозгла-

---

[31] Письмо Белого к А.М. Кожебаткину (Иерусалим, 30 марта/12 апреля 1911 г.)// Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 170 (публикация Н.В. Котрелева).

[32] См.: *Майдель Р. фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник XI. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 917). Тарту, 1990. С. 68–69.

шенное в августе 1917 г., уже под знаком свершившейся революции, такое исповедание веры в Россию и ее мировое призвание вынашивалось в течение ряда лет антропософского "посвящения", включавших и тот непродолжительный отрезок времени, когда создавалось "сиринское" "Собрание стихотворений".

Подготовка этого неосуществленного издания была лишь первым опытом Белого по переработке и композиционному переоформлению своего поэтического наследия. Уже два года спустя, осенью 1916 г., вернувшись в Россию, он принялся готовить к переизданию "Золото в лазури" для московского издателя В.В. Пашуканиса (унаследовавшего делопроизводство "Мусагета"); на этот раз Белый стремился с еще большим рвением устранить следы юношеской незрелой версификации[33]. Издание не состоялось, и даже результаты авторской работы исчезли; в "Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей" Белый указывает: «Заново переработанный материал стихов "*Золота в лазури*", приготовленный к печати в виде сборника *"Зовы времен"* и уже сданный в набор издателем; рукопись исчезла при аресте издателя Пашуканиса»[34]. Не осуществилось и еще одно издание

---

[33] См.: *Malmstad John E.* Introduction. P. 30–31.

[34] *ГПБ*. Ф. 60. Ед. хр. 31. 4 февраля 1917 г. в газете "Утро России" появилось сообщение о том, что Андрей Белый подготовил к изданию свои стихотворения в трех томах: том 1-й, "Набат времен", включает стихотворения 1900–1904 гг.; том 2-й, "Россия" – стихотворения 1905–1908 гг.; том 3-й, "Зовы", – стихотворения 1909–1918 гг. Год спустя в корреспонденции

стихотворений, готовившееся в 1920 г. Новую версию своего поэтического творчества Белый предложил в сборнике "Стихотворения", изданном в Берлине в 1923 г. издательством З.И. Гржебина. Многие редакции произведений перешли в эту книгу из макета "сиринского" сборника, но части и разделы, по которым в ней были распределены тексты, не имели с прежней хронологической композицией ничего общего, хотя в целом и отражали важнейшие стадии в духовном и идейно-эстетическом развитии поэта. Хронология в данном случае подчинялась идее построения внехронологического лирического сюжета, только отчасти совпадающего с реальной поэтической эволюцией автора, отраженной в "линейной" последователь-

---

В. Держановского были сообщены более подробные сведения о готовившемся издании: «Новое издание стихотворений Андрея Белого, предпринятое В.В. Пашуканисом, откроется сборником "Зовы времен". Сюда войдут стихи из книги ⟨...⟩ "Золото в лазури", во многом, однако, переработанные и дополненные пьесами, ранее не появлявшимися в печати. Но, внося поправки и дополнения, автор, тем не менее, отнюдь не нарушает стиля и характера своих юношеских пьес. Он вновь сливается с настроениями раннего периода своего творческого пути, хотя переживания эти носят как бы ретроспективный характер. Впрочем, в главном и существенном основной текст "Золота в лазури" останется неизменным. Первый том стихотворений уже сдан в печать и, если типографические и бумажные "условия момента" не создадут неожиданных препон, должен выйти приблизительно через месяц – полтора. Второй том собрания стихотворений будет озаглавлен – "Россия". В него войдут стихи, ранее собранные в книге "Пепел" и, отчасти, в "Урне"» (Знамя труда. 1918. № 2 (июль). С. 32. Подпись: В.Д.).

ности выходивших в свет стихотворных сборников. Из семи частей этой книги лишь три по составу, композиции и фактуре текстов имеют полное (или почти полное) соответствие с ранее изданными книгами Белого – поэма "Христос воскрес", "Королевна и рыцари" и "Звезда"; остальные четыре части – примерно три четверти объема всей книги – это впервые появившиеся, по всем компонентам новые поэтические единства.

В 1925 г. Андрей Белый подготовил план очередного стихотворного собрания, и хотя "скелет тома" замышлялся таким же, как в "гржебинском" издании 1923 г., в проекте уже были намечены некоторые изменения. Четыре версии текста имеет книга "Пепел" (не учитывая соответствующих разделов в собраниях стихотворений) – две изданных (1909 и 1929 гг.) и две неизданных (1921 и 1925 гг.). Над новым двухтомным собранием стихотворений Белый работал в начале 1930-х годов – и опять же мы встречаемся с новой волной "творимого творчества" – с новыми редакциями текстов (иногда лишь отдаленно напоминающими свои первоисточники), новыми заглавиями, новым составом, новой композицией. В этих бесконечных экспериментах по созданию из "старого" стихотворного материала новых поэтических произведений сказывается характернейшая общая особенность творческого процесса автора, впервые наглядно – хотя еще и сравнительно сдержанно – продемонстрированная при подготовке "сиринского" "Собрания стихотворений". Являя собой своего рода гераклитовский тип художнической личности, реализую-

щейся в непрерывном процессе изменения и возникновения, Андрей Белый фатально не мог войти дважды в одну и ту же творческую стихию, и даже если намеревался лишь повторить, тиражировать (пересмотрев и немного усовершенствовав) однажды созданное, на деле это стремление означало – пересоздать.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Собрание стихотворений" Андрея Белого печатается впервые по макету издания, подготовленному автором в 1914 г. для издательства "Сирин" и сохранившемуся в архиве Белого: *РГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1 (т. 1), 3 (т. 2), 4 (т. 3 – "Зовы").

Передавая летом 1932 г. "Собрание стихотворений" вместе с другими рукописями на государственное архивное хранение, Белый приложил к тексту пояснительную записку:

"Двухтомное собрание стихов, приготовленное для "Сирина" в 1914 году в Арлесгейме (в Швейцарии).

Не состоялось ввиду того, что К⟨нигоиздательст⟩во "Сирин" в 14-ом же году прекратилось.

Стихотворения эпохи "*Золота в лазури*", помещенные в этом издании, слегка правлены; окончательная переработка всего сборника вошла в сборник "*Зовы времен*" (ред⟨акция⟩ 1926–1931 года), приложенный к архиву.

Автор" (*РГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1, л. 2).

При подготовке "Собрания стихотворений" Андрей Белый пересмотрел заново свои ранее изданные поэтические книги ("Золото в лазури", "Пепел", "Урна"), отобрал входившие в них стихотворения (многие – в исправленном, зачастую кардинально переработанном виде), а также ввел в состав "Собрания..." стихотворения, написанные после выхода в свет названных книг. Макет нового издания состоит из бело-

вых автографов стихотворений (некоторые – с правкой), машинописных текстов и печатных текстов – листов из трех упомянутых поэтических книг (некоторые – с правкой). Находясь во время составления "Собрания..." в Швейцарии, Белый не располагал свободными экземплярами своих книг, в связи с чем писал Иванову-Разумнику (редактировавшему издания "Сирина") 19 июня/2 июля 1914 г.: "...я не мог переписать все три сборника. Поэтому я переписал лишь некоторые стихи (главным образом те, которые переработал); те же, которые остаются без изменения, я распределил так, что на соответственном месте я пишу: название стихотворения, сборник, в котором оно напечатано, страницу; а если в перепечатываемом стихотворении есть сокращение, то я приписываю просьбу вычеркнуть *такую-то строфу*" (*РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 5). Макет "Собрания стихотворений" отвечает предложенному "технологическому" принципу: во многих случаях вверху листа рукой Белого (или А.А. Тургеневой) написано название произведения и дано указание на его местонахождение (например: «*Утешение* ("Золото в лазури", стр. 166)»), на свободном пространстве листа либо вклеен указанный лист печатного текста, либо этот текст перепечатан на машинке. В примечаниях к каждому стихотворению указывается форма воспроизведения текста. В беловых автографах, входящих в "Собрание...", начало всех стихотворных строк обозначено прописными буквами, что послужило основанием сделать соответствующие исправления в машинописных и печатных текстах из "Золота в лазури" (в этой книге стихотворные строки, не начинающиеся после точки, обозначены строчными буквами).

В примечаниях стихотворения, вошедшие в "Собрание...", характеризуются в сопоставлении с теми их публикациями и первоначальными редакциями, кото-

рые были представлены в книгах "Золото в лазури", "Пепел", "Урна", а также в публикациях стихотворений в периодических изданиях, сборниках и альманахах. При этом приводятся основные варианты отдельных стихотворных строк и строф; другие редакции текста, кардинально отличающиеся от представленных в "Собрании стихотворений", не воспроизводятся. Помимо кратких текстологических сведений, в примечаниях даются также по необходимости краткие пояснения историко-литературного, реального и биографического характера (с учетом данных, сообщаемых в примечаниях Н.Б. Банк и Н.Г. Захаренко в кн.: Белый Андрей. Стихотворения и поэмы. ("Библиотека поэта", Большая серия). М.; Л., 1966). В текстологических справках использован опыт лучшего на сегодняшний день научно подготовленного издания поэтического наследия Андрея Белого (Стихотворения в трех томах. München; Wilhelm Fink Verlag, 1982–1984), осуществленного американским славистом Джоном Мальмстадом; 3-й том этого издания содержит составленный Дж. Мальмстадом подробный (академического типа) текстологический комментарий, дающий исчерпывающую характеристику всех автографов стихотворений Белого, оказавшихся доступными исследователю, и подробные сведения об истории текста каждого стихотворения с воспроизведением других редакций и вариантов текста.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГЛМ – Гос. Литературный музей, отдел рукописей (Москва).

Гриф – Альманах к⟨нигоиздательств⟩а "Гриф". М., 1905.

Звезда – Белый Андрей. Звезда: Новые стихи. Пб.: Гос. изд-во, 1922.

ЗЛ – Белый Андрей. Золото в лазури. М.: Скорпион, 1904.

Корона – Корона. М., 1908. [Кн.] 1.

КР – Белый Андрей. Королевна и рыцари: Сказки. Пб.: Алконост, 1919.

Материал к биографии – Белый Андрей. Материал к биографии (1923) // *РГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3.

Пепел – Белый Андрей. Пепел. СПб.: Шиповник, 1909.

Переписка – Александр Блок и Андрей Белый. Переписка / Редакция, вступ. статья и комментарии В.Н. Орлова. М., 1940 (Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 7).

РГАЛИ – Российский гос. архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской гос. библиотеки (Москва).

Стихотворения – Белый Андрей. Стихотворения. Т. 3: Примечания к стихотворениям / Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. München; Wilhelm Fink Verlag, 1982.

СЦ – Северные цветы: 3-й альманах книгоиздательства "Скорпион". М., 1903.

Урна – Белый Андрей. Урна: Стихотворения. М.: Гриф, 1909.

⟨Предисловие⟩

Беловой автограф с правкой (дата: "Арлесгейм. 2 июля н.ст.") и машинопись. Печатается по машинописному тексту (*РГАЛИ*. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5–6).

В автографе после абзаца "Что касается ∽ при всей симптоматичности самих стихотворений" зачеркнуто:

"Далее: автор уничтожил ряд случайных посвящений, оставив лишь те из них, которые и доселе остались в силе.

В отделе стихотворений 1909 года автор оставил пустую страницу там, где перебой в настроении стихотворений совпал ⟨с⟩ важным моментом в развитии самого автора" (Там же. Л. 4).

...за исключением стихотворения "Шутка" – Вписано от руки. Стихотворение "Шутка" (*Звезда*. С. 24–26 – с датировкой: 1915. Дорнах; впервые: Явь: Стихи. М., 1919. С. 22–23 – под заглавием "Паяц") в корпусе "Собрания стихотворений" отсутствует.

"*Пришедший*" – в "Собрании стихотворений" отсутствует. Это произведение (впервые: *СЦ*. С. 2–25) представляет собой переработанный фрагмент мистерии Белого "Антихрист", сохранившейся в черновых рукописях (см.: *Belyj Andrej*. Antichrist. Edizione e commento di Daniela Rizzi. Trento, 1990).

ТОМ ПЕРВЫЙ

⟨1901 ГОД⟩

Закат ("*Бледнокрасный, весенний закат догорел...*")

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 253 (в разделе "Багряница в терниях") – под заглавием "На закате", с датировкой: 1901. В автографах (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 94–95) датировано: 1901 года. Апрель.

Один ("*Окна запотели...*")

Машинопись; зачеркнуто: "посв. Сергею Львовичу Кобылинскому". Впервые: *ЗЛ*. С. 170 (в разделе "Образы", с посвящением Сергею Львовичу Кобылинскому). В автографе (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 64) датировано: 1900 года. Декабрь.

Призыв

Печ. текст (*ЗЛ*; ст. 1–16), машинопись (ст. 17–24). Над текстом – черновой автограф (вариант 1-й стро-

фы), справа – его расшифровка рукой Иванова-Разумника:

Призывно-грустный шум ветров –
Призывно-грустный шум молений.
От покосившихся крестов –
Перекосившиеся тени.

Впервые: *СЦ*. С. 35 (в составе цикла "Призывы", датированного: 1901–1902) – без заглавия, посвящения и деления на строфы; между ст. 20 и 21:

И снова веришь прежним снам.
Но ветер северный несется:
Среди могил то тут, то там
Как будто шепот раздается.

ЗЛ. С. 223–224 (в разделе "Багряница в терниях").

Михаил Сергеевич *Соловьев* (1862–1903) – педагог, переводчик; брат Вл.С. Соловьева и издатель его сочинений. Скончался в Москве 16 января 1903 г. (обстоятельства смерти подробно описаны Белым в мемуарах; см.: *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 221–226). С М.С. Соловьевым и его женой Ольгой Михайловной, а также с их сыном Сергеем Белый был знаком с конца 1895 г. – со времени их вселения в тот дом на углу Арбата и Денежного переулка, в котором проживала семья Бугаевых. М.С. Соловьев оказал исключительно сильное воздействие на духовное и идейно-эстетическое формирование Белого. "Михаил Сергеевич Соловьев был, воистину, замечательною фигурою: скромен, сосредоточен, – таил он огромную вдумчивость, проницательность, мудрость; соединял дерзновенье искателей новых путей он с дорическим консерватизмом хорошего вкуса ⟨...⟩ М.С. был подлинным инспиратором Владимира Соловьева; лишь он понимал до конца степень важности теософических устремлений покойного. М.С. был вдвойне замеча-

телен: он был не менее, если не более замечателен своего знаменитого брата 〈...〉" (*Белый Андрей.* Воспоминания о Блоке // Эпопея. № 1. М.; Берлин, 1922. С. 128).

"Сомненье, как луна, взошло опять..."

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ.* С. 27 (в разделе "Золото в лазури") – 1-е стихотворение цикла "Не тот" (1903); вариант ст. 8: "Великий Бог!.." Автограф в *РГБ* под заглавием: "Посвящается Фр. Ницше", с датировкой: 1901 года, сентябрь; перед строфой 1 – зачеркнутая строфа:

Тоскуем на заре и ждем любви,
Давно ее уж ждем...
Благослови
Своим крестом!

"Венки засохли, и тоги – смяты..."

Беловой автограф с правкой. Переработано из строф 2, 4, 5 5-го стихотворения из цикла "Не тот" (1903; впервые: *ЗЛ.* С. 32–33 – в разделе "Золото в лазури").

Священные дни

Беловой автограф с правкой. Сокращенная и переработанная редакция одноименного стихотворения (впервые: *ЗЛ.* С. 251–252 – в разделе "Багряница в терниях", с посвящением П.А. Флоренскому и с датировкой: 1901); изъяты строфы 1, 2, 7–10 первоначальной редакции, остальные строфы даны в последовательности: 5, 6, 3, 4, 11, 12.

Возмездие

Беловой автограф с правкой. Впервые: *СЦ.* С. 36–38 (под заглавием "Четыре отрывка", в составе цикла "Призывы"). *ЗЛ.* С. 228–230 (в разделе "Багряница в

терниях", с посвящением Эллису и с датировкой: 1901). Два автографа (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 83–84) датированы: 1901 г. октябрь; в одном из автографов – посвящение Фр. Ницше и приписка: "Ницше – кентавр, Ницше – чайка, Ницше – экзотичен..."

Основные варианты первой публикации (отсутствует деление на строфы):

5–6 Грустный вздох полусонного кедра.
Тихий шелест: "Неси же свой крест..."

49–50 Черный бархат усыпан так щедро
Бесконечностью огненных звезд.

Варианты *ЗЛ*:

10–12 как утес мне грозится сквозь мглу.
Я кричу, что осилю все кручи,
не отдам себя в жертву я злу.
13–17 И все выше и выше всхожу я.
И все легче и легче дышать.
Крутизны и провалы минуя,
начинаю протяжно взывать.

Се, кричу, вдохновенный и дикий:
21–28 И опять я подкошен кручиной.
Еще радостный день не настал.
Слишком рано я встал над низиной,
слишком рано я к спящим воззвал.

И бегут уж с надеждою жгучей
на безумные крики мои,
но стою я, как идол, над кручей,
раздирая одежды свои.

18 "*Иммануил грядет! С нами Бог!*" – "Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог" (Мф I, 23; Ис VII, 14).

Жизнь ("*Сияя перстами, заря рассветала...*")

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 167–168 (в разделе "Образы", с посвящением Г.К. Балтрушайтису – т.е. Георгию (Юргису) Балтрушайтису). В автографе (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 61–62) датировано: 1901 года. Июль. Серебряный-Колодезь.

Утешение

Машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 166 (в разделе "Образы"). Первоначальная редакция стихотворения (*Стихотворения*. С. 60) датирована: 1897 июнь. Даниловка.

Опять один

Беловой автограф (опубликован: *Стихотворения*. С. 89–90). Переработанная редакция стихотворения "Одиночество" ("Я вновь один. Тоскую безнадежно..."; впервые: *ЗЛ*. С. 247–248 – в разделе "Багряница в терниях", с посвящением Вл. Серг. Соловьеву и датировкой: 1901). В автографах (*РГБ*; воспроизведены в кн.: *Стихотворения*. С. 90–92) датировано: 1901 г. сентябрь.

1902 ГОД

Великан ("*Поздно уж, милая, поздно... усни...*")

Беловой автограф с правкой. Впервые: *СЦ*. С. 33–34 (под заглавием "Великан. 1" в составе цикла "Призывы"). *ЗЛ*. С. 107–108 (в разделе "Образы") – 1-я часть одноименного стихотворения в 5 частях, датированного: 1902. В автографах (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 34–35) датировано: 1901 г. Март.

Варианты *ЗЛ*:

14 Ах, это верно был призрак ночной...
21–23 "Все это бредни... Мы в поле одни...
Влажный туман
Нас, как младенцев, укроет в тени..."

Сказка

Беловой автограф с правкой. Сокращенная (изъяты строфы 4, 5) и переработанная редакция 3-й части стихотворения "Великан" в 5 частях (впервые: *ЗЛ*. С. 109–110 – в разделе "Образы"). Варианты *ЗЛ*:

10 На челе были складки кручины.
12 что он стар, что немые годины,
18–20 Разражались ненастные грозы.
На щеках старика
заблистали алмазные слезы.

В первоначальной редакции (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 37–38) датировано: 1900 года. Август. Москва.

Дети

Беловой автограф. Впервые: *СЦ*. С. 34–35 (под заглавием "Великан. 2" в составе цикла "Призывы"). Тот же текст: *ЗЛ*. С. 108–109 (в разделе "Образы") – без заглавия, 2-я часть стихотворения "Великан" в 5 частях, с посвящением Сергею Михайловичу Соловьеву. Варианты *ЗЛ*:

5–8 мучимы вечным обманом
скучным и бедным...
Ветер занес их туманом
мертвенно-бледным.
13–14 Как он, блуждая, смеялся
в эти минуты...
16 ветром надутый.
17 Тополи горько вздохнули...

Кентавр

Печ. текст (*ЗЛ*) с предварительными черновыми набросками правки. Впервые: *СЦ*. С. 31 (под заглавием "Кентавр. 1", в составе цикла "Призывы", с вариантами отдельных строк). *ЗЛ*. С. 124–125 (в разделе "Образы", с посвящением В.В. Владимирову). В автографе (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 45–46) датировано: 1901 года, июль; датировка другого автографа (*РГБ*): 1901 года ноябрь. Серебряный Колодезь – определенно, ошибочна (в имении Серебряный Колодезь Белый жил в летние месяцы 1901 г.). В автографах после заключительной строфы следует еще одна:

И вот, как и прежде, я еду один
Средь дико шумящих, сосновых вершин.
Я знаю, товарищ, ты слышишь мой зов!..
И снова промчишься из бездны веков.
И снова, могучий, средь яркого дня
Дождем незабудок осыпешь меня!

Образ *кентавра* в стихотворениях Белого начала 1900-х годов вписывался в систему игровых мифотворческих построений, бывших важным элементом поэтического мироощущения; ср. дневниковую запись В.Я. Брюсова (осень 1903 г.): "Бугаев заходил ко мне несколько раз. Мы много говорили. Конечно, о Христе, Христовом чувстве... Потом о кентаврах, силенах, о их бытии. Рассказывал, как ходил искать кентавров за Девичий монастырь, по ту сторону Москва-реки" (*Брюсов В*. Дневники. 1891–1910. ⟨М.⟩, 1927. С. 134). В позднейших мемуарах Белый разъяснял: «...мифологический жаргон наших шуток теперь непонятен: ну кто станет затеивать в полях "галоп кентавров", как мы, два химика и этнограф (я, С.Л. Иванов, В.В. Владимиров)? Но "кентавр", "фавн" для нас были в те годы не какими-нибудь

"стихийными духами", а способами восприятия ⟨...⟩ образы полотен Штука, Клингера, Беклина; музыка Грига, Ребикова; стихи Брюсова, мои полны персонажей этого рода; поэтому мы, посетители выставок и концертов, в наших шутках эксплуатировали и Беклина, и Штука, и Грига ⟨...⟩» (*Белый Андрей.* Начало века. С. 18).

Битва кентавров

Беловой автограф. Сокращенная (изъяты строфы 4–8, 10) и переработанная редакция текста в *ЗЛ*. Впервые: *СЦ*. С. 32–33 (под заглавием "Кентавр. 2", с посвящением Ф. Штуку, в составе цикла "Призывы"). *ЗЛ*. С. 128–130 (в разделе "Образы"). В автографе (*РГБ*) подзаголовок: "По Штуку"; датировка: 1902 года, апрель. Варианты *ЗЛ*:

10 в крови весь на грунте изрытом.
14 Он взором блистает орлиным.
18 чтоб кинуть в седую пучину.
20 объявшей немую картину.

Песнь кентавра

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 131–132 (в разделе "Образы"), с датировкой: 1902. В автографах (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 47–48) – под заглавием "Буревой кентавр", с посвящением: "Посв. Ницше"; датировка: 1901 г. октябрь.

Утро ("Грядой пурпурной...")

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 133–135 (в разделе "Образы"), с датировкой: 1902. Автограф первоначальной редакции (*РГБ*; *Стихотворения*. С. 49) датирован: 1901 года, октябрь, 13-го.

Гном

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 45–46 (в составе цикла "Возврат") – первоначальная редакция. *ЗЛ*. С. 161–162 (в разделе "Образы"), с датировкой: 1902. В автографе первоначальной редакции (*РГБ*) датировка: 1902 ноябрь; помета над текстом: "немецки-подмигивающее".

Ты опять со мной

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 150–151 (в разделе "Образы").

Уж этот сон мне снился

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*); 3 строки записаны рукой Иванова-Разумника. Впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 47–48 (в составе цикла "Возврат"). *ЗЛ*. С. 152–153 (в разделе "Образы") – с посвящением А.П. Печковскому, с датировкой: 1902. В автографе (*РГБ*) датировано: 1902. Декабрь.

Я – это ты

Беловой автограф. Впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 46–47 (в составе цикла "Возврат") – под заглавием "Старинный друг", с незначительными вариантами. *ЗЛ*. С. 139–140 (в разделе "Образы") – без заглавия, 2-я часть стихотворения "Старинный друг", посвященного Э.К. Метнеру (датировка всего текста: 1903). В автографе (*РГБ*) датировано: 1902 года. Ноябрь.

Пир ("Поставил вина изумрудного кубки...")

Сокращенная и переработанная редакция одноименного стихотворения (впервые: *ЗЛ*. С. 136–137 – в разделе "Образы", с датировкой: 1902). Автограф

отправлен в письме к Э.К. Метнеру от 14 февраля 1903 г. (*РГБ*). Варианты *ЗЛ*:

3–4 Табачный угар из гигантовой трубки
на небе застыл в виде облачных башен.
6 К себе всех зову я с весельем и злостью.

7 На пир пригласил горбуна-музыканта.
10 в могильных покровах неистовый танец.
12 Меж листьев блистает закатный багрянец.
между 12 и 13

Пахучей гвоздикой мой стол разукрашен.
Закат догорел среди облачных башен.

Сгущается мрак... Не сидеть нам во мгле ведь?
Поставил на стол я светильников девять.
13–15 Пришел, нацепив яркоогненный бант,
мастито присев на какой-то обрубок,

от бремени лет полысевший гигант,

Вечность ("*Шумит, шумит знакомым перезвоном...*")

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *СЦ*. С. 30 (в составе цикла "Призывы") – под заглавием "Загадка". *ЗЛ*. С. 122 (в разделе "Образы", с датировкой: 1902).

Вечер ("*Тучек янтарных гряда золотая...*")

Машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 254 (в разделе "Багряница в терниях") – под заглавием "Подражание Вл. Соловьеву".

Мировая душа

Беловой автограф. Заключительные 16 строк стихотворения "Душа мира" (впервые: *ЗЛ*. С. 57–59 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1902).

Смех

Беловой автограф. Впервые: *СЦ*. С. 26 (без заглавия, 1-е в цикле "Три стихотворения" (1901–1902),

входящем в состав цикла "Призывы"). *ЗЛ*. С. 22 (в разделе "Золото в лазури") – без заглавия, 1-е в цикле "Три стихотворения".

Весна ("*В весенние волны зари...*")

Беловой автограф с правкой; после заключительной строфы зачеркнута еще одна:

Опять протекли от зари –
И чисто, и нежно, и ясно –
Легчайшие там кисеи
Волною задумчиво красной.

Стихотворение соотносится с кардинально переработанной 3-й частью ("Звон вечерний гудит, уносясь...") цикла "Три стихотворения" (впервые: *СЦ*. С. 27; *ЗЛ*. С. 24–25 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1902).

4 *Опять я свободен и волен*! – автоцитата; ср. 2-ю строку стихотворения "Утро" (1907; с. 201 наст. изд.).

"Поет облетающий лес..."

Беловой автограф. Впервые: *СЦ*. С. 26–27 (2-е в цикле "Три стихотворения", входящем в состав цикла "Призывы"). *ЗЛ*. С. 23–24 (в разделе "Золото в лазури") – 2-е в цикле "Три стихотворения". В автографе (*РГБ*) датировано: 1902 г. Апрель.

"Шатаясь, склоняется колос..."

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 14–15 (в разделе "Золото в лазури") – 3-я часть стихотворения "Закаты", с датировкой: 1902. В письме к Э.К. Метнеру (9 апреля 1903 г.) – под заглавием "Зов в безвременье" (*РГБ*). Варианты *ЗЛ*:

5–6 Зовет он тревожно, невнятно
Туда, где воздушный чертог,

Голос

Беловой автограф. Впервые: *СЦ*. С. 29–30 (2-я часть стихотворения "Закат", в составе цикла "Призывы", с датировкой: 1901–1902). *ЗЛ*. С. 13–14 (в разделе "Золото в лазури") – без заглавия, 2-я часть стихотворения "Закаты". Варианты *ЗЛ*:

> 5–6 Звучало мне: "Пройдет твоя кручина,
> умчится сном".

11 *И времена свиваются, как свиток*... – Ср.: "И небо скрылось, свившись как свиток" (Откр VI, 14).

Закат ("Даль – без конца. Качается лениво...")

Беловой автограф. Впервые: *СЦ*. С. 28–29 (1-я часть стихотворения "Закат", в составе цикла "Призывы"). *ЗЛ*. С. 12–13 (в разделе "Золото в лазури") – без заглавия, 1-я часть стихотворения "Закаты"; без деления на строфы. Между строфами 6 и 7 (ст. 24 и 25) в *ЗЛ*:

> В дали зеркальной, огненно-лучистой,
> закрывшись тучей,
> и окаймив дугой ее огнистой,
> пунцово-жгучей, ⟨и т.д.⟩

21–24 "*Нет ничего... И ничего не будет...* ∽ *Чего ж ты ждешь?*" – В автобиографическом письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый поясняет эти строки: «Они написаны в минуту усталости между переживаниями "*София*" и пред-переживаниями "*Христос*". Они одновременно: реминисценции далеко назад ушедшего периода, эпохи 1895–1898 годов, когда властвовали: буддизм, пессимизм, бальмонтовская тишина и когда писались максимально "*декадентские*" стихи ⟨...⟩ и вместе с тем в моменте *реминисценции* и проминисценция, т.е. пред-

варение, предчувствие далекой еще, тяжелой эпохи, наступившей после *1905 года*» (*РГАЛИ*. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 18).

Один ("*Один, один... Средь гор... Ищу Тебя...*")

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 243–244 (в разделе "Багряница в терниях") – без заглавия, 1-я часть стихотворения "Блоку". В автографе (*РГБ; Стихотворения*. С. 88) датировано: 1901 года. Сентябрь; тексту предпослан эпиграф из стихотворения А. Блока "Ищу спасенья..." (1900): "И ты вдали, – но ты ли?"

3–4 *Душа моя // Скорбит смертельно.* – Слова Иисуса в Гефсимании, после Тайной вечери (Мф XXVI, 38; Мк XIV, 34).

Владимир Соловьев

Беловой автограф. Переработанная редакция одноименного стихотворения (впервые: *ЗЛ*. С. 219–220 – в разделе "Багряница в терниях", с датировкой: 1903).

Религиозный философ и поэт Владимир Сергеевич *Соловьев* (1853–1900) оказал огромное воздействие на духовное формирование Белого, которого по праву причисляли к "соловьевцам". В стихотворении отразились впечатления от частых посещений могилы Соловьева в Новодевичьем монастыре. *М.С. Соловьев* – см. примеч. на с. 351–352.

1903 ГОД

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

О стихотворениях, собранных в первой половине этого раздела, Белый вспоминал: "Особенно я вызывал удивление стихами под Сомова и под Мусатова: фижмы, маркизы, чулки, парики в моих строчках, подделках под стиль, новизной эпатировали ⟨...⟩ Когда

передали, что даже художник Борисов-Мусатов весьма одобряет подобного рода стихи, невзирая на то, что сам Сомов подделки отверг (и ему их читали), я чувствовал гордость 〈...〉" (*Белый Андрей*. Начало века. С. 229).

Объяснение в любви

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 66–67 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением "дорогой матери" и датировкой: 1903. В автографе, посланном Э.К. Метнеру (*РГБ*), датировано: Февраль. 1903 г.; между строфами 5 и 6 (ст. 20 и 21) – строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Целует напудренный локон
И плечи скрывающий шелк.
Глядит из отворенных окон
Подкравшийся муж, точно волк.

В автографе, посланном А. Блоку, – посвящение Сомову (*Переписка*. С. 25–26).

Менуэт

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 68–69 (в разделе "Прежде и теперь"). В автографе, посланном Э.К. Метнеру (*РГБ*), датировано: Февраль 1903 г. В автографе, посланном А. Блоку, – посвящение Сомову (*Переписка*. С. 25). В обоих автографах – под заглавием "Встреча".

Прощание

Машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 70–71 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением Эллису. В автографе (*РГБ*) датировано: Февраль. 1903.

Полунощницы

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись. Сокращенный вариант (без последних 16 строк) стихотворения, впер-

вые опубликованного в *ЗЛ* (С. 72–75 – в разделе "Прежде и теперь", с посвящением А.А. Блоку).

34 *"Ведь вас обучал Калиостро..."* – Джузеппе (Жозеф) Бальзамо (1743–1795), известный под именем графа Алессандро Калиостро, – знаменитый авантюрист, оккультист и алхимик.

Опала

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 63–65 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением А.А. Блоку и датировкой: 1903.

8 *...статный сидит временщик.* – Подразумевается, видимо, граф Эрнст-Иоганн Бирон (1690–1772), курляндский дворянин, фаворит императрицы Анны Иоанновны.

10 *В андреевском ордене он.* – Орден св. апостола Андрея Первозванного, высший орден Российской империи, учрежденный в 1698 г.

27 *Татищев, Шувалов, Бестужев...* – Василий Никитич Татищев (1686–1750) – историк, государственный деятель. Петр Иванович Шувалов (1710 или 1711–1762) – генерал-фельдмаршал, государственный деятель. Алексей Петрович Бестужев (1693–1766) – государственный деятель, дипломат, приближенный Бирона.

Променад

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 76–77 (в разделе "Прежде и теперь").

Ссора ("Заплели косицы змейкой...")

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 78–79 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением М.И. Балтрушайтис. В автографе (*РГБ*) датировано: Февраль. 1903 г.

[27] *"Стонет сизый голубочек"* – "российская песня" Ф.М. Дубянского (1795) на текст знаменитого стихотворения И.И. Дмитриева (1792).

Воспоминание ("Задумчивый вид...")

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 86–88 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением Л.Д. Блок и датировкой: 1903. В автографах, посланных А.А. Блоку 19 августа 1903 г. (*Переписка*. С. 50–51) и Э.К. Метнеру 20 августа 1903 г. (*РГБ*), озаглавлено: "Старушка".

Незнакомый друг

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись; с припиской Белого: «От слов *"В мясной ему..."* до слов *"Недавно... купца обокрали..."* прошу вычеркнуть. А.Б.». Сокращенный (с изъятием указанных в приписке Белого строк из 2-й части текста) вариант стихотворения, впервые опубликованного в *ЗЛ* (С. 92–94 – в разделе "Прежде и теперь", с посвящением П.Н. Батюшкову и датировкой: 1903). Автограф – в письме к Э.К. Метнеру от 22 октября 1903 г. (*РГБ*).

Весна ("Все подсохло. И почки уж есть...")

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 95–96 (в разделе "Прежде и теперь") – с датировкой: 1903.

На Пречистенке

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 101–102 (в разделе "Прежде и теперь") – под заглавием "Кошмар среди бела дня", с датировкой: 1903. В автографе, посланном А. Блоку, датировано: 1903 года июль (*Переписка*. С. 58).

Пречистенка – улица в Москве, неподалеку от дома, в котором жил Белый.

[2] *Под эскортом пепиньерок...* – Пепиньерка – де-

вушка, окончившая женский институт и оставленная при нем для подготовки к педагогической деятельности.

Заброшенный дом

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 80–81 (в разделе "Прежде и теперь"). В автографах, посланных Э.К. Метнеру (*РГБ*; с датировкой: 1903 г. февраль) и А.А. Блоку (*Переписка*. С. 24–25), – под заглавием "Воспоминание".

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

"Прошумит ветерок..."

Беловой автограф с правкой; первоначальные варианты:

13 *а* Бой часов – об одном
б Все о том – об одном –
15 Своим мраморным, белым челом
16 Тихо думает мраморный гений.

Переработанная редакция 2-й части ("Вот отчетливо спит в голубом...") стихотворения "Разлука" (впервые: *ЗЛ*. С. 214–215 – в разделе "Багряница в терниях").

Незабвенной памяти М.С. и О.М. Соловьевых

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 216 (в разделе "Багряница в терниях") – без заглавия, с посвящением "Незабвенной памяти М.С. и О.М. Соловьевых" и датировкой: 1903.

М.С. Соловьев – см. примеч. на с. 351. Ольга Михайловна *Соловьева* (урожд. Коваленская; 1855–1903) – художница, переводчица; жена М.С. Соловьева. Оказала на духовное становление Белого столь же сильное воздействие, сколь и М.С. Соловьев. Сразу же

после кончины мужа 16 января 1903 г. О.М. Соловьева застрелилась. Похороны Соловьевых состоялись18 января в Новодевичьем монастыре. Белый пережил смерть Соловьевых как одно из сильнейших потрясений. "...Все еще не могу достаточно владеть своим спокойствием после кончины Соловьевых", – писал он Э.К. Метнеру 30 января 1903 г. (*РГБ*. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 8).

Отошедшему другу

Беловой автограф. Стихотворение соотносится с 1-й и 3-й частями стихотворения "Разлука" (впервые: *ЗЛ*. С. 213, 215 – в разделе "Багряница в терниях", с датировкой: 1903), кардинально переработанными. В черновом автографе переработанной редакции (*ГЛМ*) зачеркнуто первоначальное название: "Отцу"; подзаголовок: "Памяти дорогого отца".

"Отошедший друг" – отец Белого Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) – математик, профессор Московского университета, скончался 29 мая 1903 г. Белый подробно описывает его в мемуарных книгах "На рубеже двух столетий" и "Начало века". Ср.: «...отец мой, профессор математики, имеющий сложнейшую свою философскую систему, допускал, *"так сказать"*, высшую силу и все образы *"заветов"* ставил передо мной со своими аллегорическими *"так сказать"*; его более интересовали проблемы нравственной эволюции человека в религиозных эмблемах ⟨...⟩» (*Белый Андрей*. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития. Ann Arbor, 1982. С. 16).

9–10 *Ты говорил: "Летящие монады // В зонных волнах плещущих времен..."* – В философии Г.В. Лейбница монады – неделимые духовные элементы, составляющие основу мироздания. Н.В. Бугаев обос-

новал философско-математическую теорию эволюционной монадологии, ориентированную на Лейбница, согласно которой общий мировой процесс есть постепенное целесообразное перераспределение монад в их сложных соединениях. *Эон* – термин, восходящий к философии Валентина (II в.), римского гностика; согласно его учению, из безначального первоэона порождаются 30 эонов, составляющие выраженную полноту абсолютного бытия. Белый пишет о "бесконечных лестницах эонов в философии гностиков" в кн. "На перевале. II. Кризис мысли" (Пб., 1918. С. 76–77). Термин был также воспринят теософией: время "делится на семь периодов или эонов, обнимающих приблизительно в совокупности период в 311 триллионов лет" (*Белый Андрей*. Символизм. Книга статей. М., 1910. С. 492).

[34] *"Одно, навек одно..."* – начало 1-й строки стихотворения Вл. Соловьева "Знамение" (1898).

"И снова я молюсь, сомненьями томим..."

Беловой автограф. Сокращенная (без 1-й строфы) и исправленная редакция стихотворения "Во храме" (впервые: *ЗЛ*. С. 35 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903).

Св. Серафим

Печ. текст (*ЗЛ*) с правкой и припиской Белого: "Вторую строфу прошу вычеркнуть. А.Б." Сокращенная (без строфы 2) редакция одноименного стихотворения (впервые: *ЗЛ*. С. 217–218 – в разделе "Багряница в терниях", с посвящением Нине Петровской). Строфа 2 (между ст. 4 и 5) в первоначальной редакции:

Чистым атласом пахнет,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.

Св. Серафим Саровский (1759–1833) – иеромонах Саровского монастыря (пустыни), прославившийся как величайший подвижник (был долгие годы отшельником, затем затворником); в 1903 г. канонизирован православной церковью. Белый прочел "Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря" Л.М. Чичагова (М., 1896), содержавшую описание жизни и религиозных подвигов Серафима, в октябре 1901 г.: "...с той поры эта книга становится моей настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что Он – тайно ведет меня" (*Материал к биографии*, л. 25 об.); ср. письмо Белого к Э.К. Метнеру от 3 марта 1903 г.: "Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим – единственно несокрушимо-важная и нужная для России скала в наш исторический момент" (*РГБ*. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 10). Подробнее см.: *Malmstad John E.* Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14. P. 21–59; Vol. 15. P. 59–102.

Встреча

Беловой автограф с правкой. После заключительной строфы – отбивка и еще одна строфа, зачеркнутая Белым:

Но нет, но нет! То – горный морок:
Над облаком торчит зубец.
Вы подшутили, древний ворог:
Очарованию – конец.

Впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 44 – под заглавием "В.Я. Брюсову", без деления на строфы. *ЗЛ*. С. 123 (в разделе "Образы") – под заглавием "Маг", с посвящением В.Я. Брюсову и

датировкой: 1903. В автографе без заглавия (*РГАЛИ*) дата: 7 февраля 1904 – безусловно, не обозначает времени написания стихотворения (опубликованного годом ранее).

В стихотворении нашел отражение рожденный в символистской среде мифологизированный образ Брюсова – поэта-"мага". Ср. истолкование брюсовского "магизма" в письме Белого к Э.К. Метнеру от 25 июля 1903 г.: «...я назвал *"магом"* Валерия Брюсова, но ведь *"магизм"* я понимаю в широком смысле, и как чудодейственность силы, употребленной не во славу Божию ⟨...⟩ так и отблеск того отношения к действительности, которое родит *магов* в тесном смысле. А если бы Вы ближе узнали Брюсова, то Вы согласились бы, что óн истинный маг в потенции – маг, как тип человека, стоящего ступенью ниже теурга, ибо теург – *белый маг* ⟨...⟩ Конечно, Брюсов среди магов выдающийся, умный, знающий *маг*, к которому термин *"пророк безвременной весны"* подходит, ибо над-временность очень характерна в Брюсове. Может быть, это у него *только* поза, но он великолепный в таком случае актер, когда в обществе *"застывше"* и *"надвременно"* относится к окружающему. Кроме того, он донельзя гиератичен в манерах – опять-таки черта магическая...» (*РГБ*.Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 19). Зачеркнутая заключительная строфа (написанная в ходе подготовки "сиринского" "Собрания стихотворений") отражает ситуацию фактического разрыва отношений Белого с Брюсовым в январе – феврале 1912 г. (см. об этом: *Ямпольский И.* Валерий Брюсов о "Петербурге" Андрея Белого // В его кн.: Поэты и прозаики. Статьи о русских писателях XIX – начала XX в. Л., 1986. С. 345–349).

Поэт

Беловой автограф. Переработанная редакция 2-й части ("Огонечки небесных свечей...") стихотворения "Бальмонту" (впервые: *ЗЛ*. С. 4–5 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903). В автографе 1-й и 2-й частей стихотворения, посланном Э.К. Метнеру 9 апреля 1903 г. (*РГБ*), – приписка Белого: "А вот стихотворение, характеризующее хорошую сторону Бальмонта и ему посвященное".

С Константином Дмитриевичем *Бальмонтом* (1867–1942), крупнейшим поэтом из круга "старших" символистов, Белый познакомился весной 1903 г., а с его поэзией – еще в гимназические годы; конец 1897 г.: «...моим любимцем делается Бальмонт, которого книга *"В безбрежности"* становится моею любимою книгою; с этого времени я уже не пропускаю ни одной строчки Бальмонта» (*Материал к биографии*, л. 8); март – апрель 1899 г.: «...выходит "Тишина" Бальмонта; и я – зачитываюсь ею; но уже нахожу в Бальмонте ряд дефектов» (Там же, л. 11 об.).

[5] *..."для всех и – ничей"...* – Цитата из стихотворения Бальмонта "Я – изысканность русской медлительной речи..." (1901), вошедшего в его книгу "Будем как солнце" (М., 1903).

Смерть ("Гряда облачков...")

Беловой автограф. Сокращенная (изъяты строфа 5 1-й части и строфы 1, 2, 4 2-й части) и переработанная редакция одноименного стихотворения в 2 частях (впервые: *ЗЛ*. С. 54–56 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903). Варианты *ЗЛ*:

21–23 Опустились воздушным кольцом
средь тоскующих братий.
И забылися сном

"Ты не понят людьми..."

Беловой автограф с правкой (опубликован: *Стихотворения*. С. 12). Первоначальные варианты:

[10] Заласкает беззвучно.
[13] О, засмейся и плачь! В голубом
Между [14] и [15] [В голубом:
Бисер – тучи...]
[17] Когда матовобледной каймой
После 18 Над рекой –
Нить жемчужин...

Переработанная редакция 3-й части стихотворения "Бальмонту" (впервые: *ЗЛ*. С. 5–6 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903). В автографе, посланном Э.К. Метнеру (*РГБ*), датировано: 1902 г. ноябрь. В автографе, посланном А. Блоку (*Переписка*. С. 24), – под заглавием "Ласка".

Вечер ("В золотистой дали...")

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 3–4 (в разделе "Золото в лазури") – без заглавия, 1-я часть стихотворения "Бальмонту", датированного: 1903. Характеристика автографа – в примеч. к стихотворению "Поэт" (с. 371). Варианты *ЗЛ*:

[3] облака, как рубины, прошли,
[13–14] Не боящ луны,
прожигавшей туманные сети,
[21–22] Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.

Вечность ("Дымы седые... Туман бесконечности...")

Беловой автограф (опубликован: *Стихотворения*. С. 374–375). Первоначальный вариант ст. 33: "Пламенеет тоска". Переработано из двух стихотворений – "Путь к невозможному" (впервые: *ЗЛ*. С. 26 – в разделе

"Золото в лазури", с датировкой: 1903) и "Образ Вечности" (впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 50–51; *ЗЛ*. С. 38–39 – в разделе "Золото в лазури", с посвящением Бетховену и датировкой: 1903).

Серенада

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 163–164 (в разделе "Образы") – с посвящением П.Н. Батюшкову, с различиями в членении текста на строки.

32 *...семь лебедей Лоэнгрина*. – "Лоэнгрин" (1850) – опера Р. Вагнера, написанная на сюжет средневекового сказания (одноименная поэма, ок. 1289–1290 г.) о рыцаре Лоэнгрине, сыне Парсифаля, который приплывает в ладье, влекомой лебедем, из замка Грааля на защиту Эльзы Брабантской; в образе лебедя скрыт заколдованный брат Эльзы.

Преданье

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: Альманах "Гриф". М., 1904. С. 5–8 – с эпиграфом из Пушкина ("Цыганы", 1824): "Меж нами есть одно преданье"; *ЗЛ*. С. 154–159 (в разделе "Образы") – с посвящением С.А. Соколову и датировкой: 1903. В автографе, посланном Э.К. Метнеру 29 декабря 1903 г. (*РГБ*), – обозначение цикла: "Пять стихотворений"; посвящение: Эллису; подстрочные примечания автора к словам "берилла" (ст. 38): "Берилл – бледнозолотистый камень" – и "оникса" (ст. 54): "Беломатовый камень" (*Стихотворения*. С. 56).

В стихотворении отразились мотивы "мистериальной" любви Белого и Н.И. Петровской; ср. записи Белого (о ноябре – декабре 1903 г.): "Моя тяга к Петровской окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком ⟨...⟩ я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в

мистерию"; "...пишу стихотворение *Sanctus Amor*, навеянное отношениями с Н.И. Петровской" (*Материал к биографии*, л. 42; под стихотворением "Sanctus Amor" подразумевается "Преданье"). Вариацию на темы стихотворения Белого и одновременно полемический отклик на него представляет собой стихотворение В.Я. Брюсова "Предание" (см.: *Брюсов В*. Собр. соч.: В 7 т. М., 1974. Т. 3. С. 290–292, 602–603). Подробнее см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова "Огненный Ангел" // "Ново-Басманная, 19". М., 1990. С. 540–554; "Жизнь и смерть Нины Петровской". Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1989. Т. 8. С. 44–52 (воспоминания Н.И. Петровской); Письма Андрея Белого к Н.И. Петровской. Публикация А.В. Лаврова // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 198–214.

25 *К потокам Стикса приближались.* – Стикс (греч. миф.) – река в царстве мертвых.

54 *Обломком матовым оникса.* – Оникс – очковый агат, разновидность халцедона.

90 *Старинный лозунг: "Sanctus Amor"* – Sanctus Amor (*лат.*) – святая любовь. Позже такое название дала Н. Петровская книге своих рассказов (М., "Гриф", 1908); так же озаглавлено стихотворение В.Ф. Ходасевича (1907), посвященное Петровской (*Ходасевич В*. Стихотворения ("Библиотека поэта", Большая серия). Л., 1989. С. 54–55).

Последние дни

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 46–47 (в разделе "Золото в лазури") – под заглавием "Последнее свидание", с датировкой: 1903. Вариант *ЗЛ*:

9 Над ними струятся пространства, лазурны и чисты.

Воспоминание ("Мы с тобой молчали, опираясь...")

Машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 160 (в разделе "Образы"). Автограф стихотворения (в первоначальной редакции) послан Э.К. Метнеру 23 января 1904 г. (*РГБ*).

Волшебный король

Беловой автограф с правкой. Переработанная редакция стихотворения "Вечерняя прогулка" (впервые: *ЗЛ*. С. 40–44 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903).

Возврат

Беловой автограф с правкой. Первоначальные варианты:

После 46 было начато
Им говорю: "В ночь – осветить высоты,
Лампадами
66 Отражена картина диких оргий.

Переработанная редакция одноименного стихотворения в 3-х частях (1-я часть – "Я вознесен, судьбе своей покорный..." – впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 48–49 – в составе цикла "Возврат"; полностью впервые: *ЗЛ*. С. 145–149 – в разделе "Образы", с посвящением А.С. Петровскому и датировкой: 1903). Автограф 1-й части (под заглавием "Возврат") послан в письме к Э.К. Метнеру от 14 февраля 1903 г. (*РГБ*).

На горах

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 120–121 (в разделе "Образы") – с датировкой: 1903. Автограф (без заглавия) послан в письме к Э.К. Метнеру от 23 января 1904 г. (*РГБ*).

Пригвожденный ужас

Печ. текст (*ЗЛ*), машинопись. Впервые: *ЗЛ*. С. 118–119 (в разделе "Образы") – с датировкой: 1903. В автографе, посланном Э.К. Метнеру 9 апреля 1903 г. (*РГБ*), озаглавлено: "Вампир"; текст разделен на две части: 1-я – строфы 1–4, 2-я – последующие строфы, начинающиеся с двух, не вошедших в печатную редакцию:

между [16] и [17]

Гигант прошел во мгле виденьем длинным.
Его одежд затрепетала лопасть.
Истыканная золотом старинным
Над головою разверзалась пропасть.

Я задрожал – раздался вопиющий,
Далекий окрик, за собой манящий.
"Седой горбун – вампир тебя сосущий,
Всегда следит он за тобой из чащи".

Автограф (имеющий также варианты строк) сопровожден пояснением Белого: «А вот стихотворение, которое я написал под влиянием одной струйки в жизни, которую заметил; а через несколько дней зашел ко мне один знакомый из *"знающих"* и говорил, что ему казалось эти дни, будто неведомый вампир подстерегает его. Не затемняло ли в продолжении этих нескольких дней крыло вампира *ясность* астральных горизонтов? Стихотворения, говоря откровенно, я побаиваюсь, как приключения для меня странного, посылаемого для испытания» (*Стихотворения*. С. 43).

Гроза на закате

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: Альманах книгоиздательства "Гриф". М., 1903. С. 43 – под заглавием "Гроза на западе"; *ЗЛ*. С. 21 (в разделе "Золото в лазури") – с

датировкой: 1903. В автографе (с делением на четверостишия) датировано: март 1903 г. (*РГБ*).

Великан ("В час зари на небосклоне...")

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 112 (в разделе "Образы") – без заглавия, 5-я часть стихотворения "Великан", с общей датировкой: 1902. Варианты *ЗЛ*:

6 Он пойдет на нас сердито.
8 сетью проволок повитый

Битва

Машинопись. Впервые: Альманах "Гриф". М., 1904. С. 2 – под заглавием "Битва исполинов"; *ЗЛ*. С. 117 (в разделе "Образы") – с датировкой: 1903. Автограф, посланный А. Блоку 19 августа 1903 г., озаглавлен: "Битва гигантов"; имеет варианты (*Переписка*. С. 50).

Поединок

Беловой автограф. Впервые: Альманах "Гриф". М., 1904. С. 3–4 (без ст. 17–24); *ЗЛ*. С. 115–116 (в разделе "Образы") – с посвящением Эллису. Автограф послан в письме к Э.К. Метнеру от 29 декабря 1903 г. (*РГБ*); другой автограф (*РГАЛИ*) датирован: 7 февраля 1904. Варианты *ЗЛ*:

17–20 "Швырну расплавленные гири я
с туманных башен"...
Вот мчится в пламени валькирия.
Ей бой не страшен.
28 загнутым рогом
35–36 так клочья полевого знамени
в лазури плещут.

1 *Тор* (германо-сканд. миф.) – бог грома, бури и плодородия; божественный богатырь, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ.

19 *Вдали Валькирия проносится...* – Валькирии

(сканд. миф.) – воинственные девы, уносящие в валхаллу павших в бою храбрых воинов.

29 *...за белым глетчером...* – Глетчер – ледник, медленно спускающийся с высоких гор в долины.

Старинный друг ("Старинный друг, к тебе я возвращался...")

Беловой автограф с правкой (опубликован: *Белый Андрей.* Стихотворения. Т. 2. München, 1982. С. 105–107); зачеркнуты строфы:

между 8 и 9

К тебе я вновь вернулся после битвы.
Ты нежно снял с меня мой шлем двурогий.
Ты пел слова божественной молитвы.
Ты вел меня торжественно в чертоги.

между 60 и 61

Число столетий в безднах роковое
Бесследным вихрем в Вечность пролетело.
Его лицо янтарновосковое
В лазурноясном счастье цепенело.

Щебечущие ласточки из далей
Оборвались к Спасителю на плечи.
Он улыбнулся им: "В иные дали,
Щебечущие ласточки, летите"...

Первоначальные варианты строк:

26 Там, по дороге – тащат к нам два гроба...
29 Над гробом стоя, тосковал бездонно.
41 Через сто лет услышите вы, оба, –
76 Там – слышалось таинственное пенье.

Переработанная редакция одноименного стихотворения в пяти частях (2-я часть вошла в наст. изд. под заглавием "Я – это ты"; см. с. 26). Впервые: *ЗЛ.* С. 138–144 (в разделе "Образы") – с посвящением Э.К. Метнеру и датировкой: 1903.

1 *Старинный друг, к тебе я возвращался...* –

Подразумевается Эмилий Карлович Метнер (псевдоним: Вольфинг; 1872–1936) – критик, музыковед, руководитель символистского издательства "Мусагет", брат композитора Н.К. Метнера; близкий друг Белого, один из первых людей, высоко оценивших его юношеские произведения (см. о нем: *Ljunggren Magnus*. The Russian Mephisto. A. Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994). Ср. дневниковые записи Метнера (16 сентября 1902 г.): "Борис Бугаев – единственный человек из ныне живущих и мне лично знакомых, который понимает меня до конца ⟨...⟩ Борис Бугаев по своему духу – самый близкий мне человек. Начиная с общих вопросов и кончая интимнейшими настроениями, убеждениями, созерцаниями – у нас одинаково" (*РГБ*. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9, л. 51 об.).

Весть

Беловой автограф с правкой (опубликован: *Стихотворения*. С. 26). Первоначальный вариант ст. 16: "И сказал беднякам". Переработанная редакция стихотворения "Вестники" (впервые: *ЗЛ*. С. 49–50 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903).

"Сквозь фабричных гудков..."

Беловой автограф с правкой. Впервые опубликовано после формирования "Собрания стихотворений": Северные записки. 1916. Декабрь. Отд. I. С. 39. *Звезда*. С. 58 – под заглавием "Зов", с датировкой: 1914. Арлесгейм. Включение стихотворения, написанного в ходе подготовки "Собрания...", в раздел "1903 год" – ошибка автора или сознательная мистификация.

Зов ("*Над говором струй...*")

Беловой автограф с правкой. Первоначальный вариант ст. 20: "Кусок голубого атласа". Соотносится со

стихотворениями "В полях" (впервые: *ЗЛ*. С. 51–52 – в разделе "Золото в лазури") и "Смерть" (впервые: *ЗЛ*. С. 54–56 – в разделе "Золото в лазури", с датировкой: 1903).

"Золотея, эфир просветится..."

Беловой автограф. Впервые: Мир искусства. 1904. № 5. С. 186 (в статье Андрея Белого "Символизм как миропонимание") – без ст. 17–20; *ЗЛ*. С. 7–8 (в разделе "Золото в лазури") – 1-я часть стихотворения "Золотое руно", с посвящением Э.К. Метнеру и датировкой: 1903. В письме к А. Блоку от 19 августа 1903 г. – под заглавием "Золотое руно" и с посвящением Э.К. Метнеру (*Переписка*. С. 49).

Аргонавты

Беловой автограф. Сокращенная редакция (без заключительных 21 строки) 2-й части стихотворения "Золотое руно" (впервые: Мир искусства. 1904. № 5. С. 186 – в статье Андрея Белого "Символизм как миропонимание", в сокращении (без ст. 8–18 и заключительных 21 строки); *ЗЛ*. С. 8–10 – в разделе "Золото в лазури", с посвящением Э.К. Метнеру и датировкой: 1903). Автограф в письме к Э.К. Метнеру от 25 июля 1903 г. – под заглавием "Аргонавты", с посвящением Э.К. Метнеру.

Античный миф об *аргонавтах*, отплывающих за золотым руном, использован Белым для создания собственных мифотворческих построений; ср. его письмо к Э.К. Метнеру от 26 марта 1903 г.: "...я и один молодой человек (Л.Л. Кобылинский) собираемся учредить некое негласное общество (союз) во имя Ницше – союз аргонавтов ⟨...⟩ цель эзотерическая – путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать *золотое руно* ⟨...⟩ для других это уплывание за черту гори-

зонта, которое я хочу предпринять, будет казаться гибелью, но пусть знают и то, что в то время, когда парус утонет за горизонтом для взора *береговых* жителей, он все еще продолжает бороться с волнами, плывя... к неведомому богу..." (см.: *Лавров А.В.* Мифотворчество "аргонавтов" // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 141). 17 апреля 1903 г. Белый писал также В.Я. Брюсову:"Можно всегда быть аргонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец – броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности – к солнцу – золотому руну..." (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 355). В 1903–1905 гг. вокруг Белого группировался кружок "аргонавтов" – молодых людей (большей частью студентов), объединенных эсхатологическими настроениями, устремлениями к "заре", к преображению мира.

Вечный зов

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 17–18 (в разделе "Золото в лазури") – 1-я часть одноименного стихотворения в трех частях, с посвящением Д.С. Мережковскому и датировкой: 1903. Автографы – в письме к Э.К. Метнеру от 2–4 июля 1903 г. (*РГБ*) и в письме к А. Блоку от 14 июля 1903 г. (*Переписка*. С. 40–41). Варианты *ЗЛ*:

12 навсегда засквозив стариной.
18 я склонился с мольбою за всех.

Не тот

Беловой автограф с правкой. Первоначальное заглавие: "Сон сумасшедшего". Первоначальные варианты:

33–36 Как святое дитя
Он восходит из дали
И любя и грустя
В золотист ⟨ ⟩
53–54 Он встал на трон, венец приявши:
И кто-то с выси ледяной
66 Повитый дымкой грозовою

Переработанная редакция 2-й, 3-й, 4-й и 6-й частей одноименного стихотворения в шести частях (впервые: *ЗЛ*. С. 28–32, 33–34 – в разделе "Золото в лазури", с посвящением В.Я. Брюсову и датировкой: 1903).

Жертва вечерняя

Беловой автограф. Сокращенная редакция (изъято 4 строки между строфами 4 и 5 и 8 строк между строфами 5 и 6) одноименного стихотворения (впервые: *ЗЛ*. С. 236–237 – в разделе "Багряница в терниях", без деления на строфы). Варианты *ЗЛ*:

5 один, один, как столб,
12–13 смарагдом окаймленный,
мне палевый привет

Мания

Беловой автограф с правкой. Первоначальный вариант ст. 2: "Молитва в лазурных очах". Впервые: *ЗЛ*. С. 238–239 (в разделе "Багряница в терниях") – с датировкой: 1903. Автограф (под заглавием "Начинание") отправлен в письме к А. Блоку от 14 июля 1903 г. (*Переписка*. С. 41–42), между строфами 2 и 3 (ст. 8 и 9) – строфа:

Тоске вашей нужно огня:
Дарую огонь свой – тоскуйте...
Целуйте меня,
Целуйте...

Варианты *ЗЛ*:

2 Молитва в лазурных очах.
4 со светочем в голых руках.
6 Больной, истеричный мой вид,
9–12 Безумные грезы свои
лелеете с дикой любовью,
взглянув на одежды мои,
залитые кровью,
13 Поете: "Гряди же, гряди".
15 бескровные руки мои

Лжепророк

Беловой автограф. Переработанная редакция 2-й части стихотворения "Вечный зов" (впервые: *ЗЛ*. С. 18–19 – в разделе "Золото в лазури", с посвящением Д.С. Мережковскому и датировкой: 1903).

Дурак

Беловой автограф. Впервые: *ЗЛ*. С. 19–20 (в разделе "Золото в лазури") – 3-я часть стихотворения "Вечный зов", с посвящением Д.С. Мережковскому и датировкой: 1903.

Осень ("*Огромное стекло...*")

Беловой автограф. Сокращенная и переработанная редакция одноименного стихотворения (впервые: Альманах "Гриф". М., 1904. С. 9–10 – без строфического деления; *ЗЛ*. С. 249–250 – в разделе "Багряница в терниях", с датировкой: 1903). Варианты *ЗЛ*:

3–4 разбито вдребезги под силой ветра чудной –
огромное стекло
7 Как в ужасе застывшая зарница,
11 Протяжно дальний визг
между 20 и 21 И я стоял,
как вольный сокол.
Беспечно хохотал
среди осыпавшихся стекол.

после 19 За мной пришли. И я стоял,
побитый бурей сокол –
молчал
среди осыпавшихся стекол.

Усмиренный

Печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 45 (в разделе "Золото в лазури") – с датировкой: 1903. Автограф – в письме к А. Блоку от 19 августа 1903 г. (*Переписка*. С. 48–49).

Блоку

Беловой автограф с правкой. Сокращенная редакция 3-й части стихотворения "Блоку" (впервые: *ЗЛ*. С. 245–246 – в разделе "Багряница в терниях"). Автограф в письме к А. Блоку от 24 октября 1903 г. – под заглавием "А. Блоку" (*Переписка*. С. 55–56). В *ЗЛ* между ст. 15 и 16:

Зашатался над пропастью я
и в долину упал, где поет ручеек.
Тяжкий камень, свистя,
неожиданно сбил меня с ног –
тяжкий камень, свистя,
размозжил мне висок.

Среди ландышей я
зазиявший, кровавый цветок.

Отношения между Белым и Александром Александровичем *Блоком* (1880–1921) завязались в начале января 1903 г. путем переписки; личное их знакомство состоялось после написания стихотворения – в Москве 10 января 1904 г.

"На сердце безумное что-то...";"Все было в дому зажжено..."

Беловой автограф с правкой (опубликован: *Стихотворения*. С. 87). Первоначальный вариант ст. 1:

"Безумная в сердце забота". Переработанная и сокращенная редакция стихотворения в двух частях "Забота" (впервые: *ЗЛ*. С. 240–242 – в разделе "Багряница в терниях").

1904 ГОД

Одинокому

Беловой автограф с правкой. Переработанная редакция стихотворения "Поэт" (впервые: *Урна*. С. 15 – в разделе "В. Брюсову", с датировкой: 1904. Москва), первые три строфы которого, в свою очередь, восходят к первым трем строфам 1-й части стихотворения "Одинокий" (Весы. 1906. № 8. С. 4 – с посвящением Валерию Брюсову).

В образе *одинокого* отражены впечатления Белого от личности В.Я. Брюсова. Ср. характеристику Брюсова в статье Белого "Поэт мрамора и бронзы" (1907): "Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса" (*Белый Андрей*. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 451).

Безумец

Беловой автограф с правкой. Первоначальные варианты:

17–18*а* О, я полон огня!
Меня сны разрывают...
б Как потоком огня,
Мою душу сжигает...
21 Помним всё. Он молчал.

Впервые: *ЗЛ*. С. 231–235 (в разделе "Багряница в терниях") – с посвящением А.С. Челищеву и датировкой: 1904. Автограф, посланный А. Блоку, дати-

рован: Февраль. 1904 года (*Переписка*. С. 77–79). Варианты *ЗЛ*:

между 16 и 17 Ах, когда я сижу за столом,
и молясь, замираю
в неземном,
предлагают мне чаю...
17–18 О, я полон огня,
предо мною виденья сияют...
21–23 Помним всё. Он молчал,
просиявший, прекрасный.
За столом хохотал
37 "Се дарует нам свет
между 56 и 57 Грусть везде...
Усмиренный, хороший,
пробираясь к воде,
бьет в ладоши.
64 утопает, закрытый туманом.

Изгнанник

Машинопись (посвящение – автограф). Впервые: *Гриф*. С. 17–18 (в составе цикла "Тоска о воле") – без посвящения, в объеме 1–4 строф; *Пепел*. С. 223–224 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 04. Москва. Автограф (под заглавием: "Покой безбрежный") отправлен А. Блоку во второй половине мая 1904 г. (*Переписка*. С. 93–94).

О мотивах, отразившихся в стихотворении, Белый писал, вспоминая о весне 1904 г.: "...стихотворения мои этого периода полны лейт-мотива "*бегства*" от старых настроений; и – освобождения от душной пряности городской жизни ⟨...⟩ у меня – тяга в поля ⟨...⟩ Последние дни мои окрашены для меня освобождающим воздухом тульских полей" (*Материал к биографии*, л. 46). Михаил Иванович *Сизов* (1884–1956) – близкий друг Белого, в 1903–1907 гг. студент естественного отделения физико-математического факультета Мос-

ковского университета; позднее – критик и переводчик (псевдоним – М. Седлов), сотрудник издательства "Мусагет"; входил в круг антропософов.

Арестанты

Машинопись. Впервые: *Гриф*. С. 14–15 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел*. С. 41–42 (в разделе "Россия"), с посвящением В.П. Поливанову и датировкой: 04. Серебряный-Колодезь. Автограф (под заглавием "Воспоминание") отправлен А. Блоку во второй половине мая 1904 г. (*Переписка*. С. 93).

О сдвигах в своем мироощущении весной – летом 1904 г., отразившихся в проблематике стихотворения, Белый вспоминает: "Лейт-мотив бегства – подготовляется, бегства из уз "плоти", "*чувственности*", городской пыли московской болтовни и нестроицы; в таком состоянии я пишу стихотворение "*Арестанты*" ⟨...⟩ Вместо "*мистиков*", "*аргонавтов*" я тянусь к арестантам, к бывшим людям: "*самозванец-пророк*", осознавший свою арлекинаду, становится полевым бродягою, бунтарем, революционером; здесь перелом в личных переживаниях совпадает с переломом в общественном настроении России, уже потрясенной неудачами войны; поэты этого моего периода суть Тютчев и Некрасов; июнь живу я тютчевскими настроениями, своеобразно преломленными народничеством ⟨...⟩" (*Материал к биографии*, л. 47).

Странники

Машинопись (посвящение – автограф). Впервые: *Гриф*. С. 16 (в составе цикла "Тоска о воле") – без посвящения; *Пепел*. С. 200–201 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 04. Москва. Два автографа посланы А. Блоку во второй половине мая 1904 г. (*Переписка*. С. 94–95): первый (под заглавием "Побег") соотносится

со строфами 1–3, 6; второй (под заглавием "Беззаботный") – со строфами 4–5 и имеет еще две строфы, не отраженных в опубликованном тексте.

Алексей Сергеевич *Петровский* (1881–1958) – ближайший друг Белого со студенческих лет, сотрудник библиотеки Румянцевского музея, переводчик; входил в сообщество "аргонавтов", с 1910-х годов – в круг антропософов. В позднейшем письме к Петровскому (вторая половина декабря 1931 г.) Белый признавался: "...мы с Тобой даже и не друзья, а братья; вся жизнь прошла вместе. Недавно долго не засыпал: мысленно вставала жизнь; мысленно озирал ее этапы; и во всех этапах ее стоял Ты" (Новый журнал. Кн. 122. Нью-Йорк, 1976. С. 157. Публикация Роджера Кийза).

Сельская картина

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 82–85 (в разделе "Прежде и теперь") – с посвящением М.А. Эртелю.

Работа

Машинопись. Впервые: *Гриф*. С. 20–21 (в составе цикла "Идиллия", посвященного П.И. Астрову) – без заглавия; *Пепел*. С. 206–207 (в разделе "Просветы") – с посвящением П.И. Астрову и датировкой: 04. Ефремов. Варианты первой публикации:

6 Разогнав тревогу.
17–18 Ты как свет, как жизнь, мила
В день, когда цветут березки.
22–23 Ты под праздник гладишь.
Жарким, тихим вечерком
после 28 Песнь моя вольней звучит.
Выйдешь. Встанешь окол.
Ослепительно горит
Красный глянец стекол.

Тройка

Машинопись. Впервые: Ежемесячный журнал для всех. 1904. № 7. С. 387; *Пепел*. С. 198–199 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 1904 г. Серебряный-Колодезь.

Прогулка

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): *Гриф*. С. 21–22 (в составе цикла "Идиллия", посвященного П.И. Астрову) – без заглавия; *Пепел*. С. 210 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 04. Серебряный-Колодезь. Варианты (*Пепел*):

4 Вдоль межи пролетевшая шквалом.
5–8 Чуть кивали во ржи васильков
Голубые, как небо, коронки,
Слыша зов,
Серебристый, и чистый, и звонкий.
10 Закипал золотым водометом:
12 Любовалась пролетом.
13 На струистой, кипящей волне

Туда

Беловой автограф. Впервые: Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 99 – под заглавием "Воздушный путь", без строфы 5; *Пепел*. С. 185 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 04. Серебряный-Колодезь. Варианты (*Пепел*):

9 Память о прошлом уснет.
13 В страхе замрем

Отставной военный

Машинопись, печ. текст (*ЗЛ*). Впервые: *ЗЛ*. С. 89–91 (в разделе "Прежде и теперь") – с датировкой: 1904. Автограф – в письме к Э.К. Метнеру от 23 января 1904 г. (*РГБ*).

Шоссе

Машинопись. Впервые: *Гриф*. С. 13–14 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел*. С. 17 (в разделе "Россия") – с посвящением Д.В. Философову и датировкой: 04. Ефремов. В автографе, посланном А. Блоку в октябре 1904 г., – под заглавием "Бегство" (*Переписка*. С. 109).

На вольном просторе

Машинопись. Впервые: *Гриф*. С. 17 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел*. С. 18 (в разделе "Россия") – с посвящением Муни и датировкой: 04. Серебряный-Колодезь. В автографе, посланном А. Блоку в октябре 1904 г., – иное членение текста на строки (*Переписка*. С. 110).

На рельсах

Машинопись. Впервые: *Гриф*. С. 18–19 (в составе цикла "Тоска о воле") – с иной последовательностью строф; *Пепел*. С. 19–20 (в разделе "Россия") – с посвящением 〈А.А.〉 Кублицкой-Пиоттух и датировкой: 04. Москва. В автографе, посланном А. Блоку в октябре 1904 г., – под заглавием "На железнодорожном полотне", иная последовательность строф (*Переписка*. С. 109–110).

На улице

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): *Гриф*. С. 9–10 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел*. С. 137 (в разделе "Город") – с датировкой: 04. Москва.

В.Я. Брюсову

Печ. текст (*Урна*); первоначальное заглавие: "Созидатель". Впервые: *Урна*. С. 16–17 (в разделе "В. Брю-

сову") – с датировкой: 1904. Москва; текст соотносится со строфами 4–7 1-й части стихотворения "Одинокий" (Весы. 1906. № 8. С. 4–5).

О многолетних сложных взаимоотношениях Белого с Валерием Яковлевичем *Брюсовым* (1873–1924) см. в публикации их переписки (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 327–427. Вступ. статья и публикация С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова).

Меланхолия

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): *Гриф.* С. 10–11 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел.* С. 127 (в разделе "Город") – с посвящением М.Я. Шику и датировкой: 04. Москва; строфы 1–3. Автограф, посланный А. Блоку в октябре 1904 г., – в объеме строф 1–3 первоначальной редакции (*Переписка.* С. 110). Варианты (*Пепел*):

[2–6] Атласами своими феи
Шушукают. Ревет орган.
Тарелками гремят лакеи –

Меж кабинетами. Как тень,
Брожу в дымнотекущей сети.

Отчаянье

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): *Гриф.* С. 9 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел.* С. 129 (в разделе "Город") – с посвящением Е.П. Безобразовой и датировкой: 04. Москва.

[9] *Двойник мой гонится за мной...* – В этом образе отразилась ситуация сложного идейно-психологического противостояния между Белым и В.Я. Брюсовым осенью 1904 г.; ср. свидетельство Белого: "Я начинаю ощущать своего "*темного двойника*", пронизанного улицей, отданного на растерзание страстям и темной

похоти ⟨...⟩ это второе "*Я*" подсмотрел во мне Брюсов; со странной настойчивостью он продолжает свои разговоры со мной на эту тему; и я – влекусь к нему; он мне импонирует, как бы говоря: "Борис Николаевич, оставьте ребяческие бредни о свете; в мире господствуют – мрак и ужас", – и я ослеплен и пронзен этим лейт-мотивом наваждения" (*Материал к биографии*, л. 50 об.).

15–16 *Вонзайте в небо, фонари, // Лучей наточенные копья*! – Ср. пояснение Белого: «"*Фонарь*" ассоциируется с Брюсовым, со строками его стихов: "Фонарь, безвестный друг, – ты близок!" Брюсов становится для меня темным, безвестным другом – врагом, пронзающим *копьями* гипноза ⟨...⟩ И когда я восклицаю – "*вóнзайте в небо, фонари, лучей наточенные копья*", то я как бы уступаю действию гипноза Брюсова» (Там же).

Дома

Беловой автограф (первоначальное заглавие: "Меланхолия"). Впервые (первоначальная редакция стихотворения "Меланхолия"): *Гриф*. С. 10–11 (в составе цикла "Тоска о воле"); *Пепел*. С. 127–128 (в разделе "Город") – строфы 4–7 стихотворения "Меланхолия", с посвящением М.Я. Шику и датировкой: 04. Москва. Варианты (*Пепел*):

7 Там: – отблески на потолке
9 Протянутся. И всё на миг
11–12 Там – в зеркале – стоит двойник;
Там вырезанным силуэтом –

Маг

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1906. № 8. С. 5–6 – 2-я часть сти-

хотворения "Одинокий"; *Урна*. С. 18–19 (в разделе "В. Брюсову").

О "магизме" В.Я. Брюсова см. примеч. к стихотворению "Встреча" (с. 370). Ср.: "Брюсов – маг. Бездны мира издавна зияли в его образах. ⟨...⟩ Но магизм – борьба косности земной с крылатым полетом. С большей ясностью на *вершинах земных* видит поэт *глубины небесные*" (*Белый Андрей*. Венец лавровый // Золотое руно. 1906. № 5. С. 50).

Успокоение (*"Ушел я раннею весной..."*)

Беловой автограф с правкой. Впервые (первоначальная редакция): *Гриф*. С. 11–12 (в составе цикла "Тоска о воле") – с подзаголовком "Из воспоминаний помешанного"; *Пепел*. С. 168–170 (в разделе "Безумие") – без деления на части, с датировкой: 04–06. Москва.

В темнице

Беловой автограф. Впервые (строфы 1–2): *Гриф*. С. 11–12 (в составе цикла "Тоска о воле") – ст. 25–32 стихотворения "Успокоение" (первоначальная редакция); полностью: *Пепел*. С. 173–174 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 07 ⟨видимо, опечатка; должно быть: 04⟩. Москва.

24 *Двузвездный, блещущий дикирий*. – Дикирий – подсвечник о двух свечах, употребляющийся при архиерейском богослужении.

1905 ГОД

Пир (*"Вокруг широкого стола..."*)

Беловой автограф с правкой. Первоначальный вариант ст. 19–20: "Взволнованно к груди прижав // Вдруг зарыдавшую гитару –". Впервые (первоначальная редакция): Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 48–49;

промежуточная редакция: *Пепел*. С. 132–134 (в разделе "Город") – с посвящением С.А. Полякову и датировкой: 05. Москва. Автографы первоначальной редакции (с дополнительной строфой) – в письме к Э.К. Метнеру от 1 апреля 1905 г. (*РГБ*) и в письме к А. Блоку (конец марта – начало апреля 1905 г. – *Переписка*. С. 130).

4 *Отдавшись огненной качуче..* – Качуча – испанский танец, исполняемый в живом темпе с кастаньетами.

23 *Плясал безумный кэк-уок...* – Кэк-уок – танец американских негров, вошедший в моду в начале XX в. В сознании Белого этот танец приобрел значение душевного исступления и опустошенности, а также воспринимался как один из символов "дикарства XX века": "...танцевали мы – кэк-уок, негрский танец; и "кэк-уоком" пошли мы по жизни" (*Белый Андрей*. На перевале. I. Кризис жизни. Пб., 1918. С. 83).

В вагоне

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 27–28 (в разделе "Россия") – с посвящением Т.Н. Гиппиус и датировкой: 05. Ефремов.

Весенняя грусть

Машинопись. Впервые: "Свободная совесть". Кн. 1. М., 1906. С. 159 – под заглавием "Весенняя элегия"; *Пепел*. С. 100–101 (в разделе "Паутина") – с датировкой: 05. Москва. Варианты первой публикации:

1–2 Одна сижу средь вешних верб.
Грустна сижу – сижу в кручине.
14 Прохладно-зыблемых акаций;
21–22 Теперь бледна меж юных верб
Сижу одна. Брожу в кручине.
24 Блестит, летит в пустыне синей.

Поповна

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1906. № 4. С. 33–34 – под заглавием "Поповна и семинарист", с посвящением Т.А. Рачинской; промежуточная редакция: *Пепел*. С. 191–195 (в разделе "Просветы") – с посвящением З.Н. Гиппиус и датировкой: 06. Москва. Автограф первоначальной редакции – в письме к Э.К. Метнеру от 1 апреля 1905 г. (*РГБ*) и в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух от 23 или 24 марта 1905 г. (Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 298).

Паук

Машинопись; с припиской Белого: "Последние *две строки* прошу зачеркнуть. А.Б.". Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1906. № 3. С. 43–44 – без заглавия, 1-я часть стихотворения "Калека", с посвящением А.Г. Коваленской; *Пепел*. С. 103–106 (в разделе "Паутина") – с датировкой: 08. Москва. Автограф (ранний вариант первоначальной редакции; 2-я часть стихотворения "Раненый") – в письме к А. Блоку (конец марта – начало апреля 1905 г. – *Переписка*. С. 129). Варианты (*Пепел*):

строфа после 79 Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

Отдых

Беловой автограф. Впервые: Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 97 – под заглавием "Кроткий отдых", с посвящением Л.Д. Блок; *Пепел*. С. 209 (в разделе "Просветы") – под заглавием "Кроткий отдых", с датировкой: 05. Москва. Варианты первой публикации:

7 На полях – золотые снопы
9–12 Свежим ветром, в лицо мне смеясь,
Ты плеснула – и весел.

Частый дождик в лазури, искрясь,
Золотистые сети развесил.

13–16 *отсутствуют*

17–18 И опять никого. Только луг
Тихо дремлет в сырой паутине,

Свадьба

Машинопись; с припиской Белого: "7-ую, 8-ую и 9-ую строфы прошу вычеркнуть. А.Б.". Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1906. № 3. С. 44–45 – без заглавия, 2-я часть стихотворения "Калека", с посвящением А.Г. Коваленской; *Пепел*. С. 112–114 (в разделе "Паутина") – с датировкой: 05–08. Серебряный-Колодезь. Варианты (*Пепел*):

между 24 и 25

Стою я, умилен, склонен,
Обмахиваясь "chapeau-claque'ом".
Осыпала толпа княжон
Нас лилиями, мятой, маком.

Я принял, разгасясь в углу,
Хоть и не без предубежденья,
Напечатленный поцелуй –
Холодный поцелуй презренья.

Между подругами прошла
Со снисходительным поклоном.
Пусть в вышине колокола
Нерадостным вещают звоном, –

Бурьян

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1906. № 1. С. 49–50 (в составе цикла "Горемыки"); *Пепел*. С. 38–40 (в разделе "Россия") – без деления на части, с посвящением Г.Г. Шпету и датировкой: 05–08. Ефремов. Варианты (*Пепел*):

29 Здесь падают иглы лихие

после 40

Задушит – затопит туманом:
Стрельнул там летучей иглой...
Прокурит над дальним курганом
Тяжелого олова слой.

Как желтые, грозные бивни,
Размытые в россыпь полей,
С откосов оскалились в ливни
Слои вековых мергелей.

41 Метется за ним до деревни,

Успокоение ("Вижу скорбные дали зимы...")

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1906. № 8. С. 1–3 (в составе цикла "Одинокие") – под заглавием "Заключение"; *Пепел*. С. 241–244 (в разделе "Горемыки") – с посвящением Л.Л. Кобылинскому и датировкой: 05. Москва. Варианты (*Пепел*):

2 Ветер кружева вьюги плетет.
8 В безднах и ночи, и дня.

между 14 и 15

Здесь ты терзайся, юдольное племя:
21 Здесь воздеваю бессонные очи, –
23–24 Рушусь извечно в провалы я ночи
Здесь с догорающим отсветом дня.
36 Тьмой распятый в блеске дня.

между 44 и 45

На руках своих пронзенных,
В бледном блеске звезд...

Вот на плитах осветленных
Теневой истаял крест: –
46 И потоки тьмы.
50 Света дневного.

после 58

Воздеваю бессонные очи –

Очи,
Полные слез и огня,
Я в провалы зияющей ночи,
В вечереющих отсветах дня.

Угроза

Машинопись. Впервые: Литературно-художественные альманахи изд-ва "Шиповник". Кн. 6. СПб., 1908. С. 155 (в составе цикла "Голоса в полях"); *Пепел*. С. 171–172 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 05. Дедово. Варианты первой публикации:

вместо [20–24]

Стою с блеснувшим копием,
Пронзившим веющий туман
Своим алмазным острием,
Подобным утренней звезде.

Поберегутся меня –
Поберегутся дня!

ТОМ ВТОРОЙ

1906 ГОД

Бегство ("Шоссейная вьется дорога...")

Машинопись; с припиской Белого: "Только прошу набирать первые 10 строф. Последние *6 строф* – прошу зачеркнуть. А.Б.". Сокращенная редакция (без строф 11–16) одноименного стихотворения (впервые: Перевал. № 2. 1906. С. 3 – в объеме строф 1–5, 8–10; *Пепел*. С. 225–227 – в разделе "Горемыки", с датировкой: 06. Малёвка).

Путь

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1906. № 8. С. 13–14 (в составе цикла "Одинокие"); *Пепел*. С. 231 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Дедово.

Жизнь ("Всю-то жизнь вперед иду покорно я...")

Беловой автограф. Впервые: Весы. 1906. № 8. С. 15–16 (в составе цикла "Одинокие"); *Пепел*. С. 203 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь. Варианты (*Пепел*):

6 Вздохом сладко вдаль зовет идти,
13–14 Как зарей вечернею, зеленою, –
Как поет восторг, поет в груди!

С Вячеславом Ивановичем *Ивановым* (1866–1949) – крупнейшим поэтом и мыслителем, теоретиком символизма – Белый познакомился в Москве в апреле 1904 г. В их многолетних сложных взаимоотношениях были периоды идейно-эстетического противостояния (1907–1908) и сближения (в частности, в 1910–1912 гг. на "мусагетской" платформе).

Все забыл

Беловой автограф. Впервые: "Корабли". Сб. стихов и прозы. М., 1907. С. 107 – без деления на строфы; *Пепел*. С. 208 (в разделе "Просветы") – с посвящением Г. Гюнтеру и датировкой: 06. Москва.

Вечер ("Вечер. Коса золотистая...")

Машинопись. Впервые: Тропинка. 1906, № 18 (15 сентября). С. 812–813 – под заглавием "Вечер в лесу", с посвящением С.М. Соловьеву; *Пепел*. С. 204 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 06. Дедово.

22 *Блещущий глетчер*. – См. примеч. на с. 378.

Ты

Машинопись. Впервые: Золотое руно. 1906. № 7/9. С. 104 – под заглавием "С.М. Соловьеву"; *Пепел*. С. 214–215 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 06.

Дедово. Варианты первой публикации:

20 Просижу всю ночь.
21 Пусть меня росой окропит.

Тень

Беловой автограф. Впервые: *Пепел*. С. 205 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь. Варианты (*Пепел*):

4 Целует и гладит мне спелое просо.
5–8 Но облак, порфирой своей переметной,
Лизнувший по морю колосьев кипящих,
Поплыл, отеняя в душе беззаботной
Немые пространства восторгов томящих.

Побег

Машинопись. Впервые: Весы. 1906. № 8. С. 7–8 (в составе цикла "Одинокие"); *Пепел*. С. 234–235 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Москва. Варианты первой публикации:

3 Слышишь: ели – ветвистые ели –
5–8 Ты уставилась в дальнюю просинь
Бледным ликом, прозрачным, как снег.
Как свершился в холодную осень,
Наш любовный, отважный побег.
12 Как бежали вдоль узкой межи, –
17–18 Про осеннюю, вечную скуку,
Я про вечную скуку пою.
21 Побежим – побежим, и заплещут
23–24 Как над нами, гонимые, блещут,
Золотые, кружатся листы.
25 *отсутствует*

Осень ("Мои пальцы из рук твоих выпали...")

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 236 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Мюнхен.

На скате

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 57–58 (в разделе "Россия") – с датировкой: 06. Вариант (*Пепел*):

[11] На грудь бурьян, кривой, лихой,

Телеграфист

Беловой автограф. Сокращенная и переработанная редакция одноименного стихотворения (впервые: Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 45 – первоначальная редакция, в составе цикла "Обыденность"; промежуточная редакция: *Пепел*. С. 22–26 – в разделе "Россия", с посвящением С.Н. Величкину и датировкой: 06–08. Серебряный-Колодезь).

Вспомни!

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 232–233 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Мюнхен.

В полях ("В далях селенье...")

Машинопись. Впервые: Русский артист. 1907. № 9 (2 декабря). С. 129 – с подзаголовком «Из цикла "Тоска по воле"»; *Пепел*. С. 228–229 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Москва. Варианты первой публикации:

[13] В ветре с тревогой
[15] В балке пологой

Веселье на Руси

Беловой автограф. Сокращенная редакция одноименного стихотворения (впервые: *Пепел*. С. 43–44 – в разделе "Россия", с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь; варианты в разделении текста на строки).

Варианты (*Пепел*):

между [12] и [13]

Трепаком-паком размашисто пошли: –
Трепаком, душа, ходи-валяй-вали:

Трепака да на лугах,
Да на межах, да во лесах –

Да обрабатывай!

между [17] и [18]

Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

[18–19] *Гомилетика! // Каноника!* – Гомилетика – часть риторики, излагающая правила церковного красноречия. Каноника – собрание церковных канонов.

На откосе

Машинопись. Впервые: Весы. 1906. № 8. С. 11–12 (в составе цикла "Одинокие") – 1-я часть стихотворения "Убийца"; *Пепел*. С. 78–79 (в разделе "Деревня") – с датировкой: 06. Москва.

[20] *Поплетусь в Саров*. – Саровская пустынь в Тамбовской губернии, место затворничества св. Серафима (см. примеч. к стихотворению "Св. Серафим", с. 369); один из центров паломничества. Белый посетил Саров в конце августа 1904 г.

Осинка

Беловой автограф. Переработанная редакция одноименного стихотворения в четырех частях (впервые: Перевал. № 2. 1906. С. 4–5 – в составе цикла "Горемыки", первоначальная редакция в двух частях; промежуточная редакция: *Пепел*. С. 45–53 – в разделе "Россия", с посвящением А.М. Ремизову и датировкой: 06. Дедово).

С писателем Алексеем Михайловичем *Ремизовым*

(1877–1957) Белый познакомился в Петербурге в декабре 1905 г. "Осинка" по стилю и образной структуре во многом близка творчеству Ремизова, насыщенному народно-поэтическими мотивами.

Горе

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Перевал. № 2. 1906. С. 5 – в составе цикла "Горемыки"; *Пепел*. С. 62–65 (в разделе "Россия") – с датировкой: 06. Москва.

Бегство ("Ноет грудь в тоске неясной...")

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1906. № 8. С. 12 (в составе цикла "Одинокие") – 2-я часть стихотворения "Убийца", строфы 1, 2, 5; *Пепел*. С. 85 (в разделе "Деревня") – с датировкой: 06. Москва.

Каторжник

Беловой автограф. Сокращенная редакция (изъято семь строф) одноименного стихотворения (впервые: Золотое руно. 1906. № 1. С. 50–51 – в составе цикла "Горемыки", первоначальная редакция под заглавием "Беглый" и с посвящением А.А. Кублицкой-Пиоттух; промежуточная редакция: *Пепел*. С. 32–35 – в разделе "Россия", с посвящением Н.Н. Русову и датировкой: 06–08. Серебряный-Колодезь, без деления текста на части). Автограф первоначальной редакции (с вариантами) – в письме к А.А. Кублицкой-Пиоттух (середина августа 1905 г. – в кн.: Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 304).

Хулиганская песенка

Машинопись. Впервые: "Корабли". Сб. стихов и прозы. М., 1907. С. 108 – без деления на строфы; тот же текст: Вечерняя заря. 1907. № 212, 7 мая; *Пепел*.

С. 230 (в разделе "Горемыки") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь. Варианты первых публикаций:

3 И ходил ко мне скелет
7–8 *отсутствуют*
вместо 11–12
Так дымил кадилом в нос!
Чепуху такую нес!
Уж и грянул, грянул хор:
"Ты был – жулик, он был вор".
между 14–15
Повалили в кабачок.
Распивали там чаек.

Отпевание

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1907. № 6. С. 7–9 – без заглавия, в составе 3-й и 4-й частей "лирической поэмы" "Панихида"; *Пепел*. С. 176–177 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь.

У гроба

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1907. № 6. С. 7–8 – без заглавия, в составе 3-й части "лирической поэмы" "Панихида"; *Пепел*. С. 178–179 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь.

Вынос

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1907. № 6. С. 9–11 – без заглавия, 5-я часть "лирической поэмы" "Панихида"; *Пепел*. С. 180–182 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь.

Свидание

Беловой автограф. Впервые: Весы. 1907. № 6. С. 13 – без заглавия, 8-я часть "лирической поэмы"

"Панихида"; *Пепел.* С. 217–218 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь. Вариант (*Пепел*):

17 Вонею кропили.

Преследование

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1907. № 6. С. 12–13 – без заглавия, 7-я часть "лирической поэмы" "Панихида"; *Пепел.* С. 143–144 (в разделе "Город") – с датировкой: 06. Серебряный-Колодезь.

Арлекинада

Беловой автограф. Строфы 1–6 одноименного стихотворения (впервые: *Пепел.* С. 140–141 – в разделе "Город", с посвящением "Посвящается современным арлекинам" и датировкой: 06. Мюнхен). Автограф первоначальной редакции – под заглавием "Вакханалия" (*РГАЛИ*).

Восстание

Беловой автограф. Строфы 8–12 стихотворения "Арлекинада" (впервые: *Пепел.* С. 141–142 – в разделе "Город", с посвящением "Посвящается современным арлекинам" и датировкой: 06. Мюнхен). Вариант (*Пепел*):

1 Камелии; и встал мертвец,

Характеризуя свои переживания осени 1906 г., Белый пишет: «...схожу с ума от внутренней боли 〈...〉 стихотворение *"Арлекинада"* выражает настроение этого периода: изображен мертвец, мстительно встающий из гроба; "мертвеца" замучили люди» (*Материал к биографии*, л. 54).

На площади

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 150–151 (в разделе "Город") – с датировкой: 06. Мюнхен.

Прохождение

Беловой автограф. Впервые: *Пепел*. С. 152–153 (в разделе "Город") – с датировкой: 06. Мюнхен.

Похороны

Машинопись. Впервые (первоначальная редакция): "Факелы". Кн. 1. СПб., 1906. С. 35–36 – без заглавия; *Пепел*. С. 145–146 (в разделе "Город") – с датировкой: 06. Москва.

Стихотворение навеяно впечатлениями от похорон Н.Э. Баумана, состоявшихся 20 октября 1905 г. и превратившихся в политическую демонстрацию рабочих (участвовало до 30 тыс. человек). См.: *Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 46–49, 458–459.

1907 ГОД

В ПОЛЯХ

Полевой пророк

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): Перевал. № 6. 1907. С. 21 – под рубрикой «Из цикла "Безумный"», с датировкой: Париж. 1907; *Пепел*. С. 160 (в разделе "Безумие") – с посвящением В.В. Владимирову и датировкой: 07. Париж. Вариант (*Пепел*):

19 Я – просторов рыдающий сторож,

Пока...

Машинопись. Впервые: Перевал. № 10. 1907. С. 20 – под заглавием "Народный вождь"; *Пепел*. С. 147

(в разделе "Город") – без заглавия, с датировкой: 07. Петровское. Варианты первой публикации:

2 Один лишь ты живешь, дотоле
5 Уж покрывается чело,
8 Года воздетые к высотам.
10–11 Потом нальется в окна злато.
День – белый жемчуг, день – слеза –
13–16 Вскипает ветр, восходит дождь,
Восходит даль лазурной степью.
Но ты и здесь – народный вождь –
Зови своей железной цепью!

Песенка комаринская

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 54–56 (в разделе "Россия") – с датировкой: 07. Петровское.

Утро ("Рой отблесков... Утро...")

Беловой автограф. Впервые: *Пепел*. С. 175 (в разделе "Безумие") – с датировкой. 07. Москва; каждые две строки оформлены как один стих. Вариант (*Пепел*):

13–14 Мой гроб уплывет – золотой в золотые лазури.

Друзьям

Беловой автограф. Впервые: Золотое руно. 1907. № 3. С. 40 (в составе цикла "Эпитафия", посвященного З.Н. Гиппиус) – без заглавия, с датировкой: Париж. 1907; *Пепел*. С. 183–184 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 07. Париж.

Стихотворение написано Белым в больнице в январе 1907 г. после перенесенной мучительной операции. Нина Ивановна *Петровская* (1884–1928) – писательница из круга символистов. О ее отношениях с Белым см. в мемуарных очерках В.Ф. Ходасевича "Конец Ренаты" и "Андрей Белый" (*Ходасевич Вл*. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 272–275,

298–301); см. также примеч. к стихотворению "Преданье" (с. 373–374). Ср. письмо Петровской к Белому (Париж, 2/15 февраля 1909 г., на открытке): «"Цветы на нем побиты, образок полинял"... Café de Panthéon. С Бальмонтом....... от него "солнечный привет". От меня... Тяжелые плиты, – жду, чтоб их кто-нибу⟨дь⟩ снял... Всегда, вечно. Nina» (*РГБ*. Ф. 25. Карт. 21. Ед. хр. 17).

В полях ("Я забыл. Я бежал. Я на воле...")

Беловой автограф. Впервые: Перевал. № 6. 1907. С. 20–21 (в составе цикла "Безумный") – с датировкой: Париж, 1907; *Пепел*. С. 157–158 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 07. Париж. Варианты первой публикации:

5–6 Не страшна уж ни боль, ни тоска мне.
Ах, терзали – я падал в крови
10 Я лицом бледно-белым, как день.
12 Легколетную, черную тень.
21–22 Ветер, ветер, ты брат мой, ты тихо
Здесь пролей на меня свою сонь.

Город

Беловой автограф. Впервые: *Пепел*. С. 196–197 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 07. Варианты (*Пепел*):

16 Лик мой, что в высь опрокинул,
22 Вихрь меня пылью замылит

Пустыня

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 59–61 (в разделе "Россия") – с посвящением В.Ф. Эрну и датировкой: 07.

Приходи

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 216 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 07.

Матери

Беловой автограф. Впервые: Весы. 1907. № 6. С. 14 – без заглавия, 9-я часть "лирической поэмы" "Панихида"; *Пепел*. С. 159 (в разделе "Безумие") – с датировкой: 07. Париж. Вариант заключительного стиха: "Не устанешь над сыном вздыхать" (*Пепел*). В первой публикации между строфами 4 и 5 (ст. 16 и 17) строфа:

А здесь полевая цапля,
И та, теперь заклюет.
И холодная, темная капля
Задрожит, слезой упадет.

Царь

Беловой автограф. Впервые (первоначальная редакция): Перевал. № 12. 1907. С. 7 – под заглавием "В воздухе"; промежуточная редакция: *Пепел*. С. 186–187 (в разделе "Безумие") – без заглавия, с датировкой: 07. Москва.

Обручение

Беловой автограф. Впервые: Литературно-художественные альманахи изд-ва "Шиповник". Кн. 6. СПб., 1908. С. 153–154 (в составе цикла "Голоса в полях") – под заглавием "Обручальное кольцо (заклинание)"; *Пепел*. С. 211–212 (в разделе "Просветы") – под заглавием "Обручальное кольцо", с датировкой: 07. Петровское, – и с другой последовательностью строк в строфах 2 (6, 7, 8, 5), 4 (10, 9, 11, 12), 5 (20, 17, 18, 19). Варианты (*Пепел*):

14 Если ты пьешь, чуть дыша,
21 Сердишься, прячешь кольцо, –
24 Мечут янтарную молнью.

В лодке

Машинопись. Первоначальные публикации: Киевская искра (приложение к газ. "Киевские вести"). 1908. № 20, 15 мая; Заря жизни (Екатеринбург). 1908. № 19; Тифлисский листок. 1908. № 114, 18 мая; Голос (Одесса). 1908. № 13, 16 июня. *Пепел*. С. 202 (в разделе "Просветы") – с датировкой: 07. Париж. Варианты первоначальных публикаций:

7 Я веслом отстраняю послушным,
13 Пронизав, хрустали золотые

"Листочками"

Беловой автограф. Впервые: *Пепел*. С. 213 (в разделе "Просветы") – под заглавием "Память", с датировкой: 07. Варианты (*Пепел*):

1–4 Всхлипнет ветка осиновая.
Листочком
Глазочком
Поморгает лампадка малиновая.

вместо 6–7
Приходят ко мне с веночком, –
С цветами –
Белыми, сладостными

вместо 10–11
Орошаю радостными
Моими слезами
Цветы.

Демон ("Ты шепчешь вновь: "Зачем, зачем он...")

Беловой автограф. Сокращенная редакция (с изъятием строф 3, 5, 6) стихотворения (впервые: Перевал. № 12. 1907. С. 7 – под заглавием "Вознесение", первоначальная редакция; *Пепел*. С. 219–220 – в разделе "Просветы", под заглавием "Обет", с датировкой: 07. Москва). Варианты (*Пепел*):

2–3 Тревожит память мертвых дней?
В порфире легкой, легкий демон,

ТРИСТИИ

Заглавие раздела восходит к книге Овидия "Tristia" ("Скорбные элегии", 9–14 гг.).

Зима

Печ. текст (*Урна*); с припиской Белого: "Прошу исправить опечатку в первой строке. Напечатано: "Сильней..." Следует: "Синей..." А.Б.". Впервые: В мире искусств. 1907. № 11/12. С. 5 – без посвящения, в объеме строф 1–3, 6–8, 10; *Урна*. С. 25–26 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1907. Петровское. Варианты первой публикации:

6 Захлещет хладом вглубь аллей;
27 И в пламенистых, легких звеньях
29–32 Наш мир – юдольный, мир – печальный...
Но искрится бокал огнем,
Когда вскипит бокал хрустальный
Струистым, пенистым вином.

О взаимоотношениях Белого с поэтом, критиком, художником Максимилианом Александровичем *Волошиным* (1877–1932) см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Волошинские чтения. Сб. научных трудов. М., 1981. С. 80–91.

Ссора ("Год минул встрече роковой...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Весы. 1908. № 5. С. 7–8 (в составе цикла "Стансы") – без деления на части; *Урна*. С. 27–28 – в разделе "Зима", с датировками: 1907. Москва (1-я часть), 1908. Москва (2-я часть).

1 *Год минул встрече роковой...* – В биографи-

ческом аспекте подразумевается любовное объяснение с Л.Д. Блок (26 февраля 1906 г.).

В поле

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 33–34 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1907. Париж. Автограф (*РГАЛИ*) состоит из строф 1–3 опубликованного текста и пяти строф, в него не вошедших (см.: *Стихотворения*. С. 207–208).

Совесть

Печ. текст (*Урна*); с припиской Белого: «В четвертой строке 1-й строфы прошу исправить опечатку: напечатано: "*Над* домом..." Следует: "*Под* домом"». Впервые: Золотое руно. 1907. № 3. С. 38 (в составе цикла "Эпитафия", посвященного З.Н. Гиппиус) – без заглавия, в объеме строф 1–3, 5–7, 9; *Урна*. С. 35–36 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1907. Париж. Варианты первой публикации:

9–11 Они боялись, как огня,
Что я – помеха их досугу.
И вот так ласково меня
23–24 Пускай за мною робкий след
Прочертит бархат хрупкобелый –

В стихотворении непосредственно отразились переживания, вызванные обострением отношений с Л.Д. Блок и А. Блоком. Приводя 8-ю строфу ("Покоя не найдут они" и т.д.), Белый поясняет: «"*Они*" – Блоки» (*Материал к биографии*, л. 54 об.).

"Да не в суд или во осуждение..."

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 16 (в составе цикла "Стансы"); *Урна*. С. 59 (в разделе

"Разуверенья") – с датировкой: 1907. Москва. Варианты первой публикации:

3 Восходит ветр в воздушной вышине.
6 Весной весна, и чем ее измерю?
8 Я знаю все. Я промолчу. Я верю.
10 В веках, в мирах обиду я измерю.
12 Я промолчу. – Как мне сказать: "Не верю"?
13–14 Кто осужден на оном судном дне?
Свершится суд. Люблю тебя и верю.

Заглавие – молитвенная формула канона Святого Причащения: "Да не в суд или во осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела".

Стезя

Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 15 (в составе цикла "Стансы"); *Урна*. С. 39 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1907. Петербург. Вариант первой публикации:

13 Мне жить? А ты? Мне быть? Зачем?

Гранит

Беловой автограф. Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 11 (в составе цикла "Стансы"); *Урна*. С. 60 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1907. Кронштадт. Вариант первой публикации:

2 Ушла она: не возвратилась.

Варианты (*Урна*):

6–7 Окрестность чешуей одета.
Там пляшут, плавно пляшут в ночь
24 В кольце лучей – в кольце слепящем.

Ночь ("Изгложет, гложет ствол тяжелый ветер...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 12 (в составе цикла "Стансы") – под заглавием "О если

бы!...", с вариантами в разделении текста на строки; *Урна*. С. 45–46 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1907. Петербург. Варианты первой публикации:

вместо [23–27]

Там – ночь, там – смерть: ты – там, за гранью роковою.
Я ночь тобой, я смерть благословлю тобой: засни –

Разуверенье

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 14 (в составе цикла "Стансы") – без посвящения; *Урна*. С. 56 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1907. Москва. Варианты первой публикации:

[4] Холодных дум холодное волненье?
[13] Как все прейдет! И ты склонись послушно
[16] Своей струей, как тихий призрак, встанет.

Муни (псевдоним Самуила Викторовича Киссина; 1885–1916) – поэт из круга московских символистов; ближайший литературный спутник В. Ходасевича. См.: *Андреева И*. "Огромной рифмой связало нас..." К истории отношений Ходасевича и Муни // De Visu. 1993. № 2. С. 24–41.

Когда...

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 13 (в составе цикла "Стансы") – без ремарок, каждые две строки оформлены как один стих; *Урна*. С. 47–48 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1907. Петербург. Варианты первой публикации:

вместо [23–24]

Теперь склонись, люби – целуй: скажи: "Умри".

вместо [33–36]

Тогда дневных лучей слепящий ток, червленый,
Клоня кленовый шум по купам прокипел.

Ночь ("Как минул вешний пыл, так минул страстный зной...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Корона.* С. 38 (в составе цикла "Усталость") – под заглавием "Элегия", без посвящения; *Урна.* С. 52 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1907. Петровское. Варианты первой публикации:

9 Преходит тенью мир. Как просто все вокруг.
13 Пролейся, лейся мгла! Мятись, суровый бор!

Сергей Михайлович *Соловьев* (1885–1942) – поэт, прозаик, религиозный публицист; ближайший друг Белого с гимназических лет.

4 *Гайден* – Франц Йозеф Гайдн (1732–1809), австрийский композитор, один из основоположников венской классической школы.

Просветление

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1907. № 3. С. 37 (в составе цикла "Эпитафия", посвященного З.Н. Гиппиус) – без заглавия, с датировкой: Париж. 1907; *Урна.* С. 115–116 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1907. Париж.

Время

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): *Корона.* С. 29 (в составе цикла "Усталость"); *Урна.* С. 117–118 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1907. Петровское.

Лета

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Литературно-художественные альманахи изд-ва "Шиповник". Кн. 6. СПб., 1908. С. 160–161 (в составе цикла "Голоса в полях") – под заглавием "Она"; *Урна.*

С. 102–103 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1907. Петровское.

Мифологический образ *Леты* – реки забвения в царстве мертвых (греч. миф.) – обыгрывается здесь в связи с автобиографическим мотивом – переживаниями ночи с 7 на 8 сентября 1906 г., когда, после решающего объяснения с Л.Д. Блок и А. Блоком, Белый пытался покончить самоубийством – броситься с моста в Неву (см.: *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 91).

Как и всегда...

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): *Корона.* С. 36 (в составе цикла "Усталость") – под заглавием "Зов", без посвящения; *Урна.* С. 97–99 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1907. Петровское.

Сергей Соловьев – см. примеч. к стихотворению "Ночь" (с. 415).

«Ушла. И вновь мне шлет: "Прости"...»

Беловой автограф с правкой; первоначальный вариант ст. 11: "Там кучи облачные льдов". Строфы 1–3 стихотворения "Пустыня" (впервые: *Корона.* С. 30-31 – в составе цикла "Усталость", первоначальная редакция, под заглавием "Синева"; *Урна.* С. 74–75 – в разделе "Философическая грусть", под заглавием "Пустыня", с датировкой: 1907). Варианты (*Урна*):

11–12 Так кучи облачные льдов
На тверди бледной бледно стынут.

Прошлому

Беловой автограф. Впервые: *Корона.* С. 32–33 (в составе цикла "Усталость"); *Урна.* С. 100–101 (в раз-

деле "Тристии") – с датировкой: 1907. Париж. Варианты первой публикации:

14 Душа полна, душа ясна.
20 Тогда над полем вдруг лазурь

Варианты (*Урна*):

26–27 Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся

"Гляжу – свиваясь вдоль дороги..."

Беловой автограф. Заключительные строфы 18–20, 17 стихотворения "Искуситель" (впервые: Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 44–45 – в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий", первоначальная редакция; *Урна*. С. 72–73 – в разделе "Философическая грусть", под заглавием "Искуситель", с посвящением Врубелю и датировкой: 1908. Москва). Варианты (*Урна*):

8 Чуть продышавших облаков.
9–11 О, пусть тревожно разум бродит
Над грудою поблеклых книг...
И Люцифера лик восходит,

Ночь ("О, ночь, молю...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): *Корона*. С. 35 (в составе цикла "Усталость"); *Урна*. С. 94–95 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1907. Москва.

6 *Борей* (греч. миф.) – бог северного ветра; иносказательно – порывистый, холодный ветер.

Вольный ток

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Корона*. С. 34 (в составе цикла "Усталость") – под заглавием "Просветление", без строфы 5; *Урна*. С. 93 (в разделе "Тристии")

– с датировкой: 1907. Петровское. Варианты первой публикации:

3 Тони, тони в старинной чаше,
7–9 Меня душил страстей юдольный
Гробницей павший, неба свод.
А ныне – ныне в воздух пьяный
13 И там, где громом в твердь растущий

Люцифер

Беловой автограф. Строфы 6–8 стихотворения "Пустыня" (впервые: *Корона.* С. 30–31 – в составе цикла "Усталость", первоначальная редакция, под заглавием "Синева"; *Урна.* С. 75 – в разделе "Философическая грусть", под заглавием "Пустыня", с датировкой: 1907). Варианты (*Урна*):

2 Восстав, как некий синий инок.
7 Забрызжут градным хрусталем
9 С лазуревых и чистых сфер

11 *Как светоносный Люцифер...* – Люцифер (лат. "Утренняя звезда"; слав. – Денница) – одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя божественному свету: "Как упал ты с неба, денница, сын зари!" (Ис XIV, 12).

Зов ("За годом год – бегут года...")

Беловой автограф. Строфы 4, 5, 9, 10 стихотворения "Пустыня" (впервые: *Корона.* С. 30–31 – в составе цикла "Усталость", первоначальная редакция, под заглавием "Синева"; *Урна.* С. 75–76 – в разделе "Философическая грусть", под заглавием "Пустыня", с датировкой: 1907). Вариант (*Урна*):

2 Бегут туда, где синь сквозная

Кольцо

Беловой автограф. Впервые: *Корона*. С. 37 (в составе цикла "Усталость"); *Урна*. С. 96 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1907. Петровское. Варианты первой публикации:

5-6 "Ты – камень, пущенный из яростной пращи,
Браздишь юдольный свет.
10 Беги, беги туда".
13 В синеющую синь прольется жизнь моя,

Вариант (*Урна*):

10 Там – ночь: иди туда...

ТОМ ТРЕТИЙ

("ЗОВЫ")

Жизнь ("Ты – вот, ты – юн, ты – молод...")

Беловой автограф. Заключительные строфы 7–8 стихотворения "Смерть" (впервые (с включением этих строф): *Урна*. С. 41 – в разделе "Зима", с датировкой: 1908. Петербург).

1908 ГОД

МОСКВА И ПОДМОСКОВНОЕ

Маскарад

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 123–126 (в разделе "Город") – с посвящением М.Ф. Ликиардопуло и датировкой: 08. Серебряный-Колодезь.

Образный строй стихотворения связан, как свидетельствует Белый в "Воспоминаниях о Блоке", с его мучительным внутренним состоянием летом 1906 г.: "...я был ненормальным в те дни; я нашел среди старых

вещей маскарадную черную маску: надел на себя, и неделю сидел с утра до ночи в маске ⟨...⟩ мне хотелось одеться в кровавое домино; и – так бегать по улицам; переживания этих дней отразились впоследствии темою *маски* и *домино* в произведениях моих" ("Эпопея". М.; Берлин, 1922. № 3. С. 187). Образ красного домино на бале-маскараде (в соединении с образом "гостьи-смерти") навеян также рассказом Эдгара По "Маска Красной Смерти" (1842).

32 *Открывает котильон.* – Котильон – бальный танец с большим количеством фигур, в которые входят другие танцы (вальс, мазурка, полька).

47 *Лишь, виясь, пучок конфетти...* – Белый спутал конфетти (кружочки из разноцветной бумаги) с серпантином (узкие разноцветные бумажные ленты, которыми перебрасывается публика на балах, маскарадах и карнавалах).

Премудрость

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 46–47 (в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий") – под заглавием "Философия"; *Урна*. С. 63–64 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва.

9 *Профессор марбургский Когэн...* – Герман Коген (1842–1918) – немецкий философ и логик, глава марбургской школы неокантианства. К изучению трудов философов-неокантианцев Белый приступил осенью 1904 г., с особенным усердием углубился в неокантианскую литературу (и вообще в гносеологическую проблематику) в 1907–1908 гг. (см.: *Филиппов Л.И.* Неокантианство в России // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978. С. 310–316; *Сиклари Анжела Диолетта.* Нео-

кантизм в мышлении Белого // Andrej Belyj. Pro et contra. Milano, 1986. P. 75–85).

[11] *Им отравил меня N*. N**. – Подразумевается Борис Александрович Фохт (1875–1946) – философ-неокантианец, ученик Когена (см.: *Вашестов А.Г.* Жизнь и труды Б.А. Фохта // Историко-философский ежегодник '91. М., 1991. С. 223–231). В "Воспоминаниях о Блоке" Белый сообщает: "...руководитель студентов, приверженных Канту, Б.А. Фохт дал очень мне много своими прекрасными указаниями, советами и разъяснениями некоторых для меня спорных пунктов кантианской литературы" ("Эпопея". М.; Берлин, 1922. № 2. С. 155).

[23] *И "Критикой" благословит...* – Подразумеваются труды великого немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804): "Критика чистого разума" (1781), "Критика практического разума" (1788), "Критика способности суждения" (1790).

Воспоминание ("Декабрь... Сугробы на дворе...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 32 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1908. Петербург.

Весна ("Уж оттепельный меркнет день...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Русская мысль. 1909. № 1. Отд. I. С. 87 – под заглавием "Сумерки"; *Урна*. С. 31 (в разделе "Зима") – с датировкой: 1908. Москва. Варианты первой публикации:

2 Уж синяя синеет тень.
8–9 В твоем покое чую я.
Смеешься ты: твое отображенье
11–15 *отсутствуют*

Мой друг

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 65–66 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908.

[2] *...марбургский философ.* – Подразумевается Б.А. Фохт (см. примеч. к стихотворению "Премудрость", с. 421).

[24] *Глядим на Воробьевы горы...* – Воробьевы горы – холмы на противоположном от Новодевичьего монастыря берегу Москвы-реки.

Ночью на кладбище

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 68 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва.

К ней

Беловой автограф. Впервые: *Урна*. С. 67 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва.

Под окном

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 69 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва.

[3] *Но "Критики" передо мной...* – См. примеч. к стихотворению "Премудрость" (с. 421).

Разлука

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 92 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1908. Дедово.

Сентиментальный романс

Печ. текст (*Урна*). Впервые (первоначальная редакция): Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 45–46 (в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий") – под заглавием "Июнь" и с подзаголовком "Сантиментальный романс", без посвящения; *Урна*. С. 49–51 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1908. Москва.

Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886–1939) – поэт, критик; во второй половине 1900-х годов входил в ближайший к Белому круг московских символистов. Впоследствии Белый высоко оценил поэзию Ходасевича в статьях "Рембрандтова правда в поэзии наших дней" (Записки мечтателей. 1922. № 5) и "Тяжелая лира и русская лирика" (Современные записки. Париж, 1923. Кн. 15). См.: *Лавров А.В.* "Сантиментальные стихи" Владислава Ходасевича и Андрея Белого // "Новые безделки". Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуро. М., 1995–1996. С. 459–469.

Истома

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 89 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1908. Москва.

Эпитафия

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 79 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Изумрудный Поселок.

Признание

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 47 (в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий") – под заглавием "Любитель мудрости"; *Урна*. С. 77–78 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва. Варианты первой публикации:

1 И перлы сеет хладная роса.
3 Ах, сударь мой: так дней недели семь
8 Над *ней* вздыхать да плакать на луну.
12 "Вот вам пример: на нос надев очки,
31–32 Искристый след прочертит неба склон.
Слетит алмаз в беззвездной бездны сон.

24 *Младых Харит младую наготу...* – Хариты (греч. миф.) – три благодетельные богини, воплощающие радостное, вечно юное начало жизни.

Мефистофель

Беловой автограф с правкой. Первоначальные варианты:

6 Висит, как я, – склонив главу.
9 Мой неподвижный, легкий профиль
39 Мой звездный брат, мой верный гений,
43 Погаснувши зловонным прахом
после 48 (отдельной строфой)
Философ русский, а не немец!!!...

Переработанная редакция (с включением строф 16, 7–13, 15) стихотворения "Искуситель" (впервые: Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 44–45 – в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий", первоначальная редакция; *Урна*. С. 71–72 – в разделе "Философическая грусть", под заглавием "Искуситель", с посвящением Врубелю и датировкой: 1908. Москва). Варианты (*Урна*):

3 В моих руках бессильно виснет
14–16 Он со стены зашелестел;
И со стены бесшумно выпал,
И просквозил, и просерел.
39 Мой звездный брат, мой верный гений,
41–43 Но кто ты, кто? Гудящим взмахом
Разбив лучей сквозных руно,
Вскипел, – и праздно прыснул прахом

48 *Что Кант?.. Вот... есть... Сковорода.* – Григорий Саввич *Сковорода* (1722–1794) – украинский философ и поэт; его объективно-идеалистическое мировоззрение строилось на основе изучения Библии,

патристики и философии Платона. Сковорода противопоставляется Канту как органический и "наивный" мыслитель – мыслителю "искусительному". Подробнее см.: *Лавров А.* Андрей Белый и Григорий Сковорода // Studia slavica (Budapest). 1975. T. XXI. С. 395–404.

Искуситель

Беловой автограф. Строфы 1–6 одноименного стихотворения (впервые: Золотое руно. 1908. № 3/4. С. 44–45 – в составе цикла "Меланхолия", посвященного "Поклонникам философических раздумий", первоначальная редакция; *Урна*. С. 70–71 – в разделе "Философическая грусть", с посвящением Врубелю и датировкой: 1908. Москва).

Праздник

Машинопись. Впервые: *Пепел*. С. 130–131 (в разделе "Город") – с посвящением В.В. Гофману и датировкой: 08. Серебряный-Колодезь. Вариант ст. 17–20 приведен в романе "Петербург" (гл. 4, главка "Точно плакался кто-то..."; см.: *Белый Андрей*. Петербург. Л., 1981. С. 157):

Кто вы, кто вы, гость суровый,
Роковое домино?
Посмотрите – в плащ багровый
Запахнулося оно.

[1] *А джиорно* (*ит.* á giorno – как днем) – искусственное освещение зала, комнаты и т.п.

[5–6] *...контредансом // Завиваясь* в *"chinoise"...* – Контрданс – собирательное название для многочисленных танцев, построенных по каре или по линии, где четное число пар стояло друг против друга (наиболее известный контрданс – французская кадриль); "chinoise" (*франц.* – китайский) – фигура кадрили.

[24] *Гри-де-перлевым...* – Гри-де-перль – жемчужно-серый.

РАЗДУМЬЯ

Напиток

Беловой автограф. Впервые: *Урна*. С. 87 (в разделе "Тристии") – под заглавием "Алмазный напиток", с датировкой: 1908. Серебряный-Колодезь.

Волна

Беловой автограф. Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 17 (в составе цикла "Стансы"); *Урна*. С. 88 (в разделе "Тристии") – с посвящением И.Н. Бороздину и датировкой: 1908. Москва. Вариант первой публикации:

14 То вечный путь зовет к себе... прильнуть...

Жизнь ("Проносится над тайной жизни...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 107–108 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Дедово. Автограф стихотворения помещен в начале рукописного сборника стихотворений Ю. Сидорова (*РГБ*). Автограф в *РГАЛИ* имеет посвящение: "Многоуважаемому и любимому Михаилу Осиповичу Гершензону"; датирован: Петербург. 6 марта.

Юрий Ананьевич *Сидоров* (1887–1909) – поэт, студент философского отделения историко-филологического факультета Московского университета; в 1907–1908 гг. сблизился с кругом московских символистов, скончался 21 января 1909 г. В предисловии к посмертному сборнику его стихотворений ("Дорогой памяти Ю.А. Сидорова") Белый писал: "Я познакомился с Ю.А. всего за год до его кончины; говорил и встречался с ним мало, но каждая встреча запечатлевалась надолго в моей памяти, каждый разговор на многое, мне доселе не ясное, раскрывал глаза ⟨...⟩ Пока среди хаоса современности, среди брожений неокрепшей мысли, истерических поступков и пустых фейерверков слов существуют люди, подобные Сидо-

рову, *не талантливые только, но и нравственно мудрые*, чего нам бояться, ибо с нами Бог!" (*Сидоров Ю.* Стихотворения. М., 1910. С. 12). В посмертном сборнике помещены три стихотворения Сидорова, посвященные Андрею Белому: "Мчатся бесы", "В церкви", "Всенощная" (с. 63, 85, 88).

Смерть ("Кругом крутые кручи...")

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 18 (в составе цикла "Стансы") – без деления на строфы; *Урна*. С. 40–41 (в разделе "Зима") – с дополнительными строфами 8–9 (см. стихотворение "Жизнь", с. 244) и датировкой: 1908. Петербург.

Ночь и утро

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 109 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Дедово.

Борис Александрович *Садовской* (наст. фам. Садовский; 1881–1952) – поэт, прозаик, критик, историк литературы; во второй половине 1900-х годов активно участвовал в журнале "Весы", где Белый был ближайшим сотрудником и одним из идейных руководителей.

Ночь-отчизна

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 110 (в разделе "Думы) – с датировкой: 1908. Дедово.

Вечер ("Там золотым зари закатом...")

Печ. текст *(Урна*). Впервые: *Урна*. С. 111 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Дедово.

Перед грозой

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 112 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Дедово.

Рок

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 113 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Дедово.

Приход ночи

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 90–91 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1908. Москва.

Татьяна Анатольевна *Рачинская* (урожд. Мамонтова; 1864–1920) – жена Г.А. Рачинского, литератора и мыслителя, председателя Московского Религиозно-философского общества.

Поле

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 114 (в разделе "Думы") – с датировкой: 1908. Суйда.

Прости

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 53–55 (в разделе "Разуверенья") – с датировкой: 1908. Москва.

Я это знал

Печ. текст (*Урна*). Впервые: Весы. 1908. № 5. С. 9–10 (в составе цикла "Стансы") – без строфы 5; *Урна*. С. 29–30 (в разделе "Зима") –с датировкой: 1908. Москва. Варианты первой публикации:

5–7 Взлетят и дико брызнут в ночь,
Заслышав коней черных травлю.
Моей тоски не превозмочь.
30 Рука – как лилия, сквозная.
33 Заутра здесь твой мертвый друг

Льву Толстому

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна*. С. 123–124 (в разделе "Посвящения") – с датировкой: 1908. Серебряный-Колодезь.

[2] *Кого когда-то зрел и я...* – Мимолетные детские воспоминания о Л.Н. Толстом, эпизодически бывавшем в 1880-е годы в квартире Бугаевых на Арбате, Андрей Белый передает в книге "На рубеже двух столетий" (М., 1989. С. 132–133); см. также мемуарный очерк Белого о Толстом, не опубликованный при жизни автора (в кн.: Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 638–644. Предисловие и публикация Льва Озерова).

Демон ("Из снежных, тающих смерчей...")

Беловой автограф. Впервые: *Урна*. С. 81–82 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва. Вариант (*Урна*):

15 Гонимые в глухую мглу

О переживаниях, отразившихся в стихотворении, Белый вспоминает: "Когда я лежал на диване, вперясь в наклонно висевшее зеркало против меня, я упирался глазами в себя самого: этот "я", отененный, зеленый, простертый, как труп, на диване, смотрел на меня так угрюмо, неласково, с угрожающим порицанием; и курил, курил, соря пеплом, мутнея за клубами дыма, которые не защищали меня от его укоризненных глаз; я его называл своим "демоном"; и о *нем* написал я, когда он, меня пощадив, *отлетел* от меня ⟨...⟩" (далее – цитаты из "Демона") (*Белый Андрей*. Между двух революций. С. 287).

Буря

Беловой автограф. Впервые: *Урна*. С. 80 (в разделе "Философическая грусть") – с датировкой: 1908. Москва.

1909 ГОД

Э.К. Метнеру

Беловой автограф. Впервые: *Урна*. С. 128–129 (в разделе "Посвящения") – с датировкой: 1909. Москва. В архиве Э.К. Метнера (*РГБ*) – автограф под заглавием "Вместо письма", с датировкой: 09.

Э.К. Метнер – см. примеч. к стихотворению "Старинный друг" (с. 378–379).

[3] *На стогнах шумного Берлина...* – Э.К. Метнер находился в Берлине в феврале 1909 г.

[12–15] *...наши встречи... И нескончаемые речи // О несказанно дорогом.* – Белый подразумевает свои посещения московского дома Метнеров осенью 1902 г.: «Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни – новое откровение музыки для меня ⟨...⟩ Метнер ⟨...⟩ сосредоточивает мое внимание на Канте; он впервые мне приоткрывает подлинного Гете ⟨...⟩ Тут же мне открывается все значение музыки его брата; при мне (за стеной кабинета Э.К. Метнера) он сочиняет свою *сонату* и играет мне "*Stimmungsbilder*"» (*Материал к биографии*, л. 31 об.).

[26] *К нам Алексей Сергеич входит...* – А.С. Петровский (см. примеч. к стихотворению "Странники", с. 388) был одним из близких друзей Э.К. Метнера.

[30–31] *Твой брат C-mol'ную сонату // Наигрывает за стеной...* – Имеется в виду соната для фортепиано f-moll (op. 5) композитора и пианиста Николая Карловича Метнера (1879–1951). А.С. Петровский, сообщая Э.К. Метнеру (21 января 1903 г.) о том, что он и Белый прослушали в авторском исполнении финал сонаты Н. Метнера, добавлял: "Мы его так захвалили сегодня с Бугаевым, что он, кажется, не на шутку рассердился. Дело в том, что хвалили мы его, конечно, не

с чисто музыкальной точки зрения, а под разными углами, напр⟨имер⟩ богословским и т.д. ⟨...⟩ скажу за себя и за Бугаева, что нам соната дала бездну уверенности в победе и силы, очень нужных в нынешнее скверное и опасное грозовое время" (*РГБ*. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 26). См. также статью Белого "Николай Метнер" (1906) (*Белый Андрей*. Арабески. Книга статей. М., 1911. С. 372–375).

32 *Последние аккорды коды...* – Кода – завершающая часть музыкальной пьесы.

Сергею Соловьеву

Печ. текст (*Урна*); с припиской Белого: «P.S. Шестую строку снизу прошу изменить; там есть опечатка: вместо "*Но* попалит" должно стоять "*Не* попалит"». Впервые: *Урна*. С. 125–127 (в разделе "Посвящения") – с датировкой: 1909. Москва.

Сергей Соловьев – см. примеч. к стихотворению "Ночь" (с. 415).

5 *В отдохновительном Петровском...* – В подмосковном имении Петровское Белый и С. Соловьев жили вместе в мае-июне 1907 г.

23–26 *...Твой покойный дядя... Вставал в метели снеговой // В огромной шапке меховой...* – Те же черты облика Вл. Соловьева запечатлены в мемуарном очерке Белого "Владимир Соловьев. Из воспоминаний" (1907): "Он проезжал в своей большой, как у священника, шапке, кутаясь в меха, среди снежных вихрей" (*Белый Андрей*. Арабески. С. 393).

29 *...артурское плененье...* – В ходе русско-японской войны русская крепость Порт-Артур (на берегу Желтого моря) после восьмимесячной осады была сдана противнику (2 января 1905 г.).

30 *...народное волненье...* – Революционные события 1905 года.

[31] *Холера, смерть, землетрясенье...* – Имеются в виду холерная эпидемия в России в 1907 г. и землетрясение в Калабрии и Сицилии (15 декабря 1908 г.), в результате которого погибло около 100 тысяч человек.

[33] *Покой воспоминаний сладок...* – Далее описывается кладбище Новодевичьего монастыря, где похоронены Вл. Соловьев, родители С. Соловьева – М.С. и О.М. Соловьевы, отец Белого – Н.В. Бугаев.

[62] *Грядущий в мир Аполлион...* – Аполлион (*греч.* – губитель) – ангел бездны (Откр IX, 11).

[65–66] *Дивеева заветный сон // И сосны грозные Сарова.* – Дивеево – женский монастырь в Нижегородской губернии. Саров – см. примеч. к стихотворению "На откосе" (с. 402). Ср. признания Белого в "Воспоминаниях о Блоке": "...сосны Сарова и прядающий животворный источник осталися в памяти ⟨...⟩ проведенные миги в Дивееве, впечатление от монашек ⟨...⟩ великолепные окрестности и канавка, прорытая самим Серафимом вокруг монастырской обители, не имеющей стен, – до сих пор в моей памяти ясны, светлы" ("Эпопея". № 2. С. 109).

Ответ на посвящение

Беловой автограф; первоначальное заглавие: "Валерию Брюсову". Впервые: *Урна*. С. 20–22 (в разделе "В. Брюсову") – без эпиграфа и деления на две части, с датировкой: 1909. Бобровка. Вариант (*Урна*):

[17] В мою взволнованную грудь...

Ответное послание на стихотворение В. Брюсова "Андрею Белому" ("Нас не призвал посланник Божий..."), впервые опубликованное в его книге "Все напевы" (1909). См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 540–541. *Эпиграф* – неточная цитата из этого стихотворения. В воспоминаниях, рассказывая о Брюсове, Белый отмечает: "В девятьсот лишь девятом

году неожиданно он мне напомнил ненужное прошлое наше в стихах, посвященных мне, где он описывал, как он свой жезл поднимал на меня, чтоб убить, и как выпал тот жезл из руки". Процитировав свое ответное послание, Белый добавляет: "Но стихи вышли, как расставание в сфере культурной работы, которая – оборвалась; примирением внутренним, но расхождением внешним открылся период тот" (*Белый Андрей.* Начало века. С. 515–516).

7 *И от него хрустальным фирном...* – Фирн (*нем.* Firn) – вечный снег (в горах).

43–44 *Братоубийственную руку // Я радостно к груди прижал...* – Отклик на строки стихотворения Брюсова: "Братоубийственную руку // Я на поэта подымал..."

Жалоба

Печ. текст (*Урна*). Впервые: *Урна.* С. 104 (в разделе "Тристии") – с датировкой: 1909. Бобровка.

6 *В пустынный берег бьет Коцит...* – Коцит (греч. миф.) – одна из рек подземного царства мертвых.

Наин

Беловой автограф. Впервые: *Урна.* С. 119 (в разделе "Думы") – с иероглифическим обозначением заглавия; без эпиграфа и подстрочных примечаний, с датировкой: "День Луны. Час Меркурия".

Эпиграф – из "Вместо предисловия" (*Урна.* С. 11).

Стихотворение написано на основании данных собственного гороскопа, который Белый составил во время пребывания в Бобровке (Тверская губ.) в конце февраля – первой половине марта 1909 г.; там он читал "по преимуществу книги, затрагивающие проблемы таинственных знаний: алхимии, каббалы, астрологии" (*Белый Андрей.* Воспоминания о Блоке // "Эпопея". Берлин, 1923. № 4. С. 146) – в частности, "Историю магии" (*Paul Christian.* Histoire de la magie, du

monde surnaturel, et de la fatalité. Paris, 1870), выписки из которой сохранились в его архиве (*РГБ*. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 2). О теософско-оккультических штудиях Белого и об использованной им гороскопической методике см.: *Carlson Maria*. "The Silver Dove" // Andrey Bely. Spirit of Symbolism. Ed. by John E. Malmstad. Ithaca; London, 1987. P. 68–73.

[5] *Пи-Рей* – согласно герметическим учениям, один из семи планетных духов, источник божественной Красоты, имевший престолом Солнце. См. статью Белого "Семь планетных духов" (Весы. 1909. № 8. С. 68–71. Подпись: Spiritus).

После стихотворения "Наин" – лист с пометами рукой Иванова-Разумника: "Оставить чистую страницу"; "См. Предисловие". Имеется в виду фрагмент авторского предисловия, изъятый из окончательного текста (см. с. 350).

Родина

Беловой автограф. Впервые: Остров. ⟨1909⟩. № 2. С. 9 – без эпиграфа (републикация А.Г. Терехова – в сб.: Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 330). Позднейшая редакция: *КР*. С. 46–48 – с датировкой: 1909. Москва.

Эпиграф – сокращенная цитата ("Вместо предисловия". – *Урна*. С. 11–12).

Стихотворение навеяно переживаниями первых встреч с А.А. Тургеневой (вторая половина марта – апрель 1909 г.): «Она стала явно со мною дружить; этой девушке стал неожиданно для себя я выкладывать многое; с нею делалось легко, точно в сказке ⟨...⟩ Под впечатлением встреч я написал первое стихотворение цикла "Королевна и рыцари" ⟨...⟩ Розовый куст – распространяемая от нее атмосфера. Стихотворение написано в апреле 1909 года; оно – первое в цикле, противопоставленном только что вышедшей

"Урне": тематикою и романтикой настроения ⟨...⟩» (*Белый Андрей*. Между двух революций. С. 323).

Старинный друг
("Струит ручей гирлянды бирюзы...")

Беловой автограф. Впервые: "Антология". М., "Мусагет", 1911. С. 32–33 (под заглавием "Вещий сон") – без эпиграфа. Позднейшая редакция: *КР*. С. 51–52 (под заглавием "Вещий сон") – с датировкой: Москва, 1909 г. Вариант первой публикации:

16 Он на горах: он ждет меня, он манит,

Эпиграф – см. стихотворение "Наин" (с. 289–290).

13–14 *...переживя века, // Старинный друг опять в эфире встанет.* – Реминисценция стихотворения 1903 г. "Старинный друг" (см. с. 86–89).

Зори

Беловой автограф. Впервые: Остров. ⟨1909⟩. № 2. С. 10 (под заглавием "Змея"; републикация А.Г. Терехова – в сб.: Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 331). Позднейшая редакция: *КР*. С. 49–50 (без заглавия; 1-я строка: "Вы – зори, зори! Ясно огневые...") – с датировкой: Москва. 1909 г. Варианты первой публикации:

5 Лежу в траве здесь на лугу душистом;
9 Приподнялась – и вдруг прыжком сердитым
14 Ты жги меня: сожги огнем зари!..

1910–1911

Перед старой картиной

Беловой автограф. Впервые: "Антология". М., "Мусагет", 1911. С. 29–31. Позднейшая редакция: *КР*. С. 9–17 – с датировкой: 1910. Москва. Вариант первой публикации:

56 Опускался подъемный мост.

День в Боголюбах

Беловой автограф. Впервые: Аполлон. 1911. № 6. С. 32. Позднейшая редакция: *КР*. С. 34–35 (без заглавия; 1-я строка: "И опять, и опять...") – с датировкой: Боголюбы. 1911 г.

Боголюбы – имение В.К. Кампиони и С.Н. Кампиони (матери А.А. Тургеневой) в Волынской губернии (близ Луцка). Белый жил там в июле 1910 г. и в июне-июле 1911 г.

Близкой

Беловой автограф. Впервые: Аполлон. 1911. № 6. С. 31–32. Позднейшая редакция: *КР*. С. 41–45 – с датировкой: 1911. Боголюбы.

Эпиграф – заключительные строки стихотворения А. Блока "Погружался я в море клевера..." (1903).

2 *Дышит тенями ниш.* – Ниш (*устар.*) – ниша.

Шут

Беловой автограф. Впервые: "Литературный альманах". СПб., "Аполлон", 1912. С. 23–27. Позднейшая редакция: *КР*. С. 18–33 – с датировкой: 1911. Боголюбы. Варианты первой публикации:

1 Есть край, где белый замок
9–12 Прищелкивая звонко
Трескучим бубенцом,
Докучно вырастает
На выступе седом.
26 Таясь в тени аркад,
47–48 Зубцами серых башен:
Растаял в бездне дней.
52 Мелькнул его лоскут.
121 И за стеной зубчатой
125–128 *перед ст. 121–124*

Барбарусса

Беловой автограф. Впервые: "Вопрос" – Альманах "Гриф". 1903–1913. М., 1914. С. 48–49 – без заглавия; "Ответ" – Аполлон. 1911. № 6. С. 30 – под заглавием "Барбарусса". Позднейшая редакция: *КР*. С. 36–40 – под заглавием "Голос прошлого", с датировкой: 1911 г. Боголюбы. Варианты первой публикации:

3 Знаю – блеснешь из тьмы,
13 Знаю – в года, в века,

Барбарусса. – Подразумевается Фридрих I Барбаросса (Barbarossa, букв. "краснобородый"; *франц*. Barberousse; ок. 1125–1190) – германский король (из династии Штауфенов) с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г.; совершил пять военных походов в Италию, погиб во время 3-го крестового похода. Этот образ связан для Белого с размышлениями о династии Гогенштауфенов, правившей на Сицилии в XII–XIII вв. (Белый посетил Сицилию во второй половине декабря 1910 г.); ср.: "Весь род Гогенштауфенов – символический жест, не прочитанный нами; недаром легендой, как ладаном, странно туманится лик Барбаруссы 〈...〉 духом несется на юг 〈...〉" (*Белый Андрей*. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922. С. 112–113).

1913–1914

"Снеговая блистает роса..."

Беловой автограф. Впервые: Альманах "Гриф". 1903–1913. М., 1914. С. 48. Позднее вошло в кн.: *Звезда*. С. 51 – под заглавием "Асе (а–о)", с датировкой: 1913. Христиания.

Обращено к А.А. Тургеневой; написано во время

совместного с нею пребывания в Норвегии во второй половине сентября – первой половине октября 1913 г.

"Мне снились: и море, и горы..."

Беловой автограф. Впервые: Заветы. 1914. № 5. Отд. I. С. 1–2 – варианты в делении текста на строки. Позднее вошло в кн.: *Звезда*. С. 8–9 – под заглавием "Самосознание", с датировкой: 1914. Базель; варианты в делении текста на строки. Автограф (*РГБ*) – под заглавием "Мне снилось" с датировкой: Базель. Март. 1914 г. Варианты первой публикации:

2 *отсутствует*
3–5 Вместо Далекие ходы созвездий кружились во мгле мировой...
6 Порой метеоры
18–19 Как плачется старая бездна
Лазури
28–29 Все то же, все строже. –
Все строже сознанье мое.

Вспоминая о событиях и переживаниях февраля 1914 г., Белый указывает в "Материале к биографии": «Весь этот месяц чувствую себя утомленным и как бы несколько разочарованным 〈...〉 особенно тоскливы были мне дни моего сидения в Базеле 〈...〉 В эти дни я написал стихотворение *"Самосознание"*; в нем отразилась грусть этих дней" ("Андрей Белый и антропософия". Публикация Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Т. 6. С. 373).

В русских полях

Беловой автограф. До формирования "Собрания стихотворений" не печаталось. Впервые приведено в кн. Андрея Белого "На перевале. II Кризис мысли" (Пб., 1918. С. 93 – варианты в делении текста на

строки). Вошло в кн.: *Звезда*. С. 60–61 – под заглавием "Инспирация", с датировкой: 1914. Арлесгейм; другое деление текста на строки.

"Упал на землю солнца красный круг..."

Беловой автограф с правкой; ст. 5 начат: "Теперь мертво". До формирования "Собрания стихотворений" не печаталось. Впервые: "Скифы". СПб., 1917. Сб. 1. С. 1 (в составе цикла "Из дневника"); *Звезда*. С. 7 – под заглавием "Звезда", с датировкой: 1914. Арлесгейм.

"Мы – ослепленные, пока в душе не вскроем..."

Беловой автограф. До формирования "Собрания стихотворений" не печаталось. Впервые: Биржевые ведомости. Утр. вып. 1916. № 15753, 21 августа; *Звезда*. С. 43 – под заглавием "Воспоминание", с датировкой: 1914. Арлесгейм.

"Открылось!.. Весть весенняя!..
Удар молниеносный!.."

Беловой автограф. До формирования "Собрания стихотворений" не печаталось. Впервые приведено в статье Иванова-Разумника "Андрей Белый" ("Русская литература XX века. 1890–1910". Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Кн. 7. С. 63). Вошло в кн.: *Звезда*. С. 67 – под заглавием "Чаша времен", с датировкой: 1914. Арлесгейм; другое деление текста на строки.

Мысль

Беловой автограф. До формирования "Собрания стихотворений" не печаталось. Впервые: "Страда". Пг., 1917. Кн. 2. С. 84 – под заглавием "Искра"; *Звезда*. С. 41 – под заглавием "Дух", с датировкой: 1914. Арлесгейм.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1903 ГОД

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

1904 ГОД

1905 ГОД

ТОМ ВТОРОЙ

1906 ГОД

1907 ГОД

В ПОЛЯХ

ТРИСТИИ

ТОМ ТРЕТИЙ
("ЗОВЫ")

1908 ГОД
МОСКВА И ПОДМОСКОВНОЕ

РАЗДУМЬЯ

1909 ГОД

1910–1911

1913–1914

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Собрание
стихотворений
1914

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Литературные памятники"

Заведующая редакцией
"Наука – культура" *А.И. Кучинская*

Редактор *Е.В. Белова*

Художник *Б.И. Астафьев*

Художественный редактор *Г.М. Коровина*

Технический редактор *З.Б. Павлюк*

Корректоры *Н.П. Круглова,*
А.В. Морозова, Е.Л. Сысоева

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 11. 08. 97
Формат 70 × 90 1/32. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,2. Усл.кр.-отт. 18,8. Уч.-изд.л. 13,1
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2310

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

И.М. Долгоруков.

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА
(Литературные памятники). 35 л.

Книга русского поэта и государственного деятеля Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823) "Капище моего сердца" – выдающийся памятник литературы, быта и языка последней четверти XIX в. Это своеобразный словарь "всех тех", с кем автор "был в разных отношениях" в течение всей своей жизни. Книга содержит живые характеристики не только исторических лиц (М.М. Сперанского, Екатерины II, Павла I, императрицы Марии Федоровны, митрополита Платона, писателей И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и др.), но и множества знакомых Долгорукова на "бытовом" уровне: всего 365 лиц из разных слоев русского общества.

Впервые книга была издана в Москве по рукописи в 1872 г., вторично – в 1890 г. и с тех пор не переиздавалась.

Для широкого круга читателей.

ЧЕХОВ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

В 2-х кн. Кн. 1 (Литературное наследство. Т. 100). 75 л.

В книге собран и исследован огромный документальный материал, отражающий роль Чехова – прозаика и драматурга – в развитии мировой литературы и театра на протяжении XX столетия. Книга посвящена влиянию Чехова на литературу Франции, Германии, Австрии, Англии, Ирландии, Бельгии. В ней содержится анализ переводов произведений Чехова, обзоры критических статей и исследований, театральных спектаклей, а также многочисленные, ранее неизвестные высказывания о Чехове зарубежных писателей и деятелей культуры.

Для широкого круга читателей.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. 1995. 60 л.

Уникальное издание, публикующее не просто интересные литературоведческие и искусствоведческие статьи: каждая публикация вводит в науку новый, прежде неизвестный памятник культуры в области письменности, всех видов искусства и археологии с древнейших времен до наших дней. Материал сборника разнообразен, содержателен, и все издание в целом может рассчитывать на долголетие.

Для специалистов в области гуманитарного знания, а также для широкого круга читателей.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ВЫШЛИ КНИГИ:

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. 1994. 60 л.

Издание завоевало широкое признание как у нас в стране, так и за рубежом. В книге сохранены традиционные для этого издания разделы: "Письменность", "Искусство" (все его виды) и "Археология". Как и всегда, каждый раздел включает памятники отечественной и зарубежной культуры, находящиеся в нашей стране, а также памятники отечественной культуры, хранящиеся за рубежом. В книге публикуются только новые, впервые вводимые в научный оборот памятники или новые материалы, позволяющие переатрибутировать и передатировать памятники уже известные.

Для искусствоведов и всех интересующихся памятниками отечественной и зарубежной культуры.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ.
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. 1997. 50 л.

Очередной выпуск ежегодника включает новонайденные материалы в области письменности ("Альбом А.А. Ахматовой 1910 – начала 1930-х годов", «Неизвестный перевод "Песни о Гайавате"» и др.), театра, изобразительного и прикладного искусства, а также архитектуры ("К истории постройки церкви Иоанна Предтечи в с. Дьяково", «К истории застройки "Приморских дач" по Петергофской дороге» и др.).

Для искусствоведов, литературоведов и всех интересующихся памятниками отечественной культуры.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга–почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); 664003 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга–почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга–почтой"); 142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8; 142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга–почтой"); 443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

Магазин "Академкнига" в Татарстане

420043 Казань, ул. Достоевского, 53